

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2017 – № 1**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – № 1. – 151 с. – ISSN 2499-9679.
2017, № 1. – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Вискулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горюшко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **О. С. Егорова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. А. Ермолин**, кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. И. Жельвис**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Т. Г. Кучина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных литератур и языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Белоруссия); **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Рenate Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института в г. Иркутске – филиала Московского государственного лингвистического университета; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ, Ярославль); **Т. Н. Фецуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108

Тел.: (4852) 30–55–96 (научная часть), 72–64–05, 32–98–69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)

ПИ № ФС 77–68454 от 27.01.2017 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2017

© Авторы статей, 2017

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2017. – № 1. – 151 pages. – ISSN 2499-9679.
2017, № 1. – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU; **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **O. S. Egorova**, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Head of department, YSPU; **E. A. Ermolin**, Doctor of Education, Candidate of Art, Professor, Head of Journalism and Publishing Department, YSPU; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **V. I. Zhelvis**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State Pedagogical University; **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **T. G. Kuchina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literatures and Languages, YSPU; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **T. G. Popova**, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (IUB&NT, Yaroslavl); **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108
Tel.: (4852) 30–55–96 (research department), 72–64–05, 32–98–69 (publishing office)
Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Certificate of mass media registration
(Russian Federation Ministry for Press, Broadcasting and Mass Communication)
PI № FS 77–68454, 27.01.2017

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2017
© Authors of the articles, 2017

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 1 – 2017

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Буровцева Н. Ю.** Проблема нравственного выбора в романе В. С. Гроссмана
«Жизнь и судьба» _____ 8
- Федотова А. А.** Статья В. А. Жуковского «О смертной казни» в интерпретации русских
писателей второй половины XIX века _____ 14
- Летин В. А.** Хронотоп поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:
концепт дороги / пути _____ 19
- Иванов Н. Н.** Мифопоэтическая парадигма художественных поисков
в литературе русского неореализма _____ 28
- Бокарев А. С.** Архаическое слово в цикле стихотворений Леонида Черткова «Рюхи» _____ 32
- Никкарева Е. В.** Литературный романс и элегия: пути взаимодействия
и возможности разграничения жанров _____ 37

РУССКИЙ ЯЗЫК

- Гусева Л. А.** Библейская фразеология в стихотворных текстах Н. И. Глазкова _____ 43
- Титов О. А.** Русские дериваты от латинского корня «*duc-*» _____ 50
- Кулаковский М. Н.** Вставные конструкции и индивидуально-авторский стиль _____ 53
- Волкова В. Н., Кулаковский М. Н.** Одоративная лексика в прозе А. И. Куприна _____ 57
- Шаркова Т. В.** Мотивированность как критерий выбора номинации
в городе Ярославле _____ 61
- Ушакова А. П.** Синтаксические фразеологизмы со словами *много, мало*
в современном русском языке _____ 64

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

- Жельвис В. И., Метелкина С. С.** Сложный поэтический текст как объект
лингвокультурологического анализа _____ 67
- Бабаян В. Н.** Различные подходы к определению понятия «дискурс»
и его основные характеристики _____ 76
- Удод Д. А.** Функционирование лексических средств художественной выразительности
в креолизованном тексте (на примере буклета музыкального альбома) _____ 82

Боднарук Е. В. Использование форм конъюнктива для выражения будущего времени в немецкой прямой речи	85
--	----

Baikowa O. W., Obuchowa O. N. Die moderne deutsch-russische Zweisprachigkeitssituation der älteren Generation von Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka	90
---	----

Дубровина С. Н. Средства реализации речевого информирования в немецком политическом дискурсе	93
---	----

Михайлова Е. Н. Лингвистическая концепция Шарля де Бовеля (1479–1565)	98
--	----

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Философские основания «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева	104
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Хренов Н. А. Между футуризмом и пассаизмом: символизм как универсальный художественный стиль XX века	111
---	-----

Летин В. А., Болтаев Р. Е. Свет в художественном универсуме первой части трагедии Гете «Фауст»	119
---	-----

Добрецова С. А. Михаил Соколов: грани бытия творческой личности	124
--	-----

Хмара Д. Н. Родовое самосознание – регулятивное основание конституирующей деятельности дворянина (на примере дворянского рода Митковых)	127
--	-----

Тарумова Н. Т. Научно-образовательные практики НИВЦ МГУ имени М. В. Ломоносова в системе работы российских культурологических сайтов	134
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Разумов Р. В. XV Международная конференция «Ономастика Поволжья»	140
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	146
----------------------------	-----

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	150
--	-----

*"The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought..."*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Burovtseva N. Y. Life as fate and the problem of moral choice in the V. S. Grossman's novel «Life and Fate»	8
Fedotova A. A. The article On Death Penalty by V. A. Zhukovsky in the interpretation of the XIX century Russian writers	14
Letin V. A. Chronotope of N. A. Nekrasov's poem Who Is Happy in Russia: concept of road / way	19
Ivanov N. N. Mythopoetic paradigm of artistic searches in the literature of russian neo-realism	28
Bokarev A. S. The archaic word in Leonid Chertkov's poetic cycle «Ryukhi»	32
Nikkareva E. V. Literary romance and elegy: ways of interacting and possibilities of distinguishing genres	37

RUSSIAN LANGUAGE

Guseva L. A. Biblical phraseology in N. I. Glazkov's poems	43
Titov O. A. Russian derivatives from the Latin root «duc-»	50
Kulakovskiy M. N. Expletive constructions and individual author's style	53
Volkova V. N., Kulakovskiy M. N. Odor words in A. I. Kuprin's prose	57
Sharkova T. V. Motivation as a criterion for nomination in the city of Yaroslavl	61
Ushakova A. P. Syntactical idioms with the words «много», «мало» in the modern Russian language	64

THEORY OF LANGUAGE

Zhelvis V. I., Metelkina S. S. Sophisticated poetical text as an object of lingvocultural analysis	67
Babayan V. N. Different approaches to «discourse» definition and its principal features	76
Udod D. A. Functional capacity of lexical stylistic means in creolized text of the music album booklet	82

Bodnaruk E. V. The usage of conjunctive mood forms to express future time in the German direct speech	85
Baikowa O. W., Obuchowa O. N. Die moderne deutsch-russische Zweisprachigkeitssituation der älteren Generation von Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka	90
Dubrovina S. N. Means of implementation of speech informing in German political discourse	93
Mikhailova E. N. Linguistic conception of Charles de Bovelles (1479–1565)	98
Novikov M. V., Perfilova T. B. Philosophical grounds of F. I. Buslaev's essay Towards an Historical Grammar of the Russian Tongue	104

CULTURAL SCIENCE

Khrenov N. A. Between Futurism and Passeism: Symbolism as the universal artistic style of the XX century	111
Letin V. A., Boltayev R. E. Light in the artistic universe of Goethe's tragedy Faust, Part One	119
Dobretsova S. A. Mikhail Sokolov: aspects of creative personality	124
Khmara D. N. Ancestral identity as the regulating basis for institutionalizing activity of a nobleman (based on the example of the Mitkovs family)	127
Tarumova N. T. Scientific and educational practices of Research Computing Centre (RCC) of Moscow State University in the framework of Russian websites for Cultural Studies	134

SCIENTIFIC LIFE

Razumov R. V. XV International Conference «Onomastics of the Volga Region»	140
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN» AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS	151
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-31

Н. Ю. Буровцева

Проблема нравственного выбора в романе В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба»

Слово «судьба» является ключевым (лингвоспецифичным) для русской языковой картины мира. В романе Гроссмана «Жизнь и судьба» слова, вынесенные в заглавие, представляют бинарную оппозицию: в тоталитарной системе у человека нет *жизни*, ему оставлена лишь *судьба*. Конкретные текстуальные примеры употребления слова «судьба» в романе позволяют показать, как жизнь осуществляется в судьбе, и доказать наличие и возможность выбора *внутри данной судьбы*.

Ключевые слова: В. С. Гроссман «Жизнь и судьба», судьба, жизнь, нравственный выбор, русская языковая картина мира.

LITERARY CRITICISM

N. Y. Burovtseva

Life as fate and the problem of moral choice in the V. S. Grossman's novel «Life and Fate»

The word «fate» is a key word (language-specific) for the Russian language picture of the world. The words in the title of Grossman's novel «Life and Fate», represent the binary opposition, because in a totalitarian system the person has no *life*, only the *fate* is left to him. Specific textual examples of the use of the word «fate» in the novel let the author show how life is proceeding in the fate and let him prove the existence and possibility of choice *within this fate*.

Keywords: V. S. Grossman «Life and Fate», fate, life, moral choice, Russian language picture of the world.

Обостренное чувство судьбы – одна из характерных черт русского национального самосознания, что подтверждается лингвистическим анализом: «Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются **лингвоспецифичными** (language-specific) в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [4, с. 10]. Показательно, что Анна Вежбицкая, к лингвокультурологическим исследованиям которой в значительной степени восходят идеи культурных языковых концептов, начиная в одной из своих книг разговор о «русской судьбе», цитирует именно отрывок из романа Гроссмана «Жизнь и судьба», «где слово судьба повторяется снова и снова», «по несколько раз на одной странице» [2].

Национальная специфика русскоязычного концепта «судьба» в настоящее время подробно исследована с самых разных точек зрения и в различных типах дискурса. Цель данной работы пре-

дельно конкретна: отметить текстуальные варианты употребления ключевого (лингвоспецифического) слова «судьба» в его соотносительности с общекультурной лексической единицей «жизнь» в романе Василия Гроссмана. Главный вопрос, который нас интересует, таков: как жизнь осуществляется в судьбе, и есть ли у человека выбор.

Начнем же мы с внелитературных событий, ставших фактами литературы: речь об аресте рукописей «антисоветского» романа Гроссмана в феврале 1961 года органами КГБ (изъятые были возвращены представителями ФСБ Министерству культуры РФ лишь 25 июля 2013 г.). Вернувшись домой после идеологической проработки, последовавшей в ответ на смелое письмо, адресованное отчаявшимся писателем самому Хрущеву, Василий Гроссман в тот же день подвел итог своей жизни: «Я понял, что я умер...». Так судьба романа оказалась трагически связана с жизнью его автора. Повторилась история с «Доктором Живаго», но в отличие от Пастернака, Гроссману не суждено было увидеть свою главную книгу опубликованной. Вышедший сначала в тамиздате в Швейцарии в 1980 г., а в СССР в 1988 (с купюрами;

полностью в 1990 г.) роман попал в принципиально иной, отличный от 60-х годов XX века, социально-исторический контекст, что безусловно повлияло на судьбу его читательского восприятия и критической рецепции. И по сей день о «Жизни и судьбе» существуют диаметрально противоположные мнения: одни отказывают роману в художественных достоинствах, характеризуя его как «антиэпопею» и даже «разросшееся до циклопических размеров эссе» (А. Казинцев) [5, с. 285, 290], другие, напротив, отмечают оригинальность и античную красоту романной формы, которая «состоит не из озарений, а из решений» (Г. Дашевский) [3]. Если продолжить мысль Григория Дашевского об архитектурно-инженерном типе писательского мышления Гроссмана, то главной несущей конструкцией романа должна быть названа бинарная оппозиция, ставшая его заглавием: «Жизнь и судьба». Александр Твардовский, легендарный редактор оттепельного «Нового мира», считал такое название «глупым», а эпическую манеру Гроссмана «претенциознейшей» [6, с. 201], друг же писателя поэт Семен Липкин признавался: «Не сразу понял я, читая книгу, что иной связью, куда более сложной, чем я думал раньше, связаны жизнь и судьба. Эта связь непостижна нашему разуму. Судьбу не изменишь, ее рождает жизнь, а жизнь есть Бог» [5]. По нашим же ощущениям, заглавие романа Гроссмана продолжает ряд великих русских романов, чьи названия давно вошли в язык как понятия и культурные мемы, частично утратив свою исконную номинативность: «Отцы и дети», «Былое и думы», «Преступление и наказание», «Война и мир», «Жизнь и судьба».

Необходимо заметить, что в русском языке лексемы «жизнь» и «судьба» не образуют оппозиции или антонимичной пары, напротив, иногда они выступают как синонимы, например, в таких употреблениях: жизнь / судьба так сложилась; жизнь / судьба уж у него такая и т. п. У Гроссмана же «жизнь» и «судьба» явно противопоставлены и образуют бинарную оппозицию: жизнь – цветущая сложность, полнота бытия, свобода; судьба – насильное упрощение, превращение частности в целое, в конечном итоге – рабство. В уста не сдавшегося судьбе академика Чепыжина вложено предельно краткое и емкое определение: «Жизнь есть свобода» [1, с. 692].

Понятие «судьбы» у Гроссмана всеобъемлюще. В романе идет речь о судьбе мира, которая решается в Сталинграде; о судьбе Сталинграда, ставшего на время мировым городом; о судьбе войны,

о судьбе тоталитарной системы, об исторической судьбе еврейства. Упомянутая выше цитата, приведенная Анной Вежицкой в ее исследовании в очень сокращенном виде, включает все нами названное и даже сверх того: на одной странице слова «решалась судьба» рефреном повторяются 9 раз, причем 6 раз они вынесены в сильную позицию начала абзаца. «В Кремле Сталин ждал донесения командующего Сталинградским фронтом. <...> Пришел час его силы. В эти минуты *решалась судьба* основанного Лениным государства <...> *Решалась судьба* оккупированных Гитлером Франции и Бельгии, Италии <...> *Решалась судьба* немцев-военнопленных, которые пойдут в Сибирь. *Решалась судьба* советских военнопленных в гитлеровских лагерях <...> *Решалась судьба* калмыков и крымских татар, балкарцев и чеченцев <...> *Решалась судьба* Михоэлса и его друга актера Зускина, писателей Бергельсона, Маркиша, Фефера, Квитко, Нусинова <...> *Решалась судьба* спасенных Советской Армией евреев <...> *Решалась судьба* Польши, Венгрии, Чехословакии и Румынии. *Решалась судьба* русских крестьян и рабочих, свобода русской мысли, русской литературы и науки» [1, с. 646–647]. Прочитана глава 11 части третьей – одно из самых художественно совершенных и идеологически страстных мест романа Гроссмана: судьбу миллионов решает сталинская воля, слитая с силой государства. В нацистской Германии и сталинской России, показанных Гроссманом зеркально отраженными друг в друге, у человека нет жизни, ему остается лишь насильно навязанная, а не свободно избранная судьба.

Лингвист А. Д. Шмелев так описывает интересное нас слово: «...*судьба* не случайно оказывается одним из самых характерных слов русского языка. Оно соединяет в себе две ключевые идеи русской языковой картины мира: идею непредсказуемости будущего и представление, согласно которому человек не контролирует происходящие с ним события. Только эти идеи присутствуют в понятии *судьбы* не одновременно, а сменяют друг друга, когда *решается судьба*. **Пока *судьба* еще не *решилась*, будущее остается непредсказуемым, а человек может изменить свою судьбу и вообще может выступать как *творец* своей *судьбы***» [4, с. 455–456]. Другими словами, несмотря на «непредсказуемость» и «неконтролируемость» как имплицитные составляющие «русской судьбы», судьба поддается изменению, и ее творец – сам человек. Если говорить о судьбе отдельного человека в романе Гроссмана, то на мак-

роуровне произведения судьба – это константа, она человеку дана, а не выбрана им самим: «...в страшное время человек уж не кузнец своего счастья и мировой судьбе дано право миловать и казнить...» [1, с. 868]. Жизнь, бытие шире судьбы и «больше счастья», и хотя судьба дана, а не выбрана, у человека все-таки *остается свой выбор внутри данной судьбы*. Центральный, насущный вопрос Гроссмана, ради чего и написан его роман, – «что дано и не дано» мировой судьбе в отношении человека, или, другими словами, как жизнь осуществляется в судьбе, и есть ли у человека выбор. В фокусе внимания писателя одновременно множество человеческих судеб и конкретная, отдельная человеческая судьба, неотделимая от судеб мира, поэтому в романе есть центральные герои (Анна Владимировна, Штрум, Крымов, Мостовской), но нет главных.

Следует оговориться, что в «Жизни и судьбе» множество эпизодов и ситуаций, когда речь явно о судьбе, но само слово (и даже его семантические синонимы) отсутствует. Нас же интересуют только те случаи, когда «судьба» вербализирована, названа своим собственным именем, то есть мы рассмотрим примеры употребления лексемы «судьба» и ее смысловой контекст.

«Все живое – неповторимо. Немыслимо тождество двух людей, двух кустов шиповника... Жизнь глохнет там, где насилие стремится стереть ее своеобразие и особенности», – главный тезис заявлен автором «Жизни и судьбы» сразу же, на первой странице [1, с. 6]. Все персонажи, как неповторимые участники жизни, равно важны для композиционной архитектоники романа-эпопеи Гроссмана, но судьбы центральных героев проработаны более детально и развернуты во времени. Мы остановимся на узловых моментах жизни двух из них – ученого-физика Штрума и комиссара Крымова, во всем разных, но связанных жизнью (их жены – сестры) и исторической судьбой страны.

Главное в жизни Виктора Павловича Штрума – его судьба как ученого, решающего фундаментальные проблемы ядерной физики. Писательская удача Гроссмана – художественно убедительное изображение мыслительного процесса, детальное описание того, как из «сора жизни» рождается гениальное открытие. «Штрума удивляло, что он достиг своего высшего научного успеха, совершил главное дело своей жизни в пору, когда постоянная тоска давила на его мозг. Как же оно могло случиться?» [1, с. 342] Гроссман показывает, что «случилось» именно после «опасных, смелых,

острых», вольных разговоров в узком кругу за стаканом чая: разговоры о русской литературе и о свободе (именно такие, за которые сажали) послужили катализатором теории, возникшей, «казалось, сама по себе из свободной игры мысли» [1, с. 340]. Для испытанного Штрумом в момент открытия чувства писатель находит контекстуально неожиданный поэтический образ, он повторяется дважды: «словно из темной тихой воды вдруг всплыла кувшинка, ах, Боже мой...» [1, с. 283, 343]

На протяжении всего повествования Гроссман подчеркивает одиночество своего героя, которое усугубляется растущей отчужденностью с женой Людмилой: Штрум не хочет, как это было раньше, говорить с ней о главном, то есть о своей работе. В семье Штрума каждый, переживая свое горе, погружен в одиночество, а 15-летняя дочь Надя осуждает отца за внутреннюю слабость и конформизм. В главе 10 части второй есть замечательная сцена, когда бабушка Анна Владимировна (мать жены Штрума Людмилы), пытавшаяся разузнать о судьбе арестованного сына, вернувшись домой, «волнуясь, и потому особенно спокойным, размеренным голосом» рассказывает то, что узнала от других о советских лагерях. Атмосфера разговора накаляется: «Все, что годами почти в каждой семье живет в тени, – потревожит и затихнет, усмиренное любовью и душевным доверием, – вышло на поверхность, вырвавшись, разлилось широко, *заполнило жизнь* <...> Неужели лишь рознь и отчужденность рождала их *общая судьба*?

– Бабушка! – сказала Надя» [1, с. 362]. Следующая за восклицанием Нади сцена принадлежит к лучшим страницам русской литературы, из тех, что следует цитировать целиком, читать вслух школьникам и студентам на занятиях: «Штрум посмотрел на нахмурившееся лицо жены, подошел к Александре Владимировне, взял ее руки в свои, стал целовать их. Потом, нагнувшись, он погладил Надю по голове. Казалось, ничто не изменилось в эти несколько мгновений, те же люди были в комнате, то же горе давило их, *та же судьба вела их*. И только они сами знали, каким чудным теплом наполнились в эти секунды их ожесточенные сердца... В комнате вдруг раздался раскатистый голос: „В течении дня наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда...”» [1, с. 362].

Судьба – это жизненная связь, нередко горькая, тяжелая, мучительная, но не отменяемая и неразрывная. Прежде всего связь с родными, с семьей. В дальнейшем жизнь еще даст Штруму возможность осознать, «какое серьезное и нелегкое де-

ло – жить на земле, как значительны отношения с близкими». Может быть, значительнее всего остального, потому что в минуту жизни трудную ты остаешься только с близкими, с семьей («Вот, Бог даст, тебя посадят, тогда узнаешь, чем могут тебе помочь близкие люди», – так ответила сестра Женя Людмиле). Вот еще примеры словоупотребления, подтверждающие сказанное: «*Другие люди* вошли в дом, у них уже другое сердце, *другая судьба*, они живут в другой эпохе...» (о возвращении Штрума из Казани в Москву); «у нас *одна судьба* <...> в Сорбонну <...> на Колыму...» (Штрум о Людмиле); «вырвется ли <любовь> наружу и станет его *новой судьбой*, – он уже не будет знать покоя» (Штрум о любви к Марье Ивановне) [1, с. 442, 670, 710]. Как показывает Гроссман, в рамках заданной судьбы, в личных отношениях с теми, с кем связан не на жизнь, а на смерть, человек постоянно вынужден делать выбор, и благо, если этот выбор – человеческий, то есть в пользу долга, сочувствия, доброты, а значит – ближнего своего.

Но отдельной от всех судьбы не бывает – в приведенном выше эпизоде об этом напоминает радиосводка совинформбюро о боях за Сталинград, «мировой город», душа которого – свобода. В главе 32 части третьей, где показан быт разгромленной, оказавшейся в сталинградском мешке, приговоренной Гитлером к героической смерти, но еще живой немецкой армии Паулюса, есть сцена, по высоте и чистоте эпического чувства не уступающая Толстому. Показательно, что она увиденна глазами немецкого офицера Ленарда: «Вечерний свет обладает свойством раскрывать существо происходящего, превращать зрительное впечатление в картину – в историю, в чувство, в *судьбу*» [1, с. 735]. Поражение немцев под Сталинградом – это победа Жизни, победа человеческого в самих побежденных: «Они очеловечились, но как-то по-плохому», – такую замечательно-ироничную фразу обронит Гроссман, характеризуя высшие чины рейха [1, с. 805].

Неожиданно попавший в опалу Штрум «не волновался, не страшился своих недавних слез, *не страшился своей судьбы*, не хотел хорошего исхода» [1, с. 696]. Гроссман показывает внутреннюю драму своего центрального героя в развитии, со всеми психологическими нюансами, последовательно отмечая каждую попытку противостояния человека Системе, уничтожающей «людей-винтиков», и это взгляд изнутри исторического момента: «невидимая сила жала на <Штрума> <...>. Только люди, не испытывавшие на себе по-

добную силу, способны удивляться тем, кто покоряется ей. Люди, познавшие на себе эту силу, удивляются другому – способности вспыхнуть хоть на миг, хоть одному гневно сорвавшемуся слову, робкому, быстрому жесту протеста» [1, с. 674]. Приняв решение «не каяться в грехах» и не делать того, что ждет от него Система, герой Гроссмана ощущает небывалую доселе легкость и свободу: «Он не верил в Бога, но почему-то казалось, – Бог смотрит на него. <...> Уже не было силы, способной отнять у него его правоту» [1, с. 699]. В конечном итоге судьбу Штрума решил не он сам, а тот, кто уже давно решал все и за всех. Это ясно автору и читателю, не ясно только самому герою, потому что он просто не позволяет себе подумать, додумать до конца: «Казалось, он виноват в чем-то и перед кем-то, но в чем, перед кем, он не понимал <...> *Их судьба не стала его судьбой. Он думал о них с грустью и отчужденностью*» [1, с. 773, 776]. «Штрум радовался победе, – его душевная сила, его башка победили» [1, с. 776], но это *радость побежденного*: Система, которой понадобилось открытие Штрума, одним звонком Сталина сделала его своим рабом. «Возникло *пронзительно ясное ощущение свершения судьбы*, и с ним смешалась печаль о потере чего-то странно милого, трогательного, хорошего. <...> Разговор длился две или три минуты. <...> В этой неизменности буфета, пианино, стульев, в том, что две немые тарелки стояли на столе так же, как при разговоре об оправдоме, было что-то немыслимое, сводящее с ума. *Ведь все изменилось, перевернулось, перед ними стояла иная судьба*» [1, с. 767–768]. В этой сцене Гроссман предельно убедительно показывает почти абсолютное сужение поля выбора, невозможность перехода некой границы, те самые «обстоятельства», когда добрая воля человека парализуется, и он уже не имеет выбора в своей судьбе: «– Папа, послушай, – сказала Надя, – <...> почему ты не попросил <Сталина> о дяде Мите и о Николае Григорьевиче?

– Да что ты говоришь, разве мыслимо!..» [1, с. 774].

Судьба Виктора Штрума, как и других оставшихся в живых персонажей, не завершена: автор оставляет своего героя «в минуту злую для него»: «Военные победы совпали с *переломом в его личной судьбе*. <...> С ужасом, с тоской он понимал, что бессилён сохранить свою душу, не может оградить ее. *В нем самом росла сила, превращающая его в раба. <...> он, человек, изменил людям...*» [1, с. 846–847]

Другой центральный персонаж романа – идео-

лог, старый большевик, комиссар Николай Крымов, казалось бы, во всем противоположен Штруму, но и он чувствует себя «пасынком времени»: «Снова, в тысячный раз Крымов ощутил боль одиночества. Женя ушла от него» [1, с. 39]. Разрыв с женой Женей и неотменимая связь с нею оказываются определяющими в судьбе этого героя. Сама Женя стоит на пороге новой жизни и новой любви, она «собиралась ехать к Новикову на фронт, и связь с ним казалась ей обязательной, неминуемой, как судьба» [1, с. 751]. Однако именно Женя стала косвенной виновницей ареста Крымова, не зная об этом, она принимает решение оставить Новикова и до конца разделить судьбу Крымова: «...жалость ли это, любовь, совесть ли, долг? <...> Старая судьба стала ее новой судьбой. То, что, казалось, навсегда ушло в прошлое, стало ее будущим» [1, с. 683]. Давно известно, что дважды нельзя войти в одну и ту же реку, реку жизни, однако Гроссман дает нам удивительный пример закольцованной судьбы.

В описании Крымова, попавшего на Лубянку, рефреном повторяется фраза: «он терял себя». Жизнь, равная свободе, кончилась, оставшаяся судьба – это лубянские коридоры: «Как странно идти по прямому, стрелой выстроенному коридору, а жизнь такая путаная, тропка, овраги, болотца, ручейки, степная пыль, несжатый хлеб, продираешься, обходишь, а судьба прямая, стрункой идешь, коридоры, коридоры, в коридорах двери...» [1, с. 621] Крымова мучает вопрос: «кто меня посадил?», в числе подозреваемых и Женя, именно ее «предательство» добило несгибаемого комиссара: измученный конвейерными допросами, Крымов готов подписать ложные показания на самого себя, как вдруг «он понял: Женечка не могла донести! <...> – Прости меня, прости! Мне не судьба быть счастливым с тобой, я в этом виноват, не ты» [1, с. 794]. Получив передачу с вложенным перечнем предметов, написанных родным знакомым почерком, комиссар Крымов плачет и, может быть впервые в жизни произносит: «Боже, Боже...» [1, с. 854] Решение Жени до конца остаться с Крымовым прямо повлияло на судьбу полковника Новикова, которому без Жени нет жизни: «Ему не нужно было, чтобы она была умна, красива, молода. Он действительно любил ее» [1, с. 325].

В художественном мире Гроссмана фраза «у меня не было выбора!» – невозможна, ибо выбор есть всегда, но способен на него лишь свободный человек, человек, поступающий по совести. «Нельзя лишать человека права на совесть!» –

воскликает отчаявшийся Штрум. Однако Гроссман упорно показывает и доказывает, что *лишить* совести нельзя, человек отказывается от совести *сам*, по собственной воле. Выбор по совести всегда означает Жизнь, даже если за этим следует физическая смерть выбравшего. (Наиболее яркие примеры: Иконников, отказывающийся в немецком концлагере выходить на строительство газовых камер; врач Софья Левинтон, выбравшая смерть в крематории, чтобы разделить последние минуты мальчика Давида).

Василий Гроссман не оставляет человеку ни малейшей нравственной лазейки, не позволяет спрятаться за спину государства или переложить свою вину на репрессивную Систему. И в этом смысле для писателя нет и быть не может «маленьких людей», ответственен и виноват *каждый*: «Судьба ведет человека, но человек идет потому, что хочет, и он волен не хотеть. <...> – Есть в страшном мире виноватые! Виновен!» [1, с. 536–537]. Вопреки страшному обесчеловечивающему опыту XX века, своим романом «Жизнь и судьба», собственной писательской судьбой Гроссман доказывает, в том числе и нам, сегодняшним: «...нет силы, способной помешать людям оставаться людьми» [1, с. 706].

Библиографический список

1. Гроссман, В.С. Жизнь и судьба [Текст] / В. С. Гроссман. – М. : АСТ : Астрель, 2008.
2. Вежбицкая, А. Русская судьба // Анна Вежбицкая. Семантика, культура и мышление: универсальные человеческие концепты и их культурноспецифические модификации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm>.
3. Дашевский, Г. М. О «Жизни и судьбе» Василия Гроссмана // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2037135>
4. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира [Текст]: Сб. ст. / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005.
5. С разных точек зрения. «Жизнь и судьба» В. Гроссмана [Текст]. – М. : Советский писатель, 1991.
6. Твардовский, А. Т. Из рабочих тетрадей [Текст] // Знамя. – 1989. – № 9. – С. 200–201.

Bibliograficheskiy spisok

1. Grossman, V. S. Zhizn' i sud'ba [Tekst] / V. S. Grossman. – M. : AST : Astrel', 2008.

2. Vezhbickaja, A. Russkaja sud'ba // Anna Vezhbic-kaja. Semantika, kul'tura i myshlenie: universal'nye chelovecheskie koncepty i ih kul'turnospecificheskie modifikacii [Jelektronnyj resurs]. – URL:

<http://www.philology.ru/linguistics2/wierzbicka-02.htm>.

3. Dashevskij, G. M. O «Zhizni i sud'be» Vasilija Grossmana // [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2037135>

4. Zaliznjak, A. A., Levontina, I. B., Shmel'jov, A. D. Ključevye idei russkoj jazykovoj kartiny mi-

ra [Tekst] : Sb.st. / A. A. Zaliznjak, I. B. Levontina, A. D. Shmel'jov. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005.

5. S raznyh toček zrenija. «Zhizn' i sud'ba» V. Grossmana [Tekst]. – M. : Sovetskij pisatel', 1991.

6. Tvardovskij, A. T. Iz rabochih tetradej [Tekst] // Znamja. – 1989. – № 9. – S. 200–201.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

А. А. Федотова

Статья В. А. Жуковского «О смертной казни» в интерпретации русских писателей второй половины XIX века

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно исследовательского проекта «Поздний Н. С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192)

Статья посвящена проблеме рецепции одного из наиболее провокационных и спорных публицистических высказываний В. А. Жуковского – его очерка «О смертной казни» (1850), представляющего собой отрывок из письма к цесаревичу Александру Николаевичу (будущему императору Александру II). В статье анализируются наиболее влиятельные интерпретации работы Жуковского, принадлежащие перу Н. Г. Чернышевского, Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова. Во второй половине XIX века проблема смертной казни приобрела особую остроту, что было связано с показательными процессами и казнями деятелей революционного движения. Писатели и публицисты этого периода русской истории оказались единодушны в отрицательном восприятии письма Жуковского. Резкость сделанных ими интерпретаций статьи Жуковского была вызвана не только тем, что им оказался чужд религиозный мистицизм писателя, но и тем, что имя поэта неразрывно ассоциировалось с властью, неприятие которой объединило таких непохожих друг другу русских интеллектуалов.

Ключевые слова: В. А. Жуковский, «О смертной казни», рецепция, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков «Заячий ремиз».

А. А. Fedotova

The article On Death Penalty by V. A. Zhukovsky in the interpretation of the XIX century Russian writers

The article is devoted to reception of one of the most provocative and controversial publicistic works by V. A. Zhukovsky, his essay On Death Penalty (1850) which is an extract from a letter to crown prince Alexander Nikolayevich (future Emperor Alexander II). The article analyses the most important interpretations of Zhukovsky's work by N. G. Chernyshevsky, L. N. Tolstoy and N. S. Leskov. The issue of capital punishment became very urgent in the second half of XIX century due to the show trials and executions of revolutionaries. Writers and journalists of the period were unanimous in their negative attitude to Zhukovsky's letter. Their sharp interpretations were caused not only by the fact that they were alien to the poet's religious mysticism, but also because his name was associated with state power, antagonism to which united such different Russian intellectuals.

Key words: V. A. Zhukovsky, On Death Penalty, reception, N. G. Chernyshevsky, L. N. Tolstoy, N. S. Leskov Hare Remise.

Одним из самых вызывающих и сложных для интерпретации публицистических высказываний В. А. Жуковского, безусловно, является статья «О смертной казни». Она была опубликована уже после смерти писателя и вошла в последний том издания «Стихотворения В. Жуковского в 13-ти томах (7-ми книгах)», выпущенный в 1857 году по «высочайшему повелению» графом Д. Н. Блудовым. Этот очерк представлял собой отрывок из письма к цесаревичу Александру Николаевичу от 4 января 1850 г. Главная мысль поэта заключалась в том, что смертная казнь – установленный самим Богом институт, поэтому необходимо не отменить, а преобразовать ее во всеобщий «акт любви христианской» [3, с. 143].

Одним из первых на выход последних томов собрания сочинений писателя откликнулся

Н. Г. Чернышевский. В пятом номере «Современника» за 1857 год (т. LXIII) в разделе «Новые книги» появилась рецензия на работы Жуковского. Сосредоточившись на прежде недоступных публицистических высказываниях поэта, Чернышевский создает ироничный портрет Жуковского-мыслителя. Дискредитация Жуковского необходима критику как аргумент в актуальной для 1850-х гг. полемике о позднем творчестве Пушкина и Гоголя, значение творчества которых Чернышевский, как известно, подвергал сомнению: «Четыре дополнительные тома его сочинений, напечатанные ныне по высочайшему повелению, представляют довольно многочисленные <...> материалы <...> для определения <...> влияния Жуковского, как человека с данным настроением души и образом мыслей, на характер произведе-

ний некоторых наших замечательных писателей, находившихся с ним в тесной дружбе, особенно на Пушкина и на Гоголя, в последние годы их жизни» [3, с. 143]. Показательно, что из всех опубликованных статей Жуковского внимание Чернышевского особенно привлекло именно рассуждение «О смертной казни», единственное высказывание поэта, которое критик цитирует в рецензии практически целиком.

Полемическая стратегия критика очевидна: по его мнению, провоцирующее высказывание Жуковского в полной мере дискредитирует его как общественного деятеля. Предупреждают развернутую цитату следующие слова Чернышевского: «Читатели, вероятно, помнят, что пять или шесть лет тому назад казнь преступников Маннингов в Лондоне подала случай английским филантропам, отличающимся более эксцентричностью, нежели практичностью своих идей, с удвоенною силою возобновить старинные возражения против смертной казни <...> Жуковский, как глубокий мыслитель, оценивает по достоинству эти возражения и предлагает средство устранить их, не уничтожая смертную казнь, которую признает грустною необходимостью, а изменяя приличным образом способ ее исполнения» [3, с. 144].

Упоминание об успехах английской демократии, по мысли Чернышевского, демонстрирует доходящий до абсурда консерватизм взглядов Жуковского, чьи наиболее одиозные высказывания Чернышевский выделяет при цитировании курсивом: «И вместо того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное совершение казни, начали нападать на самую казнь, которая не иное что, как представитель строгой правды <...> сделайте, чтобы казнь была не одним актом правосудия гражданского, но и актом любви христианской; чтобы она, уничтожая преступника, врага граждан, возбуждала сострадание к судьбе его в сердцах его братьев <...> Место, на котором совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпе; за стеною, окружающей это место, толпа должна видеть только крест, поднимающийся на главе церкви, воздвигнутой богу милосердия в виду человеческой плахи. Эта неприступность будет действовать на душу зрителя (ничего не видящего, но все воображающего) гораздо сильнее, и в то же время гораздо спасительнее и нравственнее всех конвульсий виселицы и криков колесования <...> Пускай накануне этого дня призовут христиан на молитву по церквам о душе умирающего брата» [3, с. 145].

Новую остроту проблема смертной казни в России приняла в последней трети XIX века. Это было связано, прежде всего, с показательными процессами и казнями деятелей революционного движения. Сильнейший резонанс, безусловно, вызвала казнь «первомартовцев» (пятерых повешенных по делу осуществления убийства императора Александра II 1 марта 1881 года). Как резюмирует Н. А. Троицкий, «казнь цареубийц вопреки ожиданиям властей <...> произвела впечатление крайне невыгодное для правительства» [8, с. 137]. Юрист С. И. Зарудный, один из творцов судебной реформы 1864 года, в день казни направил царю письмо с предложением «теперь же и как можно скорее <...> издать высочайший манифест об окончательной отмене смертной казни в России» [8, с. 137]. Правительство на это не пошло, и вслед за повешением «первомартовцев» последовали казни в результате «процесса шестнадцати» (1880), «процесса четырнадцати» (1884) и др.

Среди отечественных общественных деятелей особенно резкую позицию по отношению к смертной казни занял Л. Н. Толстой. Внимательно следивший за процессом над народовольцами и написавший Александру III письмо с призывом помиловать цареубийц, писатель вспоминал: «Когда казнь совершилась я только получил еще большее отвращение к властям и к Александру III» [6, с. 114]. Размышления писателя над проблемой смертной казни вылились в отдельную работу «Смертная казнь и христианство» (1908), однако идея невозможности смертной казни в христианском обществе начинает встречаться в его текстах гораздо раньше.

Была знакома Толстому и статья Жуковского. С крайне резкой оценкой упоминает он ее в черновиках своего трактата «Царство Божие внутри» вас: «Не знаю лучшего примера <...> извращения христианства людьми, стоящими у власти, как записка сладкого, изнеженного христианского поэта Жуковского о том, как устроить смертную казнь в церкви. Как это будет трогательно» [7, с. 349]. О своем возмущении статьей Толстой рассказал Л. И. Веселитской («Лев Николаевич спросил меня, читала ли я Герцена <...> такой писатель не входит в учебники, а зубрят Жуковского, который был за смертную казнь» [1, с. 26]), а та, в свою очередь, передала слова писателя жадно ловившему все известия о Толстом Н. С. Лескову.

В письме к Толстому от 15 декабря 1893 г. Лесков писал: «Сентиментальное место у Жуковского о смертной казни я нашел: это в 6-м томе 6-го издания (1869) начиная с стр. 611. Приспосаблива-

юсь этим воспользоваться» [5, с. 520]. Воспользовался статьей Лесков в повести «Заячий ремиз», работа над которой велась в последние годы его жизни. Неатрибутированная аллюзия к очерку Жуковского «О смертной казни» включена в рассказ о неудавшейся любовной истории сказового нарратора Оноприя Перегуда. Маркером претекста становится упоминание имени поэта, основной темы статьи и небольшой комментарий к ней, носящий характер резюме: «Вице-губернаторша <...> говорила <...> с Жуковским, который ее <...> утешил по поводу бедственного окончания судьбы ее брата, и она успокоилась и полюбила читать его сочинение о том, как надо казнить православных христиан так, чтобы это выходило не грубо, а для всех поучительно, и им самим легко и душеполезно» [4, с. 531]. Показательно, что Лесков включает аллюзию не только на сам текст статьи, но и на контекст ее появления. Известно, что размышления Жуковского о проблеме смертной казни были связаны не только с европейскими революциями 1848 года, но и с процессом и публичной казнью декабристов [2], на что Лесков намекает, упоминая о «бедственном окончании судьбы» представителя высшей сферы русского общества.

В комментарии Лескова, с одной стороны, действительно выявляется суть размышлений Жуковского: поэт видел необходимость сохранения смертной казни как нравственного и даже религиозного акта. «Поучительность» и «душеполезность» смертной казни вполне точно характеризуют роль этой высшей меры наказания в обществе по мысли поэта. Однако принципиальным оказывается и искажение претекста, вызванное упоминанием Лескова о «легкости» казни для преступников, которое отсутствовало в тексте Жуковского. Усиление мысли поэта доводит ее до абсурда: очевидно, что насильственная смерть не может быть легкой. Ту же функцию имеет и добавление Лескова «как надо казнить православных христиан». Эти слова носят характер оксюморона: преступники, нарушающие заповеди не могут быть названы «христианами». Неслучайно основная идея Жуковского заключалась именно в том, чтобы преступника через казнь привести к христианству. Плеоназм «православные христиане» еще более усиливает алогичность приписываемому Жуковскому тексту.

После комментария к претексту Лесков достаточно точно цитирует начало статьи Жуковского: «Желал Жуковский, чтобы казнь в России происходила не как у иностранцев, а без всякого сви-

репства и обиды, а „как спасающий порядок, установленный самим богом”» [4, с. 531]. В оригинале эти слова выглядят следующим образом: «Конечно, никто не читал без ужаса подробного описания казни, совершившейся в Лондоне над Маннингами, мужем и женой. По поводу этой казни были самые отвратительные сцены разврата и скотства в бесчисленной толпе всякого народа <...> И вместо того, чтобы нападать на уродливое, варварское, отвратительное совершение казни, начали нападать на самую казнь, которая не иное что, как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный, установленный самим богом» [3, с. 144]. Между тем, очевидна принципиальная трансформация претекста Лесковым: если Жуковский говорил о том, что казнь необходима для спасения установленного богом общественного порядка, то в повести Лескова в цитате, точность которой акцентируется графически (с помощью кавычек), «спасающим порядком, установленным самим богом» становится сама смертная казнь.

В статье Жуковского рассуждения о нравственном и религиозном значении смертной казни сочетаются с рядом практических рекомендаций по ее организации. Непосредственным источником, откуда Жуковский воспринял идею казни как религиозного ритуала и откуда заимствовал элементы ее антуража является проект 1847 г. Фридриха Вильгельма IV, возникший в связи со спорами вокруг смертной казни в Германии. В отличие от существовавшего в то время обычая публичного наказания преступников, проект Жуковского предполагает следующее: «дайте ей (смертной казни) образ величественный, глубоко трогающий и ужасающий душу; удалите от ее совершения все чувственное; дайте этому совершению характер таинства <...> Место, на котором совершается казнь, должно быть навсегда недоступно толпе; за стеною, окружающей это место, толпа должна видеть только крест, подымающийся на главе церкви, воздвигнутой богу милосердия в виду человеческой плахи <...> на пути от церкви к месту казни он будет провожаем пением, выражающим молитву о его душе, и это пение не прежде умолкнет, как в минуту его смерти. И когда это будет совершаться внутри ограды, вокруг которой, конечно, будут собраны толпы народа, двери этой ограды будут заперты: из-за нее будет слышно только одно умоляющее пение. Не будет кровавого зрелища для глаз; но будет таинственное, полное страха божия и сострадания человеческого для души. И какое зрелище! Никакими глазами не

увидишь того, что в одну такую минуту может показать душе воображение. А когда пение вдруг замолчит - что представит себе это растроганное воображение? И с каким впечатлением разоидется толпа, которая видела перед собою наказующую смерть во всей таинственности ее ужаса и не была развлечена никаким всенародным представлением, всегда увеселительным, сколь бы оно ни было ужасно?» [3, с. 145].

В пересказе Лескова этот фрагмент статьи Жуковского выглядит следующим образом: «И, боже мой милый, как это все хорошо у него расписано, чтобы делать это „таинство“ при особой церкви, которую он велит выстроить на особый манер, за высокой стеною, и там казнить при самом умирительном пении, и чтобы тут при казни были только одни самые избранники, а народ бы весь стоял на коленях вокруг за стеною и слушал бы пение, а как пение утихнет, так чтобы и шел бы к домам, понимая, что «таинство кончилось»» [4, с. 531]. Несмотря на внешнюю близость двух текстов, очевидны существенные трансформации «чужого» слова Лесковым. Наиболее принципиальным изменением, безусловно, является утверждение нарратора-протагониста о том, что Жуковский представляет смертную казнь «таинством». Лесков намеренно выделяет это слово с помощью повтора и кавычек. Показательно и дополнение писателя: «делать это «таинство» при особой церкви». Жуковский, проводящий мысль о том, что казнь должна пробудить в преступнике религиозное чувство упоминает, что рядом с местом казни должен быть храм: «толпа должна видеть только крест, поднимающийся на главе церкви, воздвигнутой богу милосердия». Сделанная же Лесковым ассимиляция двух фрагментов естественно наводит на мысль, что в претексте говорится о высшей мере наказания, как о религиозном таинстве. Между тем, в исходном тексте понятия таинства употребляется лишь раз в выражении «дайте этому совершению характер таинства», что исключает всякую возможность истолкования в нем смертной казни как таинства, равного признанным таинствам христианства.

Модификация претекста Лесковым выражается также в замене «умоляющего» пения (так Жуковский называет молитву о преступниках) пением «умилительным», название преступников «избранниками» и в добавлении такой детали, как «стояние на коленях» народа вокруг места казни. Результатом этих изменений становится доведение до абсурда идей Жуковского, а, следовательно, и их дискредитация. Значимым в контексте

повести фактом является и то, что текст Жуковского дан в ней в пересказе нарратора-протагониста, чья точка зрения на протяжении повести постоянно подвергается сомнению и сопровождается его однозначно положительной оценкой: «и, боже мой милый, как это все хорошо у него расписано» [4, с. 531].

Следующим этапом актуализации статьи Жуковского в тексте повести становится пародийная «реализация» изложенных им идей: «Вице-губернаторша <...> от нетерпения делала примеры таинства у себя в покоях, причем ее четырнадцатилетняя дочь парила над осужденными в виде ангела, а я <...> пел <...> песнопения <...> Я влюбился одновременно и в ангела и в осужденницу, которую представляла из себя <...> молодая и красивая горничная – девушка с черными вьющимися волосами и глазами такими пылкими, как у дьявола» [4, с. 532]. Пародия на предлагаемую Жуковским процедуру смертной казни сопрягается в рассказе нарратора с воспроизведением романтических клише.

Как известно, именно в культуре романтизма сформировалась архетипическая модель женственности, оказавшую значительное влияние на русскую литературу и предполагающую «разделение женственного на идеализируемую и демоническую фигуру, воплощенную «вечную женственность», и порочность, святую и блудницу, ангела и демона» [10: 201]. Фразеологический ракурс, в котором выдержан связанный с Жуковским фрагмент текста нарратора, полностью соответствует претексту. Речь нарратора характеризуется большой эмоциональной насыщенностью, которая свойственна поэтике романтизма, что выражается в утрированном нагнетении слов с семантикой «чувства» («обласкал», «утешил», «полюбила», «умилительный», «пылкий»), «высокой» лексики («избранники», «песнопения», «осужденница», «дьявол»), усложненном синтаксисе. Пародия над статьей Жуковского сочетается у Лескова с пародийным воспроизведением романтического стиля в целом, характерным для «Заячьего ремиза». Эротический же контекст, в который Лесков вводит рассуждения Жуковского, окончательно снижает и дискредитирует высказанные им в статье «О смертной казни» идеи.

Размышления Жуковского о смертной казни, изложенные им в частном письме к цесаревичу Александру Николаевичу (будущему Александру II), получили в русской литературе второй половине XIX века широкий отрицательный резонанс. В их негативном восприятии неожиданно совпали

представители противоположных идеологий: Чернышевский, с одной стороны, Толстой и Лесков – с другой. Резкость сделанных ими интерпретаций статьи Жуковского была вызвана не только тем, что им оказался чужд религиозный мистицизм писателя, но и тем, что имя поэта неразрывно ассоциировалось с властью, неприятие которой объединило таких непохожих друг другу русских интеллектуалов.

Библиографический список

1. Веселитская, Л. И. Встречи с писателями. [Текст] / Л. И. Веселитская. – Л. : Издательство писателей в Ленинграде, 1929. – 336 с.
2. Веницкий, Ю. И. Дом толкователя. [Текст] / Ю. И. Веницкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 432 с.
3. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений. Т. 10. [Текст] / В. А. Жуковский. – СПб. : Издательство А.Ф. Маркса, 1902. – 324 с.
4. Лесков, Н. С. Заячий ремиз // Н. С. Лесков Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 9. [Текст] / Н. С. Лесков. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 501–590.
5. Лесков, Н. С. Письма 1881–1895 годов // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 11. [Текст] / Н. С. Лесков. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1958. – С. 249–607.
6. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 76. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 360 с.
7. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 28. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 400 с.
8. Троицкий, Н. А. Народная воля перед царским судом. [Текст] / Н. А. Троицкий. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1983. – 428 с.
9. Чернышевский, Н. Г. Литературная критика в двух томах. Т. 2. Статьи и рецензии 1856–1862 годов. [Текст] / Н. Г. Чернышевский. – М. : Художественная литература, 1981. – 534 с.
10. Шорэ, Э. «По поводу Крейцеровой сонаты...» Гендерный дискурс и конструкты женственности у Л. Н. Толстого и С. А. Толстой //

Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования [Текст] / Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. – М., 1999. – С. 193–211.

Bibliograficheskiy spisok

1. Veselitskaja, L. I. Vstrechi s pisateljami. [Tekst] / L. I. Veselitskaja. – L. : Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade, 1929. – 336 s.
2. Vinickij, Ju. I. Dom tolkovatelja. [Tekst] / Ju. I. Vinickij. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. – 432 s.
3. Zhukovskij, V. A. Polnoe sobranie sochinenij. T. 10. [Tekst] / V. A. Zhukovskij. – SPb. : Izdatel'stvo A. F. Marksa, 1902. – 324 s.
4. Leskov, N. S. Zajachij remiz // Leskov N. S. Sobraenie sochinenij: v 11 t. – T. 9. [Tekst] / N. S. Leskov. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. – S. 501–590.
5. Leskov, N. S. Pis'ma 1881–1895 godov // Leskov N. S. Sobraenie sochinenij: v 11 t. – T. 11. [Tekst] / N. S. Leskov. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. – S. 249–607.
6. Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. T. 76. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1956. – 360 s.
7. Tolstoj, L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. T. 28. [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. – 400 s.
8. Troickij, N. A. Narodnaja volja pered carskim sudom. [Tekst] / N. A. Troickij. – Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1983. – 428 s.
9. Chernyshevskij, N. G. Literaturnaja kritika v dvuh tomah. T. 2. Stat'i i recenzii 1856–1862 godov. [Tekst] / N. G. Chernyshevskij. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1981. – 534 s.
10. Shorje, Je. «Po povodu Krejcerovoj sonaty...» Gendernyj diskurs i konstrukty zhenstvennosti u L. N. Tolstogo i S. A. Tolstoj // Pol. Gender. Kul'tura: Nemeckie i russkie issledovanija [Tekst] / Pol. Gender. Kul'tura: Nemeckie i russkie issledovanija. – M., 1999. – S. 193–211.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

В. А. Летин

Хронотоп поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: концепт дороги / пути

В статье ставится проблема нового взгляда на творчество Н. А. Некрасова как художественного универсума. В качестве примера взята поэма «Кому на Руси жить хорошо», в которой проанализирован основной сюжетобразующий концепт пути / дороги. Он рассмотрен как явление реального пространства и метафора жизни некрасовских персонажей. Такой анализ позволяет выйти за пределы историко-бытового и «этнографического» понимания некрасовского текста и открыть его философскую глубину.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо», художественный универсум, хронотоп, картина мира, мотив пути.

V. A. Letin

Chronotope of N. A. Nekrasov's poem Who Is Happy in Russia: concept of road / way

The article raises the problem of a new approach to N. A. Nekrasov's work as literary universe. The author takes the epic poem Who Is Happy in Russia as an example and analyses the main plot-forming concept of way/road. It is considered from the point of view of real space and a metaphor of the characters' life. This approach helps to go beyond the limits of everyday historical and «ethnographic» understanding of Nekrasov's text and reveal its deep philosophy.

Key words: N. A. Nekrasov, Who Is Happy in Russia, literary universe, chronotope, picture of the world, motive of way.

*Мимо ристалищ, капищ,
Мимо храмов и баров,
Мимо шикарных кладбищ,
Мимо больших базаров,
Мира и горя мимо...*

И. А. Бродский

Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» – несомненная веха отечественной культуры. Полемичное уже в момент написания, это произведение не теряет актуальности и социальной остроты и в наше время. Вполне естественно, что при изучении жизни и творчества Н. А. Некрасова в учебных курсах школьной и вузовской программ ей отводится ведущее место. В обоих случаях оно базируется на традиции анализа поэмы, сложившейся в некрасоведении в XX веке и идет по трем основным направлениям: историко-литературному (В. Е. Евгеньев-Максимов, К. И. Чуковский, А. М. Гаркави, Т. А. Беседина, В. Т. Плахотишина, И. Ю. Твердохлебов, Н. Н. Скатов, А. В. Попов, А. Ф. Тарасов), поэтико-стилистическому (В. Т. Плахотишина, Л. А. Розанова, И. Ю. Твердохлебов, В. П. Аникин) и лингвистическому (Н. С. Танцовская, Т. Е. Никулина, Т. А. Кожурина). Практически единожды уделяется внимание символике поэмы

(В. Г. Прокшин). Также однократно была сделана попытка интерпретации поэмы как микросреды (В. Л. Гаврилова). Детально разрабатывался вопрос о связи поэтического текста с фольклором (Т. А. Беседина).

Как видно из представленного краткого обзора, поэма Некрасова как самодостаточный художественный универсум практически не рассматривалась в отечественной литературоведческой традиции. Более того, основной объем посвященной ей исследовательской литературы рассматривает вопросы связи некрасовского текста с реалиями действительности 1860–1870-х гг. исторического, социального, «фольклорного» характера. Вследствие чего вершинное некрасовское произведение в восприятии современного просвещенного человека предстает в лучшем случае как исторически достоверное полотно панорамы крестьянской жизни пореформенной России.

Особенностью же современного некрасоведения является отсутствие фундаментальной работы, посвященной изучению... поэтики некрасовского творчества, как, скажем, З. Г. Минц о поэтике творчества А. А. Блока [8] или И. Н. Сухих о поэтике творчества А. П. Чехова [13]. Даже «вновь открытые» в конце XX века писатели так называемого Серебряного века русской литературы

(А. А. Ахматова [12], М. А. Булгаков [10], О. Э. Мандельштам [10], Б. Л. Пастернак [11], М. И. Цветаева [7]) уже удостоились как минимум литературоведческого осмысления своих «поэтик».

Но для некрасоведов до сих пор альфой и омегой является труды В. Е. Евгеньева-Максимова [3] и К. И. Чуковского [5], созданные в первой половине XX столетия в характерном для литературоведения того времени историко-биографическом ключе с актуальной тогда «социальной» оценкой его творчества. Инерция восприятия поэтического мира Некрасова исключительно как «реального» не позволяет современным исследователям эмансипировать его творчество от историко-культурного контекста пореформенной России и рассматривать в качестве самостоятельного художественного феномена [1].

Исследования некрасовского творчества последних лет открывают новые возможности прочтения его произведений с позиций христианской культурной традиции, что в известной степени «освежает» взгляд на самого Поэта и его творчество [4], [6]. Между тем, выявление общих законов некрасовского художественного универсума в них является второстепенной задачей, и некрасовский художественный универсум вновь оказывается *terra incognita*, о которой в лучшем случае только догадываются.

Мы полагаем, что в «Кому на Руси жить хорошо» автором конструируется особая пространственно-временная модель, характерная как и для его творческого метода в целом, так и вместе с тем имеющая ряд специфических черт, характерных (или особо проакцентированных) именно для этого случая. Однако, представления о мире вообще и исторической эпохе в частности в последней поэме Некрасова находят концентрированное воплощение, буквально сплавляясь с декларацией его поэтического кредо, в связи с чем хронотоп поэмы «Кому на Руси жить хорошо» можно представить как модель некрасовского универсума вообще.

В данном исследовании мы предлагаем анализ дороги / пути как основного концепта итоговой поэмы Некрасова художественного универсума.

Дорога – пространственная доминанта некрасовского универсума. Тема пути / дороги – является ключевой в творчестве Н. А. Некрасова. Вполне естественно, что она является таковой и в его итоговом произведении. С определения именно таким образом места действия, собственно, и начинается сама Поэма: «В каком году – рассчитывай, / В какой земле – угадывай, / На столбовой

дороженьке / Сошлись семь мужиков...». И не смотря на то, что далее по тексту в скором времени появится каскад из «говорящих» географических названий социально-критической тематики (...Горелово, Неелово...), начало Пролога акцентирует внимание на небытовом характере этой истории. Следовательно, главным здесь является не реальные дата и географические координаты события (встреча мужиков), которые пытаются вычислить некоторые исследователи, а предлагаемые обстоятельства: «Широкая дороженька, / Березками обставлена, / Далеко протянулася, / Песчана и глуха». Так буквально с самого начала вводится автором мотив пути. Эта особенность поэтического мира некрасовской Поэмы уже неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе и как самостоятельная тема, и как составляющая концепта пути/дороги, характерного для культуры второй половины XIX века. Однако место образа пути/дороги в контексте художественного универсума Поэмы и – шире – в контексте поэтического космоса некрасовского творчества еще определено не было. Мы полагаем, что хрестоматийная «столбовая дороженька» представляет собой границу между мирами, являясь своеобразной зоной перехода из мира людей в мир природы с одной стороны и из мира реального в мир трансцендентный с другой [15]. Ключом к такому пониманию этого места служит потеря чувства реального времени семью мужиками. Сойдясь на дороге, герои, занятые спором, не заметили того, как «верст тридцать» прошли вместе, вопреки начальным (у каждого – своя) целям: от – договориться с попом о крестинах ребенка до – поймать в поле коня.

Обратим внимание на то, что «столбовая дороженька» в Поэме не имеет ни начала, ни конца. Тем самым создается образ пути, пролегающего через всю страну – Русь. Характерно использование именно этого названия, уводящего от современности в далекое прошлое и выявляющее «древность» таких казалось бы актуальных на момент создания произведения проблем. При этом мир, окружающий путь / дорогу, неоднороден. Основную его часть составляет мир природы. Природа предстает здесь прекрасной в своем естестве весеннего пробуждения («Леса, луга поемные, / Ручьи и реки русские / Весною хороши») и в пору пика летнего цветения – сенокоса и жатвы. Характерно, что «национальный» эпитет применяется здесь для характеристики именно природного мира. И этот мир целостен, гармоничен и вечен в своем обновлении. Но в своих стихийных

проявлениях природа губительна для человека и результатов его деятельности: паводок затопил поля, новые избы – следствие недавнего пожара. Даже в «прирученном» виде она может быть опасна для жизни (свиньи, погубившие Демушку), не говоря о волках, неоднократно поминаемых по ходу развития сюжета. Природа в Поэме не только отчуждена от человека, но и противопоставлена ему. Жестокость животных обусловлена инстинктами, жестокость людей по отношению к себе подобным обусловлена разумом: совершенно сознательно немец Фогель оскорбляет крестьян, а те совершенно сознательно его закапывают живьем в землю; совершенно сознательно староста Глеб «сдает» в рабство несколько тысяч крепостных «аммирала Синегузина» и т. д. Но на дороге, эти миры соединятся в группе семерых странников, открывающих для себя (и читателя!) природу именно социальных взаимоотношений.

Пройдя через ночной лес, рядом с которым, кстати сказать, остановила их баба-«ведьма» – «корявая Дурандиха», скакавшая на мерине; лес, населенный «сказочными» зверьми, и, получив от пюнички неизнашиваемую одежду и скатерть-самобранку, герои оказываются причастными миру природы. Они выходят за пределы реального времени, становясь остранными зрителями разворачиваемого перед ними во времени и пространстве театра человеческой жизни. Время для них, до этого момента динамичное («а времечко не ждет...»), словно останавливается. Но зато в сценах-встречах в беседах о перипетиях человеческих судеб дается широкая и разнообразная временная панорама от прошлого с целым набором вариаций на тему крепостничества – к настоящему, что чаще, и, практически единожды, от настоящего – к будущему.

Движение по этой «дороженьке» оказывается возможным, таким образом, не только в пространстве, но и во времени. Причем и в обратном – ретроспективном – направлении. Земные же пути встречаемых мужиками-странниками персонажей имеют каждый свое начало и конец, которые в конечном итоге совпадают. Так, перемещения героев в пространстве и времени Поэмы носят характер циклов.

Преодоление же этой цикличности напрямую связано с важным пространственным компонентом Поэмы – небом.

В отличие от пути, этот мотив неба заявлен в Поэме неявно и вследствие этого практически не отрефлексирован в критической литературе. В целом, в поэтическом мире Некрасова небо как

составляющая часть мироздания появляется в качестве маркера особой торжественности, масштабности и величия, как, например, для обозначения уникальности и величия образа Добролюбова в посвященном ему стихотворении: «Плачь, русская земля! но и гордись – / С тех пор, как ты стоишь под небесами, / Такого сына не рождала ты / И в недра не брала свои обратно...». Обратим внимание на то, что в этих строках образ Поэта-мученика вписывается в пространство между «русской землей» и «небесами», занимая центральное положение в предлагаемой лаконичной, но масштабной модели мироздания. Практически эту же схему, но аранжированную деталями пейзажа, Некрасов использует для моделирования пространства образа своей Руси и в Поэме. Поэтому роль неба в произведении заслуживает не только упоминания, но и самостоятельного анализа. Знаками неба в тексте Поэмы выступают небесные светила (солнце, луна, звезды), природные явления (зной, ливень, снегопад), птицы (пюничка, жаворонок). Их появление дается автором в аранжировке средств выразительности, присущих фольклорной культуре: «сказочные» эпитеты и инверсии (солнце красное; звезды частые и пр.) [2]. В результате небо приобретает подчеркнуто небытовые и, соответственно, вневременные характеристики (красивое и вечное). Его метафизическая природа раскрывается в исключительных случаях (моление Матрены Тимофеевны в поле, дождь после исповеди попа, черная бездна за трупом Якова Верного). При этом само небо, как, впрочем, и весь мир природы, осмысливается через предметную образность с характеристиками роскоши и довольства в понимании крестьян: облака – откормленные коровы; дождь – мотки золотой пряжи и пруд – зеркало; трава – зеленый бархат.

Но в обыденной жизни оно оказывается в Поэме абсолютно «незамеченным» решающим «земные» проблемы персонажами и, по этой же причине, ускользающим от внимания исследователей.

Эта красота неба, в частности, и мира, «вообще» подчеркнуто не замечается персонажами, но является важной составляющей мироздания Поэмы, оттенки для читателя материальную нищету и социальную дисгармонию жизни под ним.

Пространство Поэмы динамично. Дорога позволяет автору постоянно менять места действия. При этом их восприятие ведется из динамического же центра – компании идущих странников. Эти герои Поэмы и сами находятся в постоянном движении: идут, дерутся, едят, работают. При этом действия эти варьируются интонационно (спорят-

кричат, уговаривают, иронизируют, поют) и пластически (машут руками). Люди, которых они встречают, действуют не менее разнообразно. Ситуация общения – только видимость прекращения движения, поскольку в этом случае динамизм переносится на героя повествования в данный момент. В результате чего движение возводится в степень. Оно множится, охватывая любой уголок «русского мира», так или иначе связанный с человеком, его деятельностью. Остановиться в этом мире – значит умереть.

Однако, несмотря на разнообразие проявления движения в Поэме можно выделить несколько его типов, характерных для различных групп персонажей. И, соответственно, варианты отношения и их динамику к идее пути.

Путь к себе – путь к свободе. Этот вариант пути является преодолением инерции заикленности, обусловленной соответствующим образом жизни. Но цикличность жизни различными персонажами воспринимается по-разному. Так в рассказе Матрены Корчагиной акцентируется внимание на похожесть проживаемых ею лет (годы-близнецы) и цикличность в жизненных циклах социума. Но в первом случае это свидетельствует о духовном оцепенении героини, ее безразличии к жизни после гибели первенца, а во втором – страх за жизнь другого ребенка, которому грозит рекрутский набор. Но на этот раз преодолеть судьбу не представляется ей возможным. Циклы личной и социальной жизни крестьянки оказываются наполненными драматизмом. А вот для помещика цикличность – однообразие – жизни – это высшее счастье. Он, как ни в чем ни бывало, принимает служение верного Якова, после того как отправил в рекруты любимого племянника своего холопа. С не менее садистским удовольствием немец-управляющий оскорбляет подчиненных ему крестьян.

При этом начало пути – исход персонажа из родной среды – происходит под воздействием внешних обстоятельств на первый взгляд социального характера: реальная рекрутчина племянника Якова верного, потенциальная рекрутчина мужа Матрены, расправа Савелия над «притеснителем».

Но при более внимательном прочтении в каждом из трех случаев можно увидеть общую черту, выводящую драму личности некрасовских персонажей на экзистенциальный: покушение социума в лице самих помещиков или их прихлебателей на моральные принципы их личности героя, которые составляют основу их внутреннего мира. В случае

с Яковым это попрание родственных, практически родительских чувств, это покушение на честь Матрены, оскорбление человеческого достоинства Савелия. В таком случае социальный аспект конфликта уходит на второй план, уступая место трагедии личности.

Во всех случаях динамику настроения персонажей, составляющих их духовный путь, можно представить следующим образом: отчаяние, бунт, обретение идентичности. При этом обязательным условием является схождение персонажа с дороги (Матрена, Яков) или же нарушение привычного действия (ослушание команды Савелием). Одна и та же схема может привести к абсолютно разным для человека результатам. И здесь мы видим три возможных хода развития события: самоубийство, преступление и «чудо».

Так, в случае с самоубийством Якова верного и убийством немца-управляющего Савелием путь, пройденный героем (вне зависимости от прожитого им реального времени) оказывается гибельным для душ персонажей. Яков-самоубийца губит свою душу. Потерявшая сына-первенца обозленная Матрена оказывается глуха к горю бабушки Савелия, отрекаясь от доброго отношения к нему. Она не слышит его исповеди и в отчаянии проваливается «каторжника». Этот акт можно назвать символической смертью, так как на четыре года героиня оказывается практически невосприимчива к событиям внешнего мира. Ожесточается и душа Савелия, прошедшего через суд, расправу, острог и каторгу.

Мотив же духовного возрождения и, как следствие, спасения в Поэме связан с образами детей. Через любовь к племяннику обретает свободу холоп до мозга костей поливановский Яков. Через любовь к правнуку Демуске пробуждается душа старого Савелия. Новорожденный Лиодорюшка, благодаря драматическим обстоятельствам появления на свет, возвращает матрене способность чувствовать, любить и... прощать.

Ребенок в некрасовской Поэме становится индикатором духовного начала в персонажах, катализатором осознания персонажем идентичности свободного человека. Его появление задает мотиву пути в этом произведении вектор духовной вертикали, выражающийся пространственно парадной лестницей губернаторского дома, по которой в барские чертоги возносится крестьянка; возвышенностью, на которой стоит обитель – цель покаянного паломничества бабушки или же ... веткой дерева, на которую накинута веревка с петлей безутешный холоп Яков. Опыт обретения лич-

ностной свободы героем-мужчиной в Некрасовой Поэме носит трагический характер и заканчивается гибелью персонажа.

На высоте нового духовного состояния удерживается, по сути, только Матрена Тимофеевна, прошедшая путь от бесправной невестки в семье мужа до уважаемой крестьянским миром «губернаторши». В ее образе реализуется Некрасовым архетипическая модель матери как заступницы, хранительницы, восходящая в христианской культуре к образу Богоматери. В связи с этим оказывается значимым само имя героини. По происхождению оно латинское, где обозначало «благородную госпожу», «мать». В русском языке оно и созвучно слову «мать» – «матерь». Но в отечественной литературе был прецедент, когда это имя «Матрена» косвенно стало синонимичным имени «Мария». И прецедент этот, вне всякого сомнения, был знаком Н. А. Некрасову. Так, в пушкинской «Полтаве» имя героини с исторического (Матрена) заменяется на поэтическое (Мария), тем самым уравниваясь в символическом значении. Пушкин делает это с целью акцентировать внимание на духовной чистоте юной героини, вписывая ее тем самым в круг положительных образов-дев своего творчества: Мария Миронова («Капитанская дочка»), Мария Троекурова («Дубровский») [14].

Некрасов выбирает такое имя для своей героини, возможно, подчеркивая его «народность», но и, что более значимо, акцентируя внимание на теме материнства, которая станет главной в судьбе героини его Поэмы.

Именно материнство становится для нее источником страданий и сил, духовным опытом отчаяния и любви. В материнстве Матрена обретает ощущение. Более того, материнство является темой, через которую преодолеваются сословные границы. Новорожденный Лиодорушка. Несчастливая в силу социальных обстоятельств героиня, оказывается в этом высшем предназначении женщины – мать пятерых сыновей – счастливее по сравнению с молодой и красивой женой губернатора, но, увы, бездетной.

Сопутствующая этому образу тема детства оттеняет мотивы жертвенности, любви, страдания, прощения, связанные с этим образом.

Как видим, в результате таких путешествий – паломничеств герой радикально меняется. Возвращение же в родные края проявляет идентичность, подчеркивая исключительное место персонажа в социуме: «каторжник» или «губернаторша».

Но ни Матрена, ни Савелий оказываются не способными существовать за его пределами кре-

стьянского мира. Обретшие внутреннюю свободу, преодолевшие социальные рамки, познавшие и принявшие земную жизнь в ее самых нелепых проявлениях, эти герои все равно возвращаются в исходную точку – в дом. Вне семейного – родового – пространства они не могут существовать. Именно поэтому и гибнет потерявший единственного родственника примерный холоп Яков. Собственно их жертвы и приносятся во имя семьи.

Единственным персонажем, который может вырваться за пределы этого мира, оказывается Григорий Добросклонов. Его жизненный путь обозначен автором с оглядкой на современников разночинцев-демократов 1860-ых гг.: «Ему судьба готовила путь славный имя доброе народного заступника, чахотку и Сибирь». Между тем только он (пусть и в гипотетическом будущем) выйдет за пределы своей родной Вахлатчины. Результатом же раскрытия потенциала духовной жизни героя станет самоотречение, творчество и смерть. И если Матрена и Савелий Корчагины представляют собой плоть от плоти крестьянского мира, то Григорий Добросклонов подчеркнуто представлен как герой-мученик. Он дан в начале своего жизненного пути, он только пробует силы в художественном творчестве... Но в нем Некрасов видит идеал нового героя «не от мира сего», а залогом его служения является не отказ от мира, а наоборот, приятие его во всей его полноте и способность к художественному переосмыслению. Семья Григория в какой-то мере созвучна Корчагиным. Его мать, так же как и Матрена Тимофеевна, была тесно связана с песенной народной культурой, а Савелии последнего периода жизни в своем смирении оказывается созвучен дьяку-бессеребреннику Тихону – отцу персонажа. В отличие от брата Саввы, который уже «смотрит дьяконом», Григорий не включен в каюю бы то ни было социальную систему. Он изначально свободен, а потому открыт для творчества. Для него – попovichа – служение не является «работой» и соблюдением ритуала. Его служение – это образ жизни и заключается оно в слове. Вероятно крещенный в честь Григория Богослова – этот персонаж призван стать истинным народным поэтом, чего может быть не мог сделать сам поэт – дворянин Некрасов. Горькая ирония автора относительно незавидной судьбы и недолгой жизни этого персонажа оттеняет «вечный» характер его творчества. Именно самоотречение Григория, вложившего душу в песни, а, следовательно, сделавшего эти произведения бессмертными, станет в Поэме единственным случа-

ем преодоления цикличности жизни и выхода персонажа в экзистенциальное пространство абсолютной свободы духа.

Григорий укоренен в духовном сословии. Но, в отличие от своего брата Саввы, который уже «глядит протодиакonomом», являет иной опыт служения. Парадоксальность образа Григория в том, что его «учительство» и связанные с ним мотивы жертвенности, подвижничества и гибели за идею, реализуются на «светском» сюжете. Григорий не священник и карьеры на этом поприще строить не собирается, но главные качества священника ему имманентно присущи, что делает его мучеником-подвижником нового типа и в какой-то степени идеальным альтер эго самого поэта Некрасова [4]. В опыте жизни и смерти Григория Добросклонова слышится отзвук темы учительства в стихотворениях, посвященных В. Г. Белинскому и Н. А. Добролюбову («Учил ты жить для славы, для свободы, но более учил ты умирать...»). Но позволим себе расширить границы и уловить во всех этих произведениях общую тональность гетевского Фауста, сформулировавшего жизненное кредо: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой» (пер. Б. Пастернака). Эта тональность, переосмысленная Н. А. Некрасовым применительно к трагическим судьбам своих современников и воплощенная в идеализированном варианте в образе Григория Добросклонова, выводит этого персонажа из круга стереотипических представлений о нем как предтечи советских комиссаров. Персонаж оказывается тем, кто вышел в сферу трансцендентного, и его земная жизнь оказывается преодоленной, оттого о ней так бегло, поскольку жизнь продолжается для Поэта в песнях. Схожий мотив слышится и в стихотворении, адресованном З. Н. Некрасовой, время создания которого, равно как и печальные обстоятельства создания, совпадают со временем работы над Поэмой: «...повторяй друзьям моим как прежде, каждый стих...» (1877).

Бегство от ... свободы. Другим вариантом пути становится его имитация движения – кружение. Отказ персонажа выходить за пределы привычного ему мира. Связан этот вариант мотива с образами представителей «свободных» сословий попа и помещиков (Оболт-Оболдуев; Поливанов, кн. Уятин).

У всех них взгляд на жизнь ретроспективен. Все разочарованы настоящим, не видят ничего хорошего в будущем и все идеализируют прошлое. Но их пути пролегают исключительно в

реальном мире. Автор начинает встречи мужиков-странников с попа.

Поп оказывается заложником своего положения. После исхода из разоренных усадеб дворян («рассеялись..., как племя иудейское»), иссякли доходы на содержание и украшение храмов. Обитатели бедных приходов не могут прокормить и себя. При этом сам поп оказывается информированным и о существовании нелицеприятного «фольклора» о собственном сословии. Но этот, казалось бы, чересчур рациональный, священник все-таки продолжает выполнять свою работу вопреки обстоятельствам, но положительный ли он образ? Скорее всего, нет. Увы, сфера его интересов исключительно в социально-бытовом пространстве жизни. Поэтому его путь – это рутинное выполнение служебных обязанностей, замкнутый круг работы.

Траектория пути Оболта-Оболдуева – круговой объезд собственных угодий, его общение с крестьянами носит подчеркнуто уважительный характер. Его монолог с апологетикой крепостничества, как скамодурства и самоуправства, вроде бы должен характеризовать его как помещика-деспота. Но воспоминания о прошлом, «царской ливрее» как высшем карьерном счастье выдают в образе Оболдуева внутреннего раба. Бравирующий своим аристократическим положением Оболт-Оболдуев по сути потерялся во времени. Он отказывается принять настоящее, одеваясь в венгерку – атрибут гусарской службы.

Но при всей абсурдности и карикатурности этого образа он, единственный из галереи образов помещик поэмы, способный чувствовать. Но и проявление эмоций у него связано с прошлым. Усадьба Оболт-Оболдуева разорена: разобран на кирпичи родовой дом; срублен на дрова липовый парк, в котором он сделал предложение своей будущей жене и где он узнал о предстоящем рождении первенца; уничтожен посаженный дедом дуб. Кружение помещика и его агрессивное поведение в начале встречи с крестьянами обретает мотив: охрана оставшихся угодий. Это единственное, что он может, поскольку спасти состояние семьи делом-работой он принципиально отказывается. Кружение Оболдуева носит характер обреченности, поскольку постепенно его земли будут сокращаться, и путь будет становиться все меньше...

Своеобразной остановкой во времени выглядит история кн. Уятин, увиденная странниками на вахлатчине. Старый князь уже утратил связь с реальностью, в чем ему активно помогают, вступившие в сговор родственники и крестьяне. Перед

князем разыгрывается спектакль из недавних крепостнических времен. Сам же князь кажется фигурой трагикомичной. Наделенный знаками смерти: бледность, асимметрия лица, слепой глаз – он вызывает только смех у крестьян, потешающимися над ним «за кулисами». Но трагикомизм ситуации заключается в том, что он единственный, кто уверен в прочности патриархального уклада социальных и семейных отношений. Его бывшие крестьяне и родственники уже перевели все в торгово-денежный эквивалент. И, сквозь игровую природу этого фантазмагорического спектакля начинает звучать тревожная тема власти денег над человеком, и вахлаки, и молодые кн. Утятинны готовы стать добровольно рабами ситуации. Их игра «в крепостническое прошлое» и «счастливую семью» выявляет новую опасность девальвации отношений в крестьянской общине и распад института семейно-родовых отношений. Отмена рабства оказалось лишь внешним преобразованием, чтобы идея свободы проросла в сознании крепостных нужно время. История же «утятинцев» показывает его глубокое укоренение в душах представителей обоих сословий. Увы, со смертью старого князя крепостничество не исчезает...

Оно остается в памяти не только помещиков, но и народа. Естественно, что оценка этого явления у различных сословий разная. Его квинтэссенция представлена в балладе о Якове верном холопе примерном. История, рассказанная на крестьянском пиру, показывает нам своеобразный симбиоз крепостника барина и его холопа. У помещика Поливанова, в отличие от Оболта-Оболдуева и Уятинна, нет семьи. Более того, он сам выгнал из дома дочь с зятем, обобрав и избив перед этим. Он только барин, а Яков – только холоп. Интересы кн. Поливанова исключительно эгоистичны и направлены на удовлетворение страстей. Время словно законсервировано в этом рассказе. Символом его остановки является болезнь барина – отказали ноги. Общим для помещиков Поэмы является отказ видеть реальность, принимать ее. Но если Оболт-Оболдуев и Уятин пребывают в своих ретро-антиутопиях, то персонаж из рассказа о прошлом живет исключительно настоящим моментом. Ему не свойственна никакая рефлексия. Более того, он отказывается знать даже о чувствах единственного человека, которому он дорог – своего холопа. Именно этим проявлением абсолютного эгоизма он страшен слушателям. Финал истории с его участием ужасен – лицемерие самоубийства. Единственная эмоция,

на которую оказывается способен Поливанов – животный страх смерти, в котором он и остается.

Как видим, на примере трех образов помещиков отказ человека выйти за пределы привычных представлений о мире / жизни приводит к духовной деградации. Некрасов показывает варианты этой деградации: самозабвенный идиотизм Оболта-Оболдуева, старческий маразм кн. Уятинна и, наконец, болезненно-мстительное самодурство инвалида Поливанова. При этом, чем выше по самоощущению социальный статус «барина», тем более безумным он оказывается. Меняется и жанровая окраска: анекдотическая сатирическая тональность рассказов об Оболте-Оболдуеве и балладно-драматическая в истории о «верном Якове».

Вчерашние хозяева жизни предстают в Поэме жалкими, потерявшими во времени безумцами.

Их образы представляют физическое и духовное вырождение сословия. Характерно, что в отличие от разнообразной по возрастам панорамы крестьянских типов, здесь разработаны только представители старшего поколения. Они обращены в прошлое, как их библиографически-личное, когда они были молоды и здоровы (помещик Поливанов), так и прошлое историческое (времена крепостничества). При этом остановка во времени констатируется не только через обстоятельства (сговор крестьян и помещиков-наследников кн. Уятинна), но и через предметный ряд («молодежный», гусарский вид Оболта-Оболдуева).

Свидетельством упадка и деградации помещичьего мира является разорение усадьбы, в которой оказываются мужики-странники. Там дворовые бездельники растаскивают и распродают барское добро. Визуализированный процесс разложения помещичьего быта с разбираемым на кирпичи домом, с оскверненными похабными надписями, парковыми павильонами вполне соотносится с пережившими свое время помещиками-крепостниками. Одновременно с этим, крушение усадьбы как архитектурно-паркового ансамбля в Поэме оттеняет прочность «крепостничества» в сознании крестьян – героев Поэмы, готовых играть привычную роль, ждущих в праздном безделье барина или же играть роль крепостных, поддавшись посулам уятиновских наследников.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хронотоп итоговой поэмы Н. А. Некрасова структурируется концептом дороги / пути, который выступает в произведении в качестве ключевого мотива, художественного образа, составляющей сюжета. Путь в поэме имеет как горизонтальное (дорога, тропа, река), так и вертикальное

(трансцендентное) измерения, выполняя важную мифопоэтическую функцию. Он сопрягает не только антиномичные пространственные структуры (мир людей и лес, землю и небо), но и различные временные планы (настоящее–прошлое, настоящее–будущее). Такая интерпретация ключевого концепта итогового Некрасовского произведения позволяет вывести его из этнографически значимого исследовательского пространства и говорить о его важном месте в контексте идейно-философских исканий русской литературы второй половины XIX века.

Библиографический список

1. Баталова, Т. П. Символика русского пути в поэзии Н. А. Некрасова 1846–1866 годов [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / Т. П. Баталова. – Коломна, 2006. – 224 с.
2. Беседина, Т. А. Народные пословицы и загадки в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Текст] // Ученые записки Вологодского педагогического института им. В. М. Молотова. Т. XII, филологический. – Вологда, 1953.
3. Евгеньев-Максимов, В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова [Текст] / В. Е. Евгеньев-Максимов; Академия наук СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); [под ред. А. М. Еголина]. – Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 282 с.
4. Житова, Т. А. Идеино-художественная концепция праведничества в поэзии Н. А. Некрасова [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / Т. А. Житова. – М., 2006. – 200 с.
5. Чуковский, К. Собрание сочинений в 15 т. Т. 10 [Текст] / Мастерство Некрасова. – М. : Терра-Книжный клуб, 2005.
6. Макарова, С. Н. Идеал человека в лирике Н. А. Некрасова в свете православной традиции [Текст] : Дис. ... канд. филол. наук 10.01.01. / С. Н. Макарова. – Ульяновск, 2012. – 218 с.
7. Мейкин, М. «Марина Цветаева: поэтика усвоения» [Текст] / М. Мейкин. – М. : Дом-музей М. Цветаевой, 1997. – 312 с.
8. Минц, З. Г. «Поэтика Александра Блока» [Текст] / Вступ. Статья В. Н. Топорова; сост. Л. А. Пильд. – 1999. – 728 с.
9. Немцев, В. И. Поэтика М. А. Булгакова как эстетическое явление [Текст] : Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. 10.01.01. / В. И. Немцев. – Волгоград, 1999. – 70 с.
10. Ронен, О. Поэтика Осипа Мандельштама [Текст] / О. Ронен. – СПб. : Гиперион, 2002. – 240 с.; Кацис, Л. Мускус иудейства [Текст] / Л. Кацис. – Гешарим, 2002. – 600 с.
11. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении [Текст] : Коллективная монография / под. Ред. В. И. Тюпы. – М. : Indrada, 2014. – 512 с.
12. Рубинчик, О. Е. «Если бы я была живописцем...» Изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой» [Текст] / О. Е. Рубинчик. – СПб. : Серебряный век, 2010. – 352 с.
13. Сухих, И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова [Текст] / И. Н. Сухих. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1987. – С. 184; Чудаков, А. П. Поэтика Чехова [Текст] / А. П. Чудаков. – М., 1971.
14. Флоренский, П. А. Тайна имени [Текст] / П. А. Флоренский. – М.; Тверь : Мартин, 2006. – 376 с.
15. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифокультурной традиции XIX–XX вв. [Текст] / Т. Б. Щепанская. – М. : Индрик, 2003. – 528 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Batalova, T. P. Simvolika russkogo puti v poezii N. A. Nekrasova 1846–1866 godov [Tekst] : Dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. / T. P. Batalova. – Kolomna, 2006. – 224 s.
2. Besedina, T. A. Narodnye poslovice i zagadki v pojeme Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» [Tekst] // Uchenye zapiski Vologodskogo pedagogicheskogo instituta im. V. M. Molotova. T. XII, filologicheskij. – Vologda, 1953.
3. Evgen'ev-Maksimov, V. E. Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova [Tekst] / V. E. Evgen'ev-Maksimov; Akademija nauk SSSR, In-t russkoj literatury (Pushkinskij dom); [pod red. A. M. Egolina]. – Moskva; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. – 282 s.
4. Zhitova, T. A. Idejno-hudozhestvennaja koncepcija pravednichestva v poezii N. A. Nekrasova [Tekst] : Dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01. / T. A. Zhitova. – M., 2006. – 200 s.
5. Chukovskij, K. Sobraenie sochinenij v 15 t. T. 10 [Tekst] / Masterstvo Nekrasova. – M. : Terra-Knizhnyj klub, 2005.
6. Makarova, S. N. Ideal cheloveka v lirike N. A. Nekrasova v svete pravoslavnoj tradicii [Tekst] : Dis. ... kand. filol. nauk 10.01.01. / S. N. Makarova. – Ul'janovsk, 2012. – 218 s.
7. Mejkin, M. «Marina Cvetaeva: pojetika usvoenija» [Tekst] / M. Mejkin. – M. : Dom-muzej M. Cvetaevoj, 1997. – 312 s.

8. Minc, Z. G. «Pojetika Aleksandra Bloka» [Tekst] / Vstup. Stat'ja V. N. Toporova; sost. L. A. Pil'd. – 1999. – 728 s.
9. Nemcev, V. I. Pojetika M. A. Bulgakova kak jesteticheskoe javlenie [Tekst]: Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. 10.01.01. / V. I. Nemcev. – Volgograd, 1999. – 70 s.
10. Ronen, O. Pojetika Osipa Mandel'shtama [Tekst] / O. Ronen. – SPb.: Giperion, 2002. – 240 s.; Kacis, L. Muskus iudejstva [Tekst] / L. Kacis. – Geshtarim, 2002. – 600 s.
11. Pojetika «Doktora Zhivago» v narratologičeskom prochtenii [Tekst]: Kollektivnaja monografija / pod. Red. V. I. Tjupy. – M.: Indrada, 2014. – 512 s.
12. Rubinchik, O. E. «Esli by ja byla zhivopiscem...» Izobrazitel'noe iskusstvo v tvorcheskoj masterskoj Anny Ahmatovoj» [Tekst] / O. E. Rubinchik. – SPb.: Serebrjanyj vek, 2010. – 352 s.
13. Suhij, I. N. Problemy pojetiki A. P. Chehova [Tekst] / I. N. Suhij. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1987. – S. 184; Chudakov, A. P. Pojetika Chehova [Tekst] / A. P. Chudakov. – M., 1971.
14. Florenskij, P. A. Tajna imeni [Tekst] / P. A. Florenskij. – M.; Tver': Martin, 2006. – 376 s.
15. Shhepanskaja, T. B. Kul'tura dorogi v russkoj mifokul'turnoj tradicii XIX–XX vv. [Tekst] / T. B. Shhepanskaja. – M.: Indrik, 2003. – 528 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Н. Н. Иванов

Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма

Автор статьи актуализировал нераскрытые духовные смыслы в литературе русского неореализма. Установлена роль мифопоэтической составляющей как одного из факторов художественных поисков М. Горького, М. Пришвина и других писателей. По-новому представлены известные тексты: рассмотрены ассоциации, аллюзии, мифопоэтические мотивы и архетипы. Анализируются межтекстовые переключки, связи произведений.

Работа адресована филологам, литературоведам, преподавателям, студентам.

Ключевые слова: русский неореализм, М. Горький, М. Пришвин, мифопоэтические традиции в словесном искусстве.

N. N. Ivanov

Mythopoetic paradigm of artistic searches in the literature of russian neo-realism

The author has updated the unrevealed spiritual meanings in the literature of Russian neo-realism. The role of mythopoetic component is shown as one of the factors of artistic searches by M. Gorky, M. Prishvin and other writers. Well-known texts are presented in a new way: the article considers the associations, allusions, mythological motifs and archetypes. The author analyzes intertextual links and connections between literary works.

The work is addressed to philologists, literary critics, teachers, students.

Key words: Russian neo-realism, Maxim Gorky, M. Prishvin, mythopoetic tradition in verbal art.

Рецепция русским неореализмом мифопоэтической традиции – слабо освоенное направление в изучении русской литературы XX века. Проясним отдельные стороны проблемы на материале произведений М. Горького и М. Пришвина.

Концепт «земля» в прозе Горького тяготеет к мифологеме земли – Земле-Матери, глубинному стихийному началу, вселяющему надежды на обновление человека. «Вы найдете в жизни законное, прочное место и славянству, и России, и всякой единице, и себе самой <...> свободные, новорожденные люди <...> самое ценное земли, они наша посылка в будущее. Кто они? Не знаю», – писал Горький Л. А. Никифоровой [4, Т. 1, с. 403]. Горький думал о гармонизации «исторической молодости» [4, Т. 1, с. 416] русского человека и родной земли. В 1915 г. он сообщил В. Г. Короленко о желании соединить все лучшие силы «замученной и печальной земли нашей» [4, Т. 2, с. 108]. В 1924-м – М. Ф. Андреевой: «Жутко становится, когда видишь, как русские люди одичали, озверели, поглупели, будучи оторваны от своей земли <...> Все-таки Русь талантлива. Так же чудовищно талантлива, как несчастна» [4, Т. 2, с. 177]. Столь неоднозначные наблюдения воспро-

изведены в публицистике, в частности, в очерке Горького «О М. М. Пришвине» (1926).

В Дунинской библиотеке Пришвина есть присланная из Италии книга Горького с дарственной надписью: «Собрату М. М. Пришвину. М. Горький, 15.1.1926 г. Неаполь». В личной библиотеке Горького в Москве – книга Пришвина «Курымушка: Повесть» (М., 1924) с дарственной надписью: «Оному сердцу Алексея Максимовича с родственным чувством Михаил Пришвин. 3.III (25). Москва». И первые сочинения Пришвина, тоже с надписями: «В краю непуганых птиц: Онего-Беломорский край» (М.-Л., 1934). «Максиму Горькому искренно преданный автор. Михаил Пришвин. (1905 г. – 1935 г. = 30 лет)». И на книге «Колобок» (М., 1934): «Максиму Горькому искренно преданный автор. Михаил Пришвин. 1906–1935. - 29 лет» [8].

Горький видел в Пришвине не просто писателя. Таковы тон, смысл его очерка. «Не о природе пишете Вы, а о большем, чем она, – о Земле, Великой Матери нашей» [5, Т. 24, с. 266]. Пришвин открыл «ощущение Земли как своей плоти» [5, Т. 24, с. 267]. Люди, обязанные земному богатству творческой энергией, стремятся «вовлечь в разум свой все тайные силы» его [5, Т. 24, с. 266]. «Рож-

денный Землею человек оплодотворяет ее своим трудом и обогащает красотой воображения своего» [5, Т. 24, с. 267]. «Ваши слова о «тайнах земли» звучат для меня словами будущего человека, полновластного владыки и Мужа Земли, творца чудес и радостей ее» [5, Т. 24, с. 266].

В славянском язычестве Мужем Земли могут быть Небо или Солнце. Подобные аллюзии восприняты Горьким. Почитание женского начала – древнейшее. «Женщина, старуха, мать, хозяйка, дарительница волшебных свойств – доисторична, чрезвычайно архаична» [9, Т. 2, с. 201]. Земля «осмыслялась как всеобщий источник жизни, мать всего живого»; «В заговорных формулах типа «З. – мать, небо – отец» <...> сохранились представления о небе и З. как супружеской паре»; «В заговоре из Нижегородской губернии З. представляется всеобщей матерью – и всего человечества в целом, и каждого человека в отдельности». Горький – нижегородец, вероятно, знал этот заговор. «В фольклоре и древнерусской литературе постоянно подчеркивается страдание З. и одновременно сострадание ее к человеку <...> В духовных стихах З. содрогается, скорбит, плачет, обращается с мольбами к Богу и Богородице. В години народных бедствий или перед кровопролитными битвами она, как мать или вдова, рыдает о погибших и о тех, кому еще суждено погибнуть. В других сюжетах З., наоборот, молит Бога наказать людей за грехи, а Бог в ответ просит ее потерпеть еще немного» [10, с. 192, 193].

Максималистски превышая возможности рожденных природой и обязанных ей лучшим в себе людей, писатель проецировал «будущего человека», «полновластного владыку и Мужа Земли», на языческие Небо, Солнце. «Изумительная загадка: каким чудом неорганическое вещество превращается в живое <...> дает <...> сотни великих мыслителей, поэтов – работников по созданию второй природы, творимой нашей человеческой мыслью, нашей волею?» [5, Т. 24, с. 267].

В женских образах Горький актуализировал архетипы имен, связал женские персонажи с силами земли: Пелагея Ниловна и Софья («Мать»), Фелицата («Нилушка»), Татьяна («Женщина»). В корне греческого имени Пелагея – семантика земли. В библейской, античной традициях сущность Софии (премудрость) «составляет женственная пассивность, сопряженная с материнской многоплодностью, ее «веселие», а также глубинная связь не только с космосом, но и человечеством <...> за которое она заступает»; София – «художница», «строительница, созидаящая мир»

[7, Т. 2, с. 464]. И Татьяна – мироустроительница. Сказанное подтверждают письма из архива М. Горького. П. С. Сухотин вспомнил впечатление, произведенное на А. Блока образом бабушки в повести «Детство». «Блок был так увлечен бабушкой, что носил по знакомым Вашу книжку и читал любимые места. Однажды <...> сказал: «Теперь для меня ясна вся фальшь конца Гончаровского «Обрыва». Вот где настоящая бабушка – Россия» [1]. В дневнике Пришвина: «Бабушка в «Детстве» Горького мне кажется самым удачным в русской литературе образом нашей родины. Думая о бабушке, понимаешь так ясно, почему родину представляют у нас всегда в образе женщины-матери» [8, с. 62]. Любопытно и другое: исследователи не прокомментировали такую принципиальную художественную особенность всей автобиографической трилогии: бабушка там явно «больше» матери, то есть образ бабушки заслоняет образ матери. В первом отразились и культ Матери-Сырой-Земли, и связь язычества с христианством (почитание Богородицы), и поэтизация женского начала бытия в целом. Архаику Земли Горький усилил не менее архаичной и темной Водой. Земля и Вода символизируют материнское начало жизни, неиссякаемого творчества природы. Таков лейтмотив прозы Горького, особенно удачны у него женские образы, исполненные сходным фольклорно-мифологическим значением. «Новых сил требует земля наша, отталкивая от груди маломощное, как невеста, влюбленная в жениха, неспособного оплодотворить измученное неумелыми ласками, плодородное, могучее и прекрасное тело ее» [5, Т. 8, с. 451]. В повести с символическим названием «Мать» Пелагея Ниловна жаждет новых, любовных человеческих отношений, восторгается красотой и обширностью земных богатств. В финальных главах она и Софья едва ли не напрямую обращаются к Солнцу.

Алексей Пешков заметил, что его Бог бабушки, Акулины Ивановны, – «такой милый друг всему живому»; сама она источает любовь едва ли не ко всему человечеству, подобно Земле, заступнице за людей перед Богом. 22 февраля 1916 г. А. Блок – П. С. Сухотину: «Прочтите „Детство“ Горького независимо от всяких его анкет, публицистических статей и прочего. Какая у него бабушка!» [2, Т. 8, с. 456].

Во всю силу «Земля, Великая Мать наша» воспета в цикле рассказ Горького «По Руси». В сентябре 1912, отправляя в редакцию «Вестника Европы» рассказы «Ледоход», «Женщина», «Покойник», Горький писал Д. Овсянко-

Куликовскому: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным, – мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей как я понял их» [5, Т. 29, с. 285]. Тот ответил: «В совокупности эти – на первый взгляд – непретенциозные «картинки» дадут живую и многоговорящую картину Руси» [3, Т. 3, с. 153].

В рассказе «Рождение человека» женщина-мать и Земля-мать как бы творят общее дело: дают жизнь ребенку. «Щедрая Земля» «любит» работников своих; образы людей развиваются в тесных соотношениях с природой, преимущественно землей и водой, в рассказах «Ледоход», «На пароходе», «Покойник», ряде других. Отзвуки древних поверий – жизнь по Солнцу, клятвы перед Землей, украшение, обожествление Матери-Земли – легко улавливались писателем в речах бесчисленных его собеседников, ставших позднее героями цикла «По Руси». В рассказе «Женщина» девушка, мечтающая о материнском счастье, ищет землю, «ласковую до человека» [6, Т. 4, с. 433]. Наиболее близкие дорогие писателю героини чувствуют, думают и пытаются жить в соответствии с потребностью любви, материнства, счастья, с обретением «хорошего мужика» и поисками земли, как в народных русских сказках.

Е. Трубецкой отмечал: вещая женщина – «руководительница героя», «носительница не только мудрости, но и власти» [11, с. 113]. Так Горький оценил и Татьяну, наделил ее светлым позитивным началом. Задолго до неоевразийцев Горький видел глубинные «механизмы» национального бытия, тревоги, надежды выразил в образах «мыслей сердца», «таинственной силы» человека, «невидимых земли и неба», «мощи необъятной» Земли и Души. Разрыв нити между землей и человеком влечет обоюдную трагедию: великие возможности людей погибают, но и не востребованные силы земли, ждущей своего часа, оскудевают. «Жалко глядеть, когда молодое зря пропадает» [6, Т. 4, с. 430], – сокрушается Татьяна. Перед глазами повествователя проходят десятки «бесплодно и бессмысленно погибающих русских людей» [6, Т. 4, с. 446].

Мифопоэтика Горького служит сверхзадаче: прояснить связи людей, природы в системе Мироздания. Большая часть рассказов «По Руси» как бы без начала и без конца, линейное разворачивание событий не принципиально, любое из них, будь то рождение или смерть, равноценно. Герои, несмотря на художественную индивидуализацию, или – сквозные фигуры, или «теряются» в самом

неожиданном месте, варьируя значение основных для автора представлений. «Сквозные» персонажи усиливают мифопоэтические акценты, более всего – в циклах: «По Руси», автобиографическая трилогия, окуровская диалогия. Цикличность превращает повествование в подспудные движения, моделирует условную реальность.

Экспрессивная цветопись утверждает любовь к миру, естественный ход жизни по Солнцу. Мотивы «нетленных сил земли» [6, Т. 4, с. 499], изображение солнца, неба, моря принадлежат одинаково автору и повествователю. Беседы героев о Боге, людях текут на фоне поэтических явлений природы, звездного неба, золотой реки, гармонично и закономерно венчаются клятвами перед землей. «Поглядите же, какая земля наша милая, какая она прекрасная! Давайте поклянемся пред нею в том, что будем честно жить!» [6, Т. 4, с. 468].

Библиографический список

1. Архив М. Горького /ИМЛИ/. Сухотин П. С. Письмо А. М. Горькому [Текст]. 28 мая 1932 г. АГ, КГ – П – 74 – 13 – 4.
2. Блок, А. Собрание сочинений. В 8 т. [Текст] / А. Блок. – М.-Л. : 1960–1963.
3. Горький, М. Материалы и исследования. Т.1-3 [Текст] / М. Горький. – Л., 1934.
4. Горький, М. Переписка. В 2-х т. Т.1,2. [Текст] / М. Горький. – М. : Х. л., 1986.
5. Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. [Текст] / М. Горький. – М. : ГИХЛ, 1949–1955.
6. Горький, М. Собрание сочинений. В 12 т. [Текст] / М. Горький. – М., 1987.
7. Мифы народов мира [Текст] / Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1, 2. – М., 1980,1982.
8. Пришвина, В. Д. Пришвин в Дунине [Текст] / В. Д. Пришвина. – М., 1978.
9. Пропп, В. Я. Собрание трудов. Т. 1,2. Морфология / Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора [Текст] / В. Я. Пропп. – М., 1998.
10. Славянская мифология. Энциклопедический словарь [Текст] / Институт Славяноведения РАН. – М., 1995.
11. Трубецкой, Е. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке [Текст] / Е. Трубецкой. – М., 2000.

Bibliograficheskiy spisok

1. Arhiv M. Gor'kogo /IMLI/. Suhotin P. S. Pis'mo A. M. Gor'komu. [Tekst]. 28 maja 1932 g. AG, KG – P – 74 – 13 – 4.

2. Blok, A. Sobranie sochinenij. V 8 t. [Tekst] / A. Blok. – M.-L. : 1960–1963.
3. Gor'kij, M. Materialy i issledovanija. T.1–3 [Tekst] / M. Gor'kij. – L., 1934.
4. Gor'kij, M. Perepiska. V 2-h t. T.1,2. [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : H. l., 1986.
5. Gor'kij, M. Sobranie sochinenij. V 30 t. [Tekst] / M. Gor'kij. – M. : GIHL, 1949–1955.
6. Gor'kij, M. Sobranie sochinenij. V 12 t. [Tekst] / M. Gor'kij. – M., 1987.
7. Mify narodov mira [Tekst] / Jenciklopedija. V 2-h t. T. 1,2. – M., 1980,1982.
8. Prishvina, V. D. Prishvin v Dunine [Tekst] / V. D. Prishvina. – M., 1978.
9. Propp, V. Ja. Sobranie trudov. T. 1,2. Morfolo-gija / Istorich. korni volshebnoj skazki. Pojetika fol'klora [Tekst] / V. Ja. Propp. – M., 1998.
10. Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar' [Tekst] / Institut Slavjanovedenija RAN. – M., 1995.
11. Trubeckoj, E. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke [Tekst] / E. Trubeckoj. – M., 2000.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

А. С. Бокарев

Архаическое слово в цикле стихотворений Леонида Черткова «Рюхи»

Статья обращена к рассмотрению особенностей словесного образа в цикле лагерных стихотворений Леонида Черткова «Рюхи» (1956–1957). Воровское арг, ресурсами которого пользуется поэт, понимается автором как аналог архаического слова, тяготеющего к многозначности и семантически нестабильного. «Механизмы» его функционирования в «Рюхах», а также соотносительность с другими образными языками (аналитическим языком тропа и «простым», нестилевым словом) как раз и стали объектом предпринятого в работе анализа.

Ключевые слова: Чертков, «Мансарда», воровское арг, архаическое слово, троп, «простое» слово.

A. S. Bokarev

The archaic word in Leonid Chertkov's poetic cycle «Ryukhi»

The article aims at considering peculiarities of imagery in the cycle of Leonid Chertkov's camp poems Ryukhi (1956–1957). Thieves' argot used by the poet is understood by the author as an analogue of the archaic word which is polysemic and semantically unstable. «Mechanisms» of its functioning in the cycle as well as its correlation with other figurative languages (analytical language of trope and «plain», non-style word) is the subject matter of the analysis in the article.

Key words: Chertkov, «Mansard», argot of thieves, the archaic word, trope, «plain» word.

Как известно, поэтика неклассической лирики характеризуется не только возрождением архаических типов словесного образа, но и диалогом разностадийных художественных языков, который протекает в ней особенно интенсивно [3, с. 267–287]. Поэтому в центре внимания исследователей обычно оказываются древнейшие образные средства – кумуляция и параллелизм, – функционально противопоставленные тропу и как бы дезавуирующие условно-поэтическую природу текста [2, с. 135–137]. Однако не меньший интерес для исторической поэтики представляют и те немногочисленные случаи, когда возвращение к языковой архаике приобретает тотальный характер и в пределе может обернуться «реставрацией» исходной многозначности слова. К анализу одного из таких случаев и обращена настоящая статья.

Методологическим ориентиром в осмыслении интересующего нас явления могут служить лингвистические идеи М. М. Бахтина, изложенные в его работе «Марксизм и философия языка» [1]. С точки зрения исследователя, семантическая структура слова распадается на «тему» («единный смысл, принадлежащий высказыванию как целому») и «значение» (те его компоненты, «которые повторимы и тождественны себе при всех повторениях») [1, с. 433–434]. Если «тема» конкретна и целиком определяется «внесловесными момента-

ми» сообщения, то «значение», напротив, тяготеет к абстракции и представляет собой лишь «технический аппарат осуществления темы» [1, с. 434]. Специфику архаического слова М. М. Бахтин как раз и усматривает в том, что «оно все – тема», которая поглощает и «растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть» [1, с. 435; см. также: 3, с. 32–36]. Из сказанного следует, что возможность адекватного понимания такого слова напрямую зависит от погруженности адресата в ситуацию высказывания; в противном случае неизбежным оказывается как размывание референтного плана сообщения, так и провал коммуникации в целом.

Примером сознательного освоения художественных ресурсов архаического слова в русской лирике второй половины XX в. является цикл лагерных стихотворений Леонида Черткова «Рюхи» (1956–1957) [13, с. 29–37]. Для лидера «Мансарды», первой в Москве неофициальной литературной группы 1950-х гг. [9, с. 138–139], текст оказывается вершиной творчества, отмеченной не только новизной материала, но и максимальной языковой раскрепощенностью. Исследователями уже отмечались его ключевые особенности: преемственность по отношению к нарбутовской линии акмеизма, утрированная физиологичность описаний, редукция человеческого облика к материаль-

но-телесному низу [8; 7, с. 46–48]. Однако наиболее принципиальным в свете нашей темы выглядит суждение А. А. Житенева о синтезе «условно-поэтического языка и арго» как стилевой доминанте цикла [7, с. 47]. Общеизвестно, что язык воровской среды отличается крайне «неустойчивой, диффузной семантикой» [7, с. 47–48], а условия его возникновения близки первобытным [10, с. 359]. Поэтому вполне закономерно, что арготическое слово понимается лингвистами как современный аналог слова архаического – того самого, о котором и писал М. М. Бахтин. «Механизмы» его функционирования в «Рюхах» Л. Черткова, а также соотносимость с другими образными языками (аналитическим языком тропа и «простым», нестилевым словом) далее и будут предметом нашего рассмотрения.

Главная трудность, с которой предстоит столкнуться читателю при обращении к текстам Черткова, заключается в максимальной неопределенности содержащихся в них референций. Одна и та же языковая единица может отсылать сразу к нескольким, на первый взгляд, никак не связанным явлениям, а логика развертывания сюжета не исключает ни одного из вариантов. Так, семантически «двоится» уже само заглавие цикла: по значению слово «рюхи» соотносится с арготическими глаголами «рюхаться» («договариваться о совершении кражи») и «рюхнуть» («спохватиться», «сойти с ума», «почувствовать неладное») [11, с. 214]. Кроме того, «рюха» в лексиконе арготического означает «загада» [11, с. 214], а Толковый словарь В. Даля обнаруживает еще одно, диалектное, значение этого слова – «свинья» [6 (4), с. 126]. Наконец, «рюхи» – это деревянные обрубки, которые вышибают при игре в городки специальной битой (иногда так же называется и сама игра) [12]. Однако даже при такой «разноголосице» – и в этом главная особенность чертковского цикла – не составит труда доказать, что почти все значения заглавного понятия одинаково актуализированы контекстом стихотворений.

Прежде всего, мир лагеря – это мир принципиально «вывихнутый», «соскочивший» со своей оси; коллективное безумие в нем – абсолютная норма, а любая попытка сохранить идентичность оборачивается для неофита звериной агрессией – как со стороны заключенных («А я уж ни хера не мекал понимать, / Плутая по рукам, как блюдо на обеде...» [13, с. 34]), так и со стороны тех, кому предписано охранять тюремный порядок («В свороченных мозгах творилась кулебяка, – / Стребая кровь корцом с политых лаком губ, / Ругнулся са-

нитар, и прыгнула собака, / Прищучена углом, на студенистый труп» [13, с. 30]). Противопоставить жестокости можно только ответную жестокость, поэтому пребывание в лагере напоминает субъекту о кровавых временах Батыя, как бы повторяющихся на новом витке истории [см. стихотворение «Азу»; 13, с. 36]. Человек здесь обречен испытывать страх за свою жизнь, а пережитый негативный опыт навсегда выбивает его из колеи, подобно тому, как выбивают рюхи из городков. Таким образом, заглавие цикла может интерпретироваться сразу в нескольких планах: с одной стороны, оно свидетельствует об иррациональной враждебности лагерного мира и заведомо невыигрышном положении человека в нем; с другой – указывает на ценностную инверсию и потенциальную обратимость любого культурного процесса.

Конечно, смысловая многомерность не является ни изобретением Черткова, ни вообще чем-то исключительным в поэзии; другое дело, что в «Рюхах» ее почти невозможно локализовать: выявленные значения (как отдельных слов, так и целых стихотворений) не образуют иерархии, а взаимопроникают и накладываются друг на друга. Параметры лирической ситуации далеко не всегда удается определить «с ходу», поэтому не исключены и явно предусмотренные автором аберрации, связанные как с подробностями сюжета, так и с пониманием отдельных сегментов текста. Характерный пример – стихотворение «Свайка» [13, с. 33], где уже в первой строфе происходящему задается неопределенно-множественная модальность:

Толпились дергачи на выжженном лугу,
Слепились вшестером и обложили хату, –
Дять Толя-глистопер поссал на берегу
И посадил в ноздрю фарфоровую вату

[13, с. 33].

Читателю, незнакомому с арготическим значением слов «хата» или «берег», может показаться, будто речь идет о тривиальном отдыхе на природе (широко известна игра в свайку, к середине прошлого века еще не вышедшая из употребления) или о приготовлении к строительным работам (свайкой называют такелажный инструмент, использующийся в основном на флоте) [12]. Но и при учете специфического употребления этих слов в воровской среде картина проясняется лишь отчасти: «хата» на равных основаниях может рассматриваться и как «квартира», и как «притон», и как «камера в изоляторе» [11, с. 267], а у синонимичного ей слова «берег» появляется дополни-

тельное значение – «укромное место» [11, с. 27].

В результате в стихотворении (то же, впрочем, можно сказать и о других произведениях цикла) возникает реальность, где все обыденное неузнаваемо, а прежде неизвестное – совсем «не то, чем кажется» [7, с. 47]. Только в финале текста контуры ситуации становятся относительно четкими: если «свайка» (в значении «мужской половой орган» [11, с. 217]) оказывается метонимическим указанием на перверсию («...Ты выйдешь на балкон и радостно охватишь / Мужской крестец своей деньской жены» [13, с. 33]), то ни о чем скольконибудь конструктивном в стихотворении и речи быть не может. Мир, частью которого мыслит себя лирический субъект, предстает «радикально “помраченным”», а отношение художника к действительности исключает всякую возможность ее «отстранения и исчерпания... рефлексивными методами» [7, с. 44].

Иногда семантические границы слова в лирике Чертова настолько нестабильны, что за одним и тем же звуковым комплексом в пределах цикла закрепляются совершенно разные значения, а связанные с ними реалии обнаруживают буквальную, почти мифологическую взаимопричастность. Принципиально неотделимы друг от друга человек и природа, поэтому строка из стихотворения «Азу» [13, с. 36] – «Под бритвой старика свистела борода» [13, с. 36; курсив в цитатах везде наш. – А. Б.] – отзывается эхом в стихотворении «Трагедийное» [13, с. 37], а заявленная в ней портретная деталь становится элементом открывающегося герою зимнего пейзажа («...Мне деревья махают седой *бородой*, / Мне рассвет предстоит, как петух в пустыре» [13, с. 37]). Незначительная бытовая подробность («Шеф-повар льет с окна разболтанный *кандей*» [13, с. 31]) внезапно отражается в тюремной кличке, удостоверяя прямую зависимость обитателей лагеря от вещного мира («–И я имел жену в секретной хлеборезке, – / Шепнул мне старичок по прозвищу *Кондей*» [13, с. 36]). Наконец, синкретически нераздельным оказывается и сам образ человека, поэтому один и тот же языковой знак используется как для наименования целого («А Люка скорбела крапленые рати, / За гипсовой койкой говел *Каранет*...» [13, с. 35]), так и для обозначения его субститутов («Я тебя исполю, я тебя истопчу, / Я тебя, недотыку, вгоню в парапет... / Облетела толпа. И затоптан в мочу / Головы маргариновый *каранет*» [13, с. 37]).

В отдельных случаях стоящие рядом слова «стыкуются» у Чертова не столько по смыслу, сколько по звуковому подобию, а паронимическая

аттракция выступает как едва ли не главный способ образования и означивания неологизмов. Так, отсутствующее в словарях «фирибро» в уже цитированном стихотворении «Свайка» («...Ты лучше *фирибро* в подушечку ушей / И в глянецвый чулан надвигай переборки» [13, с. 33]) повторяет фонетический «рисунок» сочетания «*фарфоровая вата*» [13, с. 33], «перенимая» его семантику и «подхватывая» заданную им наркотическую тему. Другой пример – стихотворение «Путчи» [13, с. 31], где завершающая первую строфу инвектива вбирает в себя звуковые элементы слов «предшественников», а исторически не связанные лексические единицы воспринимаются как семантически родственные:

На вешалке *швейцар* попрятается в плащи,
Когда в фойе бузит кокуровец и *сварицик*, –
У *служащих* кафе защиты не *ищи*, –
Заведомо солжет *приятель* – *тиссуарицик*

[13, с. 31].

В конечном итоге фонетические сближения приводят к тому, что лагерный мир предъявляется читателю как единое и неделимое целое, а использование неконвенциональных языковых средств дополнительно подчеркивает его автономность и замкнутость.

Обозначенные процессы – распад иерархических связей и их вытеснение законами мифа – становятся еще более очевидными на фоне тех отношений, которые устанавливаются в лирике Чертова между разностадийными художественными языками. Обладая большой ассимилирующей силой, архаическая образность легко «подавляет» и «дифференцирующую» семантику тропа, и принципиальную «инаковость» «простого», нестилевого слова. Дело в том, что в языке воровской среды переосмысление нормативной лексики нередко достигается путем метафорического переноса (таковы значения слов «кулебяка» [13, с. 30], «дырокол», «готовальня» [13, с. 32] и др.), однако если «обычная» метафора – какой бы «экзотической» она ни казалась – имеет главной целью прояснить стоящее за ней понятие, то арготическое словоупотребление лишь затемняет смысл, делая его достоянием узкого кружка посвященных. Поэтому архаическое слово, использующее ресурсы арготического языка, как бы подчиняет себе язык тропа, который, вопреки своим первичным функциям, служит созданию семантической неопределенности и уже не воспринимается как «прозаический акт сознания, расчленившего природу» [4, с. 189].

Не менее показательна в «Рюхах» и судьба «простого», нестилевого слова. По мнению Л. Я. Гинзбург, «прозаизм» не может существовать вне стихотворной речи, поэтому, попадая в чуждый ему, непозитический, контекст, он мгновенно «стирается» и перестает ощущаться в качестве эстетически нейтрального [5, с. 204]. То же происходит и в творчестве Черткова: «простое» слово «заражается» архаической многозначностью своего окружения, и читатель, привыкший брать в расчет арготические коннотации общепотребительной лексики, начинает осознавать его как стилистически маркированное. Так, в финале стихотворения «Смрак» [13, с. 34] –

Я выдул изо рта большой пузырь сопли, –
По анфиладе вдоль сновали рукосуи, –
Прилипнув головой, я вызревал в пыли,
Но чувствовал себя душою сабантуя

[13, с. 34]

– чужеродным выглядит, например, слово «пыль», стоящее среди просторечий и экзотизмов. С другой стороны, не вполне понятно, каким образом оно должно интерпретироваться: в соответствии с литературной нормой – или в рамках воровского социолекта? Если принять за точку отсчета второй вариант, то «пыль» («мука», «гашиш», «порох», «нюхательный табак» [11, с. 202]) скорее всего отсылает к уже знакомой по предыдущим стихотворениям теме наркотиков, а прямое значение слова «отодвигается» на периферию его семантической структуры. Стилистическое «мерцание» существенно обогащает смысл текста, однако важно и то, что из стихотворений «изгоняется» не только естественная, близкая современному сознанию, логика, но и художественные языки, с помощью которых она «выговаривается».

Разумеется, чертковский цикл едва ли может считаться полноценной «реинкарнацией» языковой архаики – перед нами лишь ее имитация средствами совершенно иной, позднейшей, эпохи. Однако по-своему логично, что стихотворения о запредельной, почти первобытной, жестокости и самых низменных человеческих инстинктах пишутся языком, максимально приближенным к архаическому. Это сообщает «Рюхам» дополнительное – метапоэтическое – измерение, а художественное слово становится полноценным объектом творческой рефлексии.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Марксизм и философия языка [Текст] // М. М. Бахтин. Фрейдизм. Формаль-

ный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 349–486.

2. Бройтман, С. Н. Два стихотворения К. Случевского (Образные языки позднеклассической поэзии) [Текст] // С. Н. Бройтман. Поэтика русской классической и неклассической лирики. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. – С. 129–137.

3. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст] // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – М., 2004. – Т. 2. – 368 с.

4. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика [Текст] / А. Н. Веселовский. Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 648 с.

5. Гинзбург, Л. Я. О лирике [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – М.: Интрада, 1997. – 416 с.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006.

7. Житенев, А. А. Поэзия неомодернизма: монография [Текст] / А. А. Житенев. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. – 480 с.

8. Кукулин, И. История пограничного языка: Владимир Нарбут, Леонид Чертков и контркультурная функция [Текст] // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 72.

9. Кулаков, В. Отделение литературы от государства [Текст] // В. Кулаков. Поэзия как факт. Статьи о стихах. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 134–156.

10. Лихачев, Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи [Текст] // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. – М.: Край Москвы, 1992. – С. 354–398.

11. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) [Текст] / Авторы-составители Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. – М.: Край Москвы, 1992. – 526 с., ил.

12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>

13. Чертков, Л. Н. Стихотворения [Текст] / Л. Н. Чертков. Стихотворения. – М.: ОГИ, 2004. – 112 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bahtin, M. M. Marksizm i filosofija jazyka [Tekst] // M. M. Bahtin. Frejdizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofija jazyka. Stat'i. – M. : Izdatel'stvo «Labirint», 2000. – S. 349–486.
2. Brojtman, S. N. Dva stihotvorenija K. Sluchevskogo (Obraznye jazyki pozdneklasicheskoy pojezii) [Tekst] // S. N. Brojtman. Pojetika russkoj klassicheskoj i neklassicheskoj liriki. – M. : Ros. gos. gumanit. un-t, 2008. – S. 129–137.
3. Brojtman, S. N. Istoricheskaja pojetika [Tekst] // Teorija literatury: Ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. / Pod red. N. D. Tamarchenko. – M., 2004. – T. 2. – 368 s.
4. Veselovskij, A. N. Istoricheskaja pojetika [Tekst] / A. N. Veselovskij. Red., vstup. st. i primech. V. M. Zhirmunskogo. Izd. 3-e. – M. : Izdatel'stvo LKI, 2008. – 648 s.
5. Ginzburg, L. Ja. O lirike [Tekst] / L. Ja. Ginzburg. – M. : Intrada, 1997. – 416 s.
6. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. [Tekst] / V. I. Dal'. – M. : RIPOL klassik, 2006.
7. Zhitenev, A. A. Pojezija neomodernizma: monografija [Tekst] / A. A. Zhitenev. – SPb. : INAPRESS, 2012. – 480 s.
8. Kukulin, I. Istorija pograničnogo jazyka: Vladimir Narbut, Leonid Chertkov i kontrkul'turnaja funkcija [Tekst] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2005. – № 72.
9. Kulakov, V. Otdelenie literatury ot gosudarstva [Tekst] // V. Kulakov. Pojezija kak fakt. Stat'i o stihah. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. – S. 134–156.
10. Lihachev, D. S. Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoj reči [Tekst] // Slovar' tjuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoj i graficheskij portret sovetskoj tjur'my) / Avtory-sostaviteli D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. – M. : Kraja Moskvy, 1992. – S. 354–398.
11. Slovar' tjuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoj i graficheskij portret sovetskoj tjur'my) [Tekst] / Avtory-sostaviteli D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. – M. : Kraja Moskvy, 1992. – 526 s., il.
12. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. [Elektronnyj resurs] / Pod red. D. N. Ushakova. – Rezhim dostupa: <http://ushakovdictionary.ru/>
13. Chertkov, L. N. Stihotvorenija [Tekst] / L. N. Chertkov. Stihotvorenija. – M. : OGI, 2004. – 112 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Е. В. Никкарева

Литературный романс и элегия: пути взаимодействия и возможности разграничения жанров

Автор рассматривает ситуацию жанрового континуума в литературе начала XIX в. В статье предпринята попытка выявить моменты близости, контраста и отражения таких смежных жанров, как элегия и литературный романс, доказывая, что установка на чужое воспринимающее сознание, определяя коммуникативную модель литературного романса, позволяет ему сохранять свою жанровую идентичность.

Ключевые слова: 12 романс; литературный романс; элегия; жанр; коммуникативная модель; экзистенциальная тема жанра; смежные жанры; жанровый континуум.

Е. V. Nikkareva

Literary romance and elegy: ways of interacting and possibilities of distinguishing genres

The author considers the situation of the genre continuum in the early XIX century literature. An attempt was made to identify closeness, contrast and reflection of such related genres as elegy and literary romance. The author claims that an appeal to someone else's perceiving conscience determines communicative model of literary romance and enables to maintain its genre identity.

Key words: literary romance, elegy, genre, communicative model, genre existential theme, related genres, genre continuum.

Литературный романс (термин Л. С. Саркисян) – лиро-эпическая модификация романса, попавшего в Россию через Францию во второй половине XVIII в., – развивается в России в ситуации «жанрового континуума» (Ю. Н. Чумаков), то есть целокупности текстов определенной эпохи вне строгой жанровой иерархии, среди которых можно выделить ближний контекст и периферийные жанры. С. Я. Сендерович отмечает, что «отказ от канона и принятие автором на себя ответственности за причастность к искусству перевели жанровое сознание из плана правил ремесла в план компетенции, подобной языковой <...> В этом поле можно установить группировку и перегруппировку, интеграцию и дифференциацию, взаимодействие и противоборство жанровых тенденций и установок» [11, с. 434]. Исследователи дают различные названия этому явлению: «смещение жанров» (С. Н. Бройтман), «жанровая чересполосица» или «диффузия родов и жанров» (Ю. В. Стенник), «жанровый синтез» (Б. П. Иванюк), «промежуточные» и «смешанные» жанры (В. М. Жирмунский).

Романс может быть рассмотрен как самостоятельное явление, влияние на которое оказали две европейские традиции: испанская (эпическая) и французская (лирическая по преимуществу), – но

начавшийся в эпоху романтизма процесс деканонизации жанров позволил ему среди других национальных традиций выбрать свой путь развития и сформулировать собственную жанровую концепцию, «экзистенциальную тему жанра» (термин Л. Я. Гинзбург) – раздельное переживание единства, или, воспользуемся поэтической формулой И. А. Бродского, «соединение в разобленном мире». Как отмечает Е. В. Сковорода, западноевропейские жанры народной поэзии, к которым можно отнести испанский романс и английскую (шотландскую) балладу, «выполняя роль жанров-стимуляторов, интенсифицируют процесс прорастания в лирических жанрах тех самых компонентов, которые необходимы для лиро-эпических форм, и тем самым стимулируют появление аналогичных им жанров на русской почве» [12, с. 18]. Вероятно, в результате этого процесса и произошло формирование литературного романса – лиро-эпической модификации жанра романса, где, однако, эпическая составляющая подчинена лирической. Отличительной особенностью этой модификации является особая коммуникативная схема: адресант обращается не к адресату как таковому, а к его образу, поэтому формально текст часто построен как «половинка диалога» (М. А. Петровский). Ближний контекст по отношению к литературному романсу составляют

иные модификации романа (в том числе и исторические): сентиментальный роман, русский роман, городской (жестокий) роман, – а также ряд лиро-эпических жанров, таких как баллада, героид, стихотворная сказка и новелла, и лирических жанров, таких как песня и элегия.

О том, что **элегия**¹ можно считать близким к литературному роману конца XVIII – первой половины XIX в. жанром, свидетельствуют случаи неразличения этих жанров в теории, практике и прагматике литературы как данной эпохи, так и современности. Так, например, А. И. Галич в работе «Опыт науки изящного», которая создавалась как учебное пособие, предпринял попытку определить роман через элегию, рассматривая последнюю как родовое понятие: «Романтическая элегия, в которой внутреннее состояние души выражается не прямо, а именно по поводу какой-либо истории или приключения, есть роман, или баллада...» [1, с. 261–262]. Другой теоретик литературы этой эпохи Н. Ф. Остолопов относил стихотворение «Пленный», включенное в «Опытах в стихах и прозе» (1817 г.) К. Н. Батюшкова в раздел «Элегии», к образцам романа [9, с. 46–48].

И наоборот, нередко исследователи относят стихотворения, имеющие в составе заголовочного комплекса авторефлексив «романс», к элегиям, например, так произошло с такими романами В. А. Жуковского, как «Жалоба», «Желание», «Цветок» [7, с. 32]. Именно выявлению жанровых признаков, приводящих к неразличению этих жанров, и обоснованию возможностей их разграничения и посвящена данная статья.

Для решения поставленной задачи воспользуемся методикой С. Я. Сендеровича, который предлагает выделять при исследовании смежных жанров следующие моменты: **«Момент близости или общности** <...> дает почву действительно имевшим место промежуточным и гибридным жанровым формам. **Момент контраста**, которым обусловлено различие и неслиянность центрального жанра и смежного ему в один. Та поэтическая функция, которая <...> представляет чистую функцию <...> разработка которой ведет к углублению этого жанра. Такая функция, контрастно проявляясь в данных условиях <...> реализует глубинный потенциал жанра, заложенный в генетической памяти жанра как традиции. **Момент отражения** <в центральном жанре> **смежного жанра** <...> ведет к расширению границ жанра, его многоликости»

 [11, с. 452–453]. Следует сразу отметить, что исследователь, рассматривая элегию как центральный жанр романтической эпохи, пред-

лагает вариант приложения своей методики в том числе и к элегии и романсу, рассматривая последний в целокупности с песней и определяя в качестве основного принципа разграничения мелодическую доминанту песни и романа в противовес мыслительной, медитативной стихии элегии.

Как теоретики XIX века, так и современные литературоведы выделяют в элегии и романсе **общее начало** – единую **интенцию жалобы**. Элегия рождается из потребности «жалобу говорить», как «жалоба жизнь, на судьбу», «печальная», «жалобная песнь» [3, с. 13], – пишет исследователь элегии пушкинской поры К. Н. Григорьян. Сходную характеристику элегии дает И. О. Шайтанов: «Жанр, как он существует последние триста лет (не будем сейчас заглядывать в античность – там все другое), это всегда переживание – со слезой, с жалобой» [15, с. 492]. Сходную характеристику дают и романсу. В одной из наших статей мы уже рассматривали особенности речевого жанра жалобы применительно к литературному роману [8], поэтому сейчас не будем подробно останавливаться на этом вопросе, отметим только, что ориентация на данный речевой жанр представляется нам наиболее продуктивной в коммуникативной модели литературного романа, поскольку именно этот речевой жанр соответствует как установке говорящего, так и установке адресата, а также позволяет оформить коммуникацию при ограниченном наборе сюжетных ситуаций.

С. С. Яницкая, выделяя общие основания романа и элегии, обращается к творчеству А. П. Сумарокова, поскольку именно в его творчестве эмоционально-лирическая тема «еротической» элегии – **«тема любовной утраты»** – становится «материалом» для формирования жанровой модели романа. Общим для обоих жанров являются, как отмечает исследователь, **сюжетно-образующая роль бинарной оппозиции прошедшего и настоящего**, а следовательно, сквозной мотив «вспоминания к горести»; **«“промежуточность” ситуативной позиции субъекта речи**, существующего в мире человеческих отношений как бы вне конкретных пространственно-временных координат» [17, с. 95–96]. По мнению С. Я. Сендеровича, память выступает «среди самых главных, причем – в высшей степени естественных, отвечающих природе человека, духовных основ сопротивления небытию в элегии» [11, с. 344], поэтому элегический субъект как в поэзии А. П. Сумарокова, так и в элегической поэзии начала XIX века произносит свой монолог, нахо-

дьясь на границе между прошлым и настоящим, так же, как и герой литературного романа, которому момент возвращения в прошлое, воспоминания позволяет преодолеть пространственные границы, ощутить «раздельное переживание единства», а порой и мотивировать свое страдание в настоящем.

С. С. Яницкая выделяет и те жанровые признаки, которые позволяют **разграничить** эти жанры: в первую очередь «**эмоционально-интонационные особенности художественной речи**» и «**особенности ритмико-мелодической организации**» [17, с. 97]. Так, речь элегического субъекта не переходит границы «нежного склада», тогда как речь субъекта романа «производит впечатление аффектированной, эмоционально взвинченной, испуганно страстной, “слишком темпераментной” (по выражению И. Н. Розанова)» [16, с. 97].

Еще одним критерием разграничения романа и элегии, по мнению исследователя, является **коммуникативная модель**. Хотя и в элегиях, и в романах Сумарокова «лирическое чувство изливается открыто и прямо вследствие заданности адресата», но если для элегии принципиальна «одноцентричность монологической структуры», то в романсе она нарушается «намечающейся возможностью его диалогизации», адресат «не просто задан для выражения страсти лирического субъекта, а незримо присутствует в качестве его косвенного “собеседника”», для него обязателен «психологический состав общения», возникающий как «результат формального уподобления речевого поведения участника коммуникативного акта в естественном разговоре и речевого поведения лирического субъекта», в котором преобладают императивные высказывания, соответствующие речевым жанрам мольбы, заклинания, просьбы, требования, укоризны, призыва и другим [16, с. 97–99, 102]. Последний критерий, с нашей точки зрения, наиболее важен, поскольку именно особая коммуникативная ситуация романа является наиболее устойчивым при диахроническом рассмотрении жанра признаком, позволяющим при всем многообразии романских модификаций (сентиментальный, жестокий, русский романс и т. д.) говорить о единстве и устойчивости жанровой модели. Тогда как выделяемые С. С. Яницкой стилевые особенности речи романского субъекта сохраняются не во всех модификациях романа. Так, например, аффектированность речи характерна для такой, выделяемой по этому признаку, модификации романа как жестокий романс, а также для образцов сентиментального романа и,

как убедительно показали В. К. Харченко и Е. В. Хорошко, ряда текстов, соотносимых с таким музыкально-поэтическим феноменом как русский романс [14].

Вместе с тем исследователь, отмечая, что несколько песен-романсов написаны А. П. Сумароковым от лица женщины, чего нет в его элегиях, тем не менее не указывает на еще один жанрообразующий признак, позволяющий разграничить эти жанры. Так, если в элегии воспроизводится универсальное лирическое переживание и даже попытки индивидуализировать его, мотивировать внешними факторами (к которым Г. А. Гуковский относил, например, название имени героини, введение форгеншихте) в творчестве поэтов сумароковской школы, то романс представляет **ситуацию, которая позиционируется как единичная, а субъект тяготеет к ролевому герою**. Эта установка на единичность лирического переживания будет актуальна и для литературного романа романтической эпохи. Однако, как отмечает в статье для словаря «Поэтика» Д. М. Магомедова: в элегии начала XIX века, хотя «субъект и герой лишены конкретных биографических черт, но имеют ряд ролевых модификаций: одинокий странник, безвременно умирающий поэт; юноша, утративший возлюбленную; в исторической элегии – гражданин, оплакивающий былую героиню» [6, с. 303].

Своим набором исторически сложившихся ролевых модификаций обладает и литературный романс. Основными для литературного романа являются два исторически сложившихся и генетически близких друг другу типа героя: воин (рыцарь, богатырь, витязь, часовой и др.); поэт (трубадур, певец) – и третий, занимающий промежуточную позицию, тип – поэт-воин (бард). Можно отметить интерес литературного романа к экзотическим национальным типам, выразителям народного духа (поляк, черкес). При этом тип адресата не изменяется с течением времени и остается сентиментальным по преимуществу.

В начале XIX века характер адресованного монолога приобретает и элегический монолог, однако если коммуникативную модель литературного романа можно обозначить как «половинку диалога», то, как отмечает Н. Л. Лейдерман: «Герой элегии, даже обращаясь к Другому, ведет разговор внутри себя и для себя, точнее – это сокровенный диалог с самим собою. И диалог этот изначально трагичен, ибо человек ставит перед собою “пороговые” вопросы, те, которые называют последними» [5, с. 336]. Именно поэтому главный **кон-**

фликт элегии – человек и смерть, а ее жанровое содержание – переживание мысли о неизбежном, жанровая ситуация – раздумье (Н. Л. Лейдерман). Тогда как конфликт в литературном романсе – это конфликт лирический (субъективностей), представленный в романсе двумя составляющими: внешним конфликтом ролей (двое «влюбленных») противостоят субъективному олицетворению власти («отец», «царь») и внутренним конфликтом – конфликтом двух типов сознания. Лирического героя романса с героем элегии роднит способность остро чувствовать, но в его романсе медитативное начало заменено деятельностью, например, переживая разлуку с возлюбленной, герой совершает самоубийство, бежит из родных мест, отправляется на войну, так как его эмоции должны найти разрешение в действии.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и, как определил С. Я. Сендерович, **«момент отражения»** друг в друге смежных жанров. Говорить об отражении элегии в литературном романсе нужно с учетом формирования в литературе первой половины XIX в. общей установки на элегичность как набор устойчивых мотивов (невозвратности времени, скоротечности жизни и др.) и соответствующей выражению грусти интонации. Эта установка находила свое проявление в текстах этого периода независимо от их жанровой принадлежности. Вспомним, например, «Романс» А. А. Дельвига «Одинок месяц плыл...», в котором витязь – традиционный романсный герой – проявляется как элегический субъект унылой элегии: *«Одинок воздыхал витязь на кургане. / Свежих трав не щипал конь его унылый...»* [4, с. 148]. При этом в романсах первой половины XIX в. проявляются и элегические темы и мотивы, что дает новые возможности для развития жанров.

Романсное влияние ощущается и в элегиях этой эпохи. Так, при характеристике исследователем момента отражения в элегии жанра баллады на примере стихотворения А. С. Пушкина «Талисман» исследователь отмечает «смещение жанров: баллады и элегии в подобию романса» [11, с. 456]. Хотя исследователь не комментирует возможности соотнесения этого текста с романсом, но, на наш взгляд, по сути воспроизводит формулу литературного романса как жанровой модификации, когда внутренняя ситуация передается «в рамках внешней», но «развитие здесь не событийное» (сюжетность особого рода), присутствует «элегическое сопряжение прошлого и будущего – драматическое, напряженное, неразрешенное» [11, с. 456], и кроме того (об этом С. Я. Сендерович не

говорит) наличествует коммуникативная схема литературного романса. Вместе с тем, говоря о стиле баллады, исследователь также, по сути, говорит о романсном стихе (см. работу Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха» [16]), выделяя восьмистрошные строфы, «с параллельными синтаксическими формами и рефреном, заканчивающимся словом «талисман» [11, с. 456]. Говоря о том, что ««Талисман» – это воспоминание в квадрате: воспоминание о заданном воспоминании», С. Я. Сендерович относит мотив заданного воспоминания к собственно элегическим. Вместе с тем к 1827 г., которым датировано стихотворение А. С. Пушкина, такая сюжетная деталь как подаренный возлюбленной своему рыцарю талисман, являясь реализованным мотивом памяти и «соединяя» пространственно разлученных героев, является одним из частотных мотивов, пришедших из французских романсов (Арк. Родзянка «Романс» («Луна сребрила ток спокойный Иордана...»), Ф. Глинка «Романс» («Восток краснеет за горою...»), и в этих текстах, как и в стихотворении А. С. Пушкина «талисман» имеет психологическую ценность – обладает силой напоминания о подлинной любви, пробуждения памяти, которая должна оказаться властнее актуального момента [11, с. 456]. Вспомним и тот факт, что в 1830-е гг. в романсных опытах М. Ю. Лермонтова именно мотив «заданного воспоминания» является одним из ведущих. Таким образом, С. Я. Сендерович, опираясь на содержательные особенности, в частности выделяя «экзистенциальную тему» стихотворения, относит его к элегии, но, что особенно для нас важно, выстроенной на фундаменте литературного романса.

Творчество А. С. Пушкина действительно можно считать наиболее ярким примером влияния романсной лирики на элегию. Анализируя любовную лирику А. С. Пушкина, В. А. Грехнев доказывает, что сюжетная событийность вносит в традиционно условный, «эмблематический» мир элегии живые черты объективной действительности. А канонический образ лирического героя как «уединенной души» не только обогащался психологическим самоуглублением, но и обретал способность и стремление втягивать в свое духовное пространство мир Другого «я» как равный себе [2, с. 187–232].

Таким образом, литературный романс и элегия, являясь смежными жанрами, что позволяет выявить в их поэтике моменты близости, контраста и отражения, тем не менее реализуют каждый свою экзистенциальную тему («соединение в разоб-

щенном мире» – для романса, и «переживание мысли о неизбежном» – для элегии), используя различные поэтические инструменты для ее реализации, в частности различные коммуникативные схемы. И именно установка на чужое сознание как свое является тем доминантным жанровым признаком, который не просто отличает литературный романс романтической эпохи от элегии и других смежных жанров, но позволяет ему сохранять свою жанровую идентичность.

Библиографический список

1. Галич, А. И. Опыт науки изящного [Текст] / А. И. Галич. – СПб., 1825. – 222 с.
2. Грехнев, В. А. Лирика Пушкина: О поэтике жанров [Текст] / В. А. Грехнев. – Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. – 237 с.
3. Григорьян, К. Н. Пушкинская элегия [Текст] : (национальные истоки, предшественники, эволюция) / К. Н. Григорьян; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л. : Наука : Ленинградское отделение, 1990. – 257 с.
4. Дельвиг, А. А. Романс («Одинок месяц плыл...») [Текст] // Дельвиг, А. А. Стихотворения / А. А. Дельвиг; [вступ. ст. и примеч. Л. Асанова]. – М. : Сов. Россия, 1983. – С. 148.
5. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра [Текст] : исследования и разборы / Н. Л. Лейдерман; Российская акад. образования, Уральское отд-ние, Ин-т филологических исслед. в образовательных стратегиях «Словесник», Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : УрГПУ, 2010. – 904 с.
6. Магомедова, Д. М. Элегия / Д. М. Магомедова [Текст] // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 303–304.
7. Митин, Д. И. Формирование элегической школы в русской поэзии конца XVIII–начала XIX в. М. Н. Муравьев, В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков [Текст] : диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01 / Д. И. Митин; н. р. – д. ф. н., профессор А. М. Песков; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – М., 2007.
8. Никкарева, Е. В. Речевой жанр жалобы в коммуникативной модели литературного романса (на материале стихотворения В. А. Жуковского «Жалоба. Романс») [Текст] // Риторика в современной России: традиции и новые задачи: сборник статей участников XVIII Международной научной конференции / Науч. ред.
- И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. – С. 156–160.
9. Остолопов, Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии [Текст] / сост. Н. Остолоповым, действительным и почетным членом разных Ученых Обществ. – Ч. 3. – СПб. : Тип. Императорской Российской Академии, 1821. – 500 с.
10. Пушкин, А. С. <Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова> [Текст] // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. – Т. 12. Критика. Автобиография. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – С. 257–284.
11. Сендерович, С. Я. Фигура сокрытия [Текст] : избранные работы / С. Я. Сендерович : [в 3 т.] – Т. 1. О русской поэзии XIX и XX веков. Об истории русской художественной культуры. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 598 с. – (STUDIA PHILOLOGICA).
12. Сковорода, Е. В. Балладный «элемент» в структуре русской романтической повести первой трети XIX века [Текст] : диссертация кандидата филологических наук: 10.01.01 / Е. В. Сковорода; Псковский государственный педагогический институт имени С. М. Кирова; н. рук. : д. ф. н., профессор Л. А. Капитанова. – Псков, 2001.
13. Флейшман, Л. С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху [Текст] / Л. С. Флейшман // Флейшман Л. С. От Пушкина к Пастернаку : избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – М. : НЛО, 2006. – С. 5–30.
14. Харченко, В. К., Хорошко, Е. Ю. Язык и жанр русского романса [Текст] / В. К. Харченко, Е. Ю. Хорошко; Лит. ин-т им. А. М. Горького. – М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2005. – 166 с.
15. Шайтанов, И. О. Формула лирики. Элегичен ли Евгений Рейн [Текст] // И. О. Шайтанов. Дело вкуса. Книга о современной поэзии. – М. : Время, 2007. – С. 491–504.
16. Эйхенбаум, Б. М. Мелодика русского лирического стиха [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – СПб. : ОПОЯЗ, 1922. – 199 с.
17. Яницкая, С. С. Романс в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века: генезис и эволюция жанра [Текст] / С. С. Яницкая. – Минск : БГУ, 2013. – 254 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Galich, A. I. Opyt nauki izjashhnogo [Tekst] / A. I. Galich. – SPb., 1825. – 222 s.

2. Grehnev, V. A. *Lirika Pushkina: O pojetike zhanrov* [Tekst] / V. A. Grehnev. – Gor'kij : Volgo-Vjatskoe kn. izd-vo, 1985. – 237 s.
3. Grigor'jan, K. N. *Pushkinskaja jelegija* [Tekst] : (nacional'nye istoki, predshestvenniki, jevoljucija) / K. N. Grigor'jan; AN SSSR, In-t rus. lit. (Pushkinskij dom). – L. : Nauka : Leningradskoe otdelenie, 1990. – 257 s.
4. Del'vig, A. A. *Romans («Odinok mesjac plyl...»)* [Tekst] // Del'vig, A. A. *Stihotvorenija* / A. A. Del'vig; [vstup. st. i primech. L. Asanova]. – M. : Sov. Rossija, 1983. – S. 148.
5. Lejderman, N. L. *Teorija zhanra* [Tekst] : issledovanie i razbory / N. L. Lejderman; Rossijskaja akad. obrazovaniya, Ural'skoe otd-nie, In-t filologicheskikh issled. v obrazovatel'nyh strategij «Slovesnik», Ural'skij gos. ped. un-t. – Ekaterinburg : UrGPU, 2010. – 904 s.
6. Magomedova, D. M. *Jelegija* / D. M. Magomedova [Tekst] // *Pojetika : slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij* / [gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko]. – M. : Izdatel'stvo Kulagina; Intrada, 2008. – S. 303–304.
7. Mitin, D. I. *Formirovanie jelegicheskoy shkoly v russkoj poezii konca XVIII–nachala XIX v.* M. N. Murav'em, V. A. Zhukovskij i K. N. Batjushkov [Tekst] : dissertacija kandidata filologicheskikh na-uk: 10.01.01 / D. I. Mitin; n. r. – d.f.n., professor A. M. Peskov; Moskovskij gosudarstvennyj univer-sitet imeni M. V. Lomonosova. – M., 2007.
8. Nikkareva, E. V. *Rechevoj zhanr zhaloby v kom-munikativnoj modeli literaturnogo romansa (na materiale stihotvorenija V. A. Zhukovskogo «Zhaloba. Romans»)* [Tekst] // *Ritorika v sovremennoj Rossii: tradicii i novye zadachi: sbornik statej uchastnikov XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* / Nauch. red. I. A. Sternin. – Voronezh: Izd-vo VGU, 2013. – S. 156–160.
9. Ostolopov, N. F. *Slovar' drevnej i novoj poezii* [Tekst] / sost. N. Ostolopovym, dejstvitel'nyj i pochetnyj chlenom raznyh Uchenyh Obshhestv. – Ch. 3. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Rossijskoj Akademii, 1821. – 500 s.
10. Pushkin, A. S. <Zametki na poljah 2-j chasti «Opytov v stihah i proze» K. N. Batjushkova> [Tekst] // Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij* : v 16 t. – T. 12. *Kritika. Avtobiografija*. – M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949. – S. 257–284.
11. Senderovich, S. Ja. *Figura sokrytija* [Tekst] : izbrannye raboty / S. Ja. Senderovich : [v 3 t.] – T. 1. *O russkoj poezii XIX i XX vekov. Ob istorii russkoj hudozhestvennoj kul'tury*. – M. : Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. – 598 s. – (STUDIA PHILOLOGICA).
12. Skovoroda, E. V. *Balladnyj «jelement» v strukture russkoj romanticheskoy povesti pervoj tretej XIX veka* [Tekst] : dissertacija kandidata filologicheskikh nauk : 10.01.01 / E. V. Skovoroda; Pskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut ime-ni S. M. Kirova; n. ruk. : d.f.n., professor L. A. Kapitanova. – Pskov, 2001.
13. Flejshman, L. S. *Iz istorii jelegii v pushkinskuju jepohu* [Tekst] / L. S. Flejshman // Flejshman L. S. *Ot Pushkina k Pasternaku : izbrannye raboty po pojetike i istorii russkoj literatury*. – M. : NLO, 2006. – S. 5–30.
14. Harchenko, V. K., Horoshko, E. Ju. *Jazyk i zhanr russkogo romansa* [Tekst] / V. K. Harchenko, E. Ju. Horoshko; Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo. – M. : Izd-vo Lit. in-ta im. A. M. Gor'kogo, 2005. – 166 s.
15. Shajtanov, I. O. *Formula liriki. Jelegichen li Evgenij Rejn* [Tekst] // Shajtanov I. O. *Delo vkusa. Kniga o sovremennoj poezii*. – M. : Vremja, 2007. – S. 491–504.
16. Jejhenbaum, B. M. *Melodika russkogo liricheskogo stiha* [Tekst] / B. M. Jejhenbaum. – Pb. : OPOJaZ, 1922. – 199 s.
17. Janickaja, S. S. *Romans v russkoj poezii XVIII – pervoj tretej XIX veka: genezis i jevoljucija zhanra* [Tekst] / S. S. Janickaja. – Minsk : BGU, 2013. – 254 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

¹ Здесь и далее шрифтовые выделения сделаны мной: полужирным выделены параметры сопоставления; полужирным курсивом – жанровые признаки (– Е. Н.).

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.138

Л. А. Гусева

Библейская фразеология в стихотворных текстах Н. И. Глазкова

В стихах Н. И. Глазкова нашел отражение русский язык середины XX века, существенным элементом которого является библейская фразеология. Стихи Н. И. Глазкова пронизаны библейской фразеологией. Чаще других используются поэтом такие устойчивые сочетания, как *добро и зло; суета сует; что посеешь, то и пожнешь*. Библейские фразеологизмы выполняют разные функции: служат стабильным источником языковой игры, основанной на взаимодействии стандарта и экспрессии; выражают ценностное отношение к миру, задают сюжетные линии; органично встраиваются в систему образов, значимых для идиостиля поэта и обусловленных библейскими мотивами. Многомерность библейских аллюзий позволяет говорить о том, что поэт конструирует в рамках поэтического текста библейский дискурс.

Ключевые слова: Библия, фразеология, Н. И. Глазков, стихотворный текст, идиостиль, дискурс, аллюзия.

RUSSIAN LANGUAGE

L. A. Guseva

Biblical phraseology in N. I. Glazkov's poems

Poems by N. I. Glazkov reflect the Russian language of the middle of the XXth century, with biblical phraseology being its significant element. N. I. Glazkov's poems are permeated with biblical phraseology and the most frequent phrases are good and evil, vanity of vanities, what you sow you will reap. Biblical phraseology has different functions: to be the source of language game based on the interaction between standard and expressiveness; to express value attitude to the world; to set storylines; to be an integral part of the imagery important for the poet's idio-style and specified by biblical motives. The multi-dimensional biblical allusions lead the author to the conclusion that the poet constructs biblical discourse within the framework of poetic text.

Key words: Bible, phraseology, N. I. Glazkov, poetic text, idiostyle, discourse, allusion.

Годы жизни Н. И. Глазкова (1919–1979) приходятся на советский период истории нашей страны. В его стихотворных произведениях, несмотря на их уникальность, звучит язык эпохи. Фразеология является одним из ключевых компонентов общенационального дискурса. Стандарт и экспрессия, взаимодействие которых служит одним из основных стимулов развития современного русского литературного языка в СМИ [6, с. 187–188], находят во фразеологизме свое феноменальное воплощение. Фразеологизм, по сути, динамичная система, в пределах которой сообщество стандартизирует «удачную» языковую форму и тут же начинает наполнять ее – благодаря активному употреблению – вариативным содержанием. Узнаваемость содержания запускает процесс трансформации языковой формы: несмотря на элими-

нированные или измененные компоненты, собеседники опознают фразеологизм. Употребление отдельных компонентов, «маркированных формально и содержательно принадлежностью определенному фразеологизму, благодаря устойчивым ассоциативным связям вызывает имплицитное присутствие в сознании адресата фразеологической единицы в целом, ассоциирующейся с конкретизированной ситуацией» [8, с. 123]. Следующее утверждение И. Ю. Третьяковой, по сути, обобщает наблюдения лингвистов над трансформациями фразеологизмов: «...каждый фразеологизм (за редким исключением) может быть подвергнут системным изменениям» [12, с. 198]. Фразеология, как область постоянных языковых перевоплощений, является, условно говоря, площадкой обязательной языковой игры.

Именно фразеология связана с глубинным пониманием языка и помогает создать языковой портрет социума. Одним из традиционных источников идиом является Библия. Использование библеизмов в текстах разной функционально-стилевой принадлежности все чаще становится объектом лингвистического исследования. Парадоксальная связь советской официальной риторики с Библией, запрещенной в нашей стране в 20–70 гг. XX века, получила освещение, например, в статьях П. М. Костиной и Н. А. Кузьминой [5, 7]. Стихи Н. И. Глазкова пронизаны библейской фразеологией, что заставляет усомниться в бесспорности утверждения о том, что «библейская фразеология значительно сократилась в объеме и утратила былую употребительность за годы советской власти» [4, с. 7].

Н. И. Глазкова нельзя причислить к официальным поэтам: его долго не публиковали, он поневоле стал автором окказионализма *самиздат* (*самсебяиздат*). Но он не был оппозиционером или отшельником, ушедшим от общей риторики своего времени и укрывшимся в мире специальных и малопонятных языковых форм. Свое поэтическое кредо Н. И. Глазков сформулировал сам: «Все, что друзья сказать могли бы, Я беспощадно зарифмовываю» [2, с. 122]. Его стихи иногда кажутся сотканными из хорошо всем знакомых, обычных фраз. Внешняя простота, узнаваемость слова скрывает глубокое содержание, о котором можно догадываться, которое можно обдумывать. О нем можно рассуждать, находя новые трактовки. Важную роль в насыщении поэтического текста смыслами играет фразеология, разнородная по своему происхождению. Тексты Н. И. Глазкова в основе своей диалогичны – не только за счет графически оформленных диалогов, но и за счет переплетения разных дискурсов, актуальных в 30–70 гг. XX века. Среди этих дискурсов особое место занимает Библия.

Библейские истоки можно увидеть в системе образов Н. И. Глазкова. Его лирический герой – поэт, одна из ипостасей которого – быть *пророком*. Сквозной образ, воплощающий представление поэта о лучшем мире, – *Поэтоград* – перекликается с библейским выражением *взыскующие града* – люди, ищущие лучших форм жизни, социальной справедливости [4, с. 79]. Тема пути имеет не только житейски-бытовую или литературно-художественную, но и библейскую природу. Характерными для ранних стихов поэта являются строки: *Я иду по улице, Мир перед глазами* [3, с. 445] или *Иду, гляжу туда-сюда.; Но брожу,*

гляжу На дома, трамваи [3, с. 154]. В контексте глазковского творчества подобные строки могут быть отзвуком библейской фразы – *иди и смотри*, которая в современном русском языке исполнена трагического смысла [4, с. 231–232]. В довоенных стихах поэта, созданных задолго до фильма Э. Климова «Иди и смотри», посвященного трагическим событиям Великой Отечественной войны, этот фразеологизм имеет естественный, бытовой характер, не отрицающий возможности иного понимания. Н. И. Глазков вообще поэт иронический, он органично соединяет высокое и приземленное, абстрактное и конкретное, сиюминутное и вечное, сугубо личное и общечеловеческое. В текстах поэта широко и разнообразно представлена, например, лексико-семантическая группа ‘вино’, что обусловлено и биографическими фактами, и богемно-романтическим образом творческого человека, и отчасти библейской историей о превращении воды в вино: *Вода срывается с вершин и устремляется в кувшин. В Поэтограде так же вот Работает винопровод* [2, с. 342]. Таким образом, ключевые для идиостиля Н. И. Глазкова образы одной из своих сторон обращены к библейским темам.

Тесная связь глазковских текстов с Библией отражается в активном использовании церковно-религиозной лексики, таких слов, как *душа; Бог; откровение; черт; апостол; евангелие; фарисеи; рай и ад; грех*. Библейская антропонимика используется поэтом естественно и непринужденно, без пафоса, но с заложенной в шутке серьезностью: *Иная студентка, забыв про милого, Зубрит лингвистику неустанно: Читая евангелие Остромирово, Не знает Матфея и Иоанна* [2, с. 447]. Библейские сюжеты становятся объектом лирического рефлексирования: *Есть преданье: Иуда повесился На осине, на горькой осине* [2, с. 181]. Поэт прибегает и к прямому цитированию: *Прекрасно сказано у Павла По поводу такой любви: – Если я пророк, и верой своею Передвинуть горы сумею, А любви не имею, То я ничто* [2, с. 348]. *Пусть лежит. Как говорил Христос, Мертвые себя хоронят сами* [2, с. 188]; Отметим, что Н. И. Глазков цитирует не только Библию, но и множество других источников: стихи поэтов – своих предшественников и современников; высказывания исторических деятелей, включая классиков марксизма-ленинизма; и берестяную грамоту, и учебник. Цитирование используется Н. И. Глазковым как прием «переплетения» дискурсов – поэтического, научного, газетно-публицистического, обиходно-

разговорного, канцелярски-делового и – библейского.

Заметную роль в конструировании библейского дискурса в стихотворных текстах играет фразеология. Чаще других в стихах Н. И. Глазкова встречаются такие библейские фразеологизмы, как *добро и зло; суета сует; что посеешь, то и пожнешь*. В той или иной форме представлены также: *умыть руки, время разбрасывать камни, и время собирать камни; краеугольный камень; насущный хлеб; царствие небесное; нищие духом; притча во языцех; петь Лазаря; не судите, да не судимы будете; древо жизни; книга жизни; книжники и фарисеи; идти в огонь и в воду* и др.

Добро и зло – выражение, которое в словарях не отмечено в качестве самостоятельной фразеологической единицы. Оно является фрагментом других устойчивых оборотов: *древо познания добра и зла; отойди от зла и сотвори благо* [4, с. 728]. Однако речевая практика, нашедшая отражение, в частности, в Национальном корпусе русского языка, свидетельствует о том, что сочетание *добро и зло* само по себе имеет устойчивый характер: оно регулярно воспроизводится в разных контекстах; его частотность, наблюдаемая с 1800 г., периодически увеличивается, а в последнее время, начиная с 2003 года, неуклонно возрастает [9]. На основе сочетания *добро и зло* формируются другие устойчивые выражения. В стихотворении Н. И. Глазкова «Разговор с чертом» (1958 г.) в реплике черта звучит фраза: *Нам надо быть выше добра и зла!* [2, с. 256]. В какой-то степени она перекликается с пушкинской строкой из «Бориса Годунова»: *Добру и злу внимая равнодушно* [1, с. 103], а также с фразеологизмами *по ту сторону добра и зла, за гранью добра и зла*, которые содержат, согласно «Словарю-тезаурусу современной русской идиоматики», отрицательную оценку [10, с. 38–39]. В глазковских текстах фразеологизм *добро и зло* – это один из способов обозначения и осмысления реального мира, мира людей. О *добре и зле* можно спорить, размышлять: *Очень долго я думал про Мир нелепостей и идеалов, Пока не догадался, что зло и добро Разность каких-то потенциалов* [2, с. 78]. Сочинительная связь, на основе которой построен данный фразеологизм, предполагает сопоставимость объединяемых понятий. Их единство поэт обозначает в полемически заостренном оксюморе: *И зло немедленно блага Почувствовали все* [2, с. 161]. Выражение *добро и зло* используется в разных сферах общения: оно, к примеру, обозначает одну из дихотомий философии. В стихах Н.И. Глазкова просле-

живается связь данного выражения именно с библейскими текстами, так как поэт использует практически полную версию фразеологизма *древо познания добра и зла: Под небесным древом добра и зла Рождались люди и умирали* [3, с. 98]. Фразеологизм *отойди от зла и сотвори благо* трансформируется, но сохраняет свое значение в строках: *И не могу сменить на оды Пути стихов от зла к добру* [2, с. 382].

Суета сует – это выражение имеет два значения: 1) «мелочные житейские заботы»; 2) «быстротечность и эфемерность человеческого существования» [4, с. 643–644]. По своему происхождению оно связано с книгой Екклесиаста, чье имя неоднократно появляется в стихах Н. И. Глазкова: *Но все равно мужик был умный Екклесиаст* [2, с. 76]. Подобно выражению *зло и добро*, фразеологизм *суета сует* определяет отношение лирического героя к миру людей. Это отношение нельзя назвать простым. Даже в ранней лирике, для которой характерна оппозиция *лирический герой – мир людей*, лирическое я оставалось частью житейского, будничного существования: *Люди не замечают Ни мелочей, ни меня* [2, с. 18]. Поэтому противоречивость утверждений: *Не следую их суете пустой* [2, с. 248] и *Принимая сует суету* [2, с. 130], – носит внешний, поверхностный характер. Сохраняя в целом отрицательное оценочное значение, это выражение не утрачивает философского, диалектического смысла.

В стихотворении «Проходя по знойному Арбату...» [2, с. 39] фразеологизм представлен в наиболее развернутом виде – *все суета сует и всяческая суета* – и играет ключевую композиционную роль. Первая строфа может служить иллюстрацией «суеты»: *Проходя по знойному Арбату, Я мечтал всегда по мелочам. И людей бегущую армаду Я, не изучая, замечал*. Тема суеты – спешки развивается во второй строфе, где появляется слово *некуда* как маркер безысходности, хотя этот грустный смысл растворяется в иронии благодаря романсной цитате и речевому обороту из школьной жизни: *Я не знал, куда они спешили, – Всяк по-всякому спешил пожить, – Но проверено, как дважды два четыре: Мне некуда большие спешить*. Третья, заключительная, строфа начинается с библейского утверждения *все суета сует и всяческая суета*, которое подводит итог двум первым строфам и получает развитие в заключительных строках стихотворения. *Я всех люблю. Желаю всем успеха*: слово *успех* этимологически родственно слову *спешить*; слово *люблю* рождает библейские реминисценции – перекликается с фразеологиз-

мом возлюби ближнего своего, как самого себя. Обыденно-публицистический штамп *влияние среды* используется в отрицаемой части антитезы: *Но не влияет на меня среда*. Здесь важно увидеть не только лексическое значение слова *среда*, ассоциативно связанное со *спешкой*, *суетой*. Существенную роль играет стилистическая окраска выражения *влияние среды*, служащая знаком «другого дискурса». Последняя строка резюмирует самооценку лирического героя: *Я все могу. Но только мне не к спеху*. В этой строке можно увидеть аллюзию на «ветхозаветную книгу Екклесиаста...», под именем которого предположительно скрывается царь Соломон» [4, с. 662]. *Я все могу*, – это, конечно, слова самого поэта – молодого человека, верящего в свои силы. Однако они соответствуют образу Проповедника, который добился в жизни всего, «что необходимо для земного человеческого счастья» [4, с. 662]. *Но только мне не к спеху*, – ироничная концовка строки и всего стихотворения, которая выполняет сразу несколько функций: снижает пафос и категоричность предшествующих слов; утверждает оппозицию *лирическое я – другие люди*; актуализирует представления о вечном и временном. Настоящее время глагола со значением постоянного признака – *могу* – противопоставлено синтаксическому настоящему времени с актуальным значением ‘сейчас, в момент говорения’ – *не к спеху*. Антитеза вечного и временного является, как известно, одним из компонентов общей семантики фразеологизма *суета сует*: «жизнь представляется Проповеднику бесконечным чередованием одинаковых явлений и событий, не имеющих цели и смысла», а «вечное и неизменное находится за пределами земного человеческого существования» [4, с. 645].

Значение чередования, повторяемости «одинаковых явлений и событий» часто актуализируется в стихотворных текстах Н. И. Глазкова. Иногда бывает трудно определить, какое устойчивое выражение обыгрывается автором, создающим новый афоризм. Библийская и научная фразеология, переплетаясь, дает жизнь новой формуле. *А история периодическая Очень любит войны скелет, Будет третья империалистическая Через двадцать пять – двадцать семь лет* [2, с. 392]: *периодическая история* в данном случае буквально соответствует языку науки – *история* и *периодическая система химических элементов*. Однако *суета сует* в текстах поэта не просто фраза, а комплекс смыслов, включающий и ‘повторяемость событий’.

Что посеешь, то и пожнешь – еще один часто встречающийся в стихах Н. И. Глазкова фразеологизм, имеющий библийское происхождение [4, с. 703–705]. Логическая связь событий, сюжетная схема, возможности для языковой игры на основе полисемии – вот те особенности, которые, на наш взгляд, сделали это выражение привлекательным для поэта. Нельзя не сказать и о традиционном для русской культуры образе «сеятеля». Н. И. Глазков, при всей своей самобытности и неподражаемости стиля, придерживается классических традиций, развивает образные парадигмы, ставшие поэтической фразеологией (стандартом, клише). Использование устойчивых формул, появившихся в разное время и в разных сферах общения, позволяет поэту создавать вроде бы легкомысленные строки, в подтексте которых прочитывается «диалог культур».

Сюжетная линия, заданная фразеологизмом, развивается в шутовском стихотворении «Писатель рукопись посеял...»: *Писатель рукопись посеял, Но не успел ее издать, Она валялась среди Расеи И начала произрастать. Поднялся рукописи колос над сорняковой пустотой...* [2, с. 380]. Комический эффект возникает благодаря актуализации сразу двух значений глагола *посеял* – ‘потерять’ и ‘бросить семя в почву’, причем первое из этих значений маркируется словарями как разговорное [11, с. 703]. Переход от бытовой, сниженной ситуации ‘потерянная рукопись’ к метафоре *рукописи колос* обосновывается и семантикой глагола, и аллюзией на строки Н. А. Некрасова, ставшие крылатыми: *сейте разумное, доброе, вечное* [1, с. 313–314]. Образная парадигма *стих – колос* воспроизводится благодаря синтаксическому параллелизму и в следующих строках: *И хорошо, что солнце жжет, А стих предельно сжат, И хорошо, что колос желт накануне жатв.* [2, с. 366]. Многозначность глагола, синтаксический параллелизм и варьирование объекта действия позволяют автору провести сопоставление двух ситуаций: *Ежели посеешь рожь, Будут деньги у тебя. Ежели посеешь грош, То не вырастить рубля* [2, с. 443]. Забавные строки развивают тему объекта (что именно можно посеять?): *Дорогой он посеял гвозди, Как сеют рожь или овес. С тех пор, хоть это очень дико, На месте том растет гвоздика!* [3, с. 404]. Горькая самоирония звучит в строках, относящихся к военному времени: *Пожал совсем не то, что сеял я Не потому, что ум мой мал; Но убежало зайцев семеро, А трех я тоже не поймал* [2, с. 373]. Как видим, данный фразеологизм, поз-

воляет поэту использовать разные приемы языковой игры, добиваясь комического эффекта.

Н. И. Глазков использует фразеологизмы либо в полном и неизменном виде: *А люди мира как Пилат – И умывают руки* [2, с. 372]; *Фимиа! каким чертям курят люди никотином?* [3, с. 171]. Либо в преобразованном виде: *Так, например, Гамлет, А до него Эдип, Не собирали камни, И кто-то из них погиб!* [2, с. 49]; *Знаю я, что скоро корни Пустит вглубь олива мира* [2, с. 361]. Иногда лексический состав обновляется в такой степени, что можно говорить только об ассоциативной связи глазковских строк с фразеологическим источником. *Был разутым, босым, Стал раздутым боссом* [2, с. 430], – эти строки можно считать вариацией на тему библейских выражений *из грязи в князи* или *кто был ничем, тот станет всем*. Существительное *не избранники* ассоциируется с библейским выражением – *много званых, но мало избранных*: *По платформам бродят люди, Не избранники судьбы* [2, с. 522]. *Отдохнуть от дел праведных* – это библейское выражение, представленное одним глаголом, позволяет истолковывать строки поэта о том, что будет после войны, не только в бытовом плане, но и в историческом, а в какой-то степени и социологическом: *Иногда говорят: тогда понастроим, Будет черт знает что под окном; А чего мы хотим, рассказал про нас кто им? Нет! Мы прежде всего отдохнем* [2, с. 392]. В стихах Н. И. Глазкова о войне нет героического пафоса или какого-то особого трагизма. Но если вдуматься в простые слова человека, пережившего войну, то можно понять, как глубоко война проникает в человека, как она его меняет: *И не забыть ее Нам даже в царствии небесном* [2, с. 92].

Любопытным фактом является использование поэтом устойчивой грамматической формы – синтаксического фразеологизма. Сочетание именительного и родительного падежей одного и того же существительного – *окуроч окурка, баллада баллад; судьба судьбы* – воспроизводит грамматическую структуру названия одной из частей Библии – *Песнь песней*. Этот прием становится доминирующим в восьмистишии 1941 года: *Дома домов столицами столиц Превращены в развалины развалин...* [2, с. 352–353]. Правда, поэт в своих стихах использует и философскую формулу *отрицание отрицания*, для языка Н. И. Глазкова вообще характерна контаминация языка Библии и языка науки. Устойчивые религиозные представления он переплетает с научными фактами, полу-

чившими широкую известность: *А умрет – его душа Обретает скорость света* [2, с. 527].

Композиционно-смысловое соотношение библейского фразеологизма со стихотворным текстом может варьироваться, но сфера его действия не ограничивается одной строкой. Даже при видимой периферийности положения фразеологизма обнаруживаются контекстуальные связи, объясняющие далеко не случайный выбор поэтом данной языковой формы. Например, в стихотворении «Поэт и дьявол» сочетание *насущенный хлеб* появляется в одной из реплик «искусителя»: *Ты нуждаешься в насущенном хлебе*, – а значение его конкретизируется контекстуальным синонимом: *Дам тебе за это миллиард* [2, с. 71]. Выражение *насущенный хлеб* выступает в качестве связующего звена между собеседниками – средством авторизации *дьявола* и средством адресации *поэту*. Текстовая значимость библейских фразеологизмов может быть усилена их концентрацией в одном фрагменте. Авторизация и адресация от лица лирического героя выражена двумя библейскими фразеологизмами в одной строфе: *Истину глаголят уста мои, – Имеющий уши, услышь* [2, с. 351]. Восьмистишие «Всемирная история в самом сжатом виде» (1942 г.) целиком построено как библейская реминисценция, обобщающая реальные переживания человеком современной ему войны. Три ключевых образа – *огонь, мгла, камень* – определяют своим взаимодействием отвлеченный, но трагический сюжет стихотворения. Речевое воплощение эти образы находят в библейских фразеологизмах: *неугасимый огонь, краешняя тьма, краеугольный камень*. Преобразованные поэтом, они все-таки узнаваемы: *Чуть дремлет недремлющий пламень, Затихший, но вечный огонь... Объемлет селения пламень, Но им освещается мгла, И зодчим отвергнутый камень Ложится главою угла* [2, с. 65]. Предельно обобщенные смыслы речевых формул данного стихотворения позволяют интерпретировать его по-разному (множественность интерпретаций, как известно, является неотъемлемым признаком поэтического текста), но связь с библейской фразеологией наряду с двумя конкретными фактами, обозначенными в стихотворении (горящие села и первобытная строка на изрезанном камне) ограничивают читательские ассоциации, задавая трагическое, вневременное и философски-диалектическое направление.

Таким образом, библейская фразеология органично вплетается в стихотворные тексты Н. И. Глазкова. Поэту удастся реализовать ее се-

мантические возможности, поскольку фразеологические обороты, связанные с Библией, не просто входят в активный запас его поэтического словаря. Они являются стабильным источником языковой игры, основанной на взаимодействии стандарта и экспрессии, узнаваемого и неожиданного. Их роль в идиостиле поэта усиливается «вертикальными» связями: библейскую природу имеют синтаксические фразеологизмы Н. И. Глазкова; библейская фразеология задает шкалу оценок, необходимую для восприятия реального мира, служит источником лирических сюжетов; значимая для творчества поэта система образов в большой степени обусловлена библейскими мотивами. Многомерность библейских аллюзий позволяет говорить о том, что это не только элементы текста (интертекста), но и формы отражения и конструирования внутри поэтического текста библейского дискурса.

Библиографический список

1. Ашукин, Н. С., Ашукина, М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения [Текст] / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина – М. : Худож. лит., 1988. – 528 с.
2. Глазков, Н. И. Избранное [Текст] / Сост. и науч. подгот. текста Н. Старшинова и Евг. Евтушенко; вступ. статья Евг. Евтушенко. / Н. И. Глазков – М. : Худож. лит., 1989. – 541 с.
3. Глазков, Н. И. Хихимора. [Текст] / Н. И. Глазков. – М. : Время, 2007. – 536 с.
4. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов [Текст] / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
5. Костина, П. М. Лозунги и призывы библейского происхождения в русском языке [Текст] / П. М. Костина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3. – С. 13–21.
6. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики [Текст] / В. Г. Костомаров. – М. : Гардарики, 2005. – 287 с.
7. Кузьмина, Н. А. Христианские мотивы в советских лозунгах [Текст] / Н. А. Кузьмина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3. – С. 22–27.
8. Мелерович, А. М., Блинова, Е. В. Психолингвистический механизм спонтанного семантического анализа фразеологизмов и его реализация в художественной речи [Текст] / А. М. Мелерович, Е. В. Блинова // Вестник Ко-

стромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – № 2. – С. 117–124.

9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://search.ruscorpora.ru>

10. Словарь – тезаурус современной русской идиоматики [Текст] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселева [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта +, 2007. – 1135 с.

11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2011. – 1175 с.

12. Третьякова, И. Ю. Системность окказиональных преобразований фразеологических единиц [Текст] / И. Ю. Третьякова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – № 2. – С. 197–201.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ashukin, N. S., Ashukina, M. G. Krylatye slova: Literaturnye citaty; Obraznye vyrazheniya [Tekst] / N. S. Ashukin, M. G. Ashukina – M. : Hudozh. lit., 1988. – 528 s.
2. Glazkov, N. I. Izbrannoe [Tekst] / Sost. i nauch. podgot. teksta N. Starshinova i Evg. Evtushenko; vstup. stat'ja Evg. Evtushenko / N. I. Glazkov – M. : Hudozh. lit., 1989. – 541 s.
3. Glazkov, N. I. Hihimora. [Tekst] / N. I. Glazkov. – M. : Vremja, 2007. – 536 s.
4. Dubrovina, K. N. Jenciklopedicheskiy slovar' biblejskih frazeologizmov [Tekst] / K. N. Dubrovina. – M. : Flinta : Nauka, 2010. – 808 s.
5. Kostina, P. M. Lozungi i prizvyvy biblejskogo proishozhdenija v russkom jazyke [Tekst] / P. M. Kostina // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2016. – № 3. – S. 13–21.
6. Kostomarov, V. G. Nash jazyk v dejstvii: Oчерki sovremennoj russkoj stilistiki [Tekst] / V. G. Kostomarov. – M. : Gardariki, 2005. – 287 s.
7. Kuz'mina, N. A. Hristianskie motivy v sovetских lozungah [Tekst] / N. A. Kuz'mina // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2016. – № 3. – S. 22–27.
8. Melerovich, A. M., Blinova, E. V. Psiholingvističeskij mehanizm spontannogo semantičeskogo anali-za frazeologizmov i ego realizacija v hudozhestvennoj rechi [Tekst] / A. M. Melerovich,

E. V. Blinova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. – 2007. – № 2. – S. 117–124.

9. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://search.ruscorpora.ru>

10. Slovar' – tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki [Tekst] / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN; A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij, K. L. Kiseleva [i dr.]; pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. – M. : Mir jenciklopedij Avanta +, 2007. – 1135 s.

11. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov [Tekst] / RAN. Institut russkogo jazyka im.

V. V. Vinogradova. Otv. red. N. Ju. Shvedova. – M. : Azbukovnik, 2011. – 1175 s.

12. Tret'jakova, I. Ju. Sistemnost' okkazional'nyh preobrazovanij frazeologicheskikh edinic [Tekst] / I. Ju. Tret'jakova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. – 2010. – № 2. – S. 197–201.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

О. А. Титов

Русские дериваты от латинского корня «duc-»

В данной статье приводится перечень основных русских дериватов от латинского корня «duc-», этимологические связи между которыми не осознаются носителями языка. Многообразие производных от продуктивного корня «duc-» объясняется как наличием огромного количества префиксальных и префиксально-суффиксальных образований от него в самой латыни, так и активным заимствованием их через языки-посредники, где латинизмы в ряде случаев подверглись значительной семантической и фонетической трансформации. Выявление этимологических связей между пришедшими в русский язык латинизмами, а также сопоставление их с иноязычными дериватами от того же корня – все это позволяет лучше понять современную русскую лексику и увидеть ее пересечения со словарным составом других языков.

Ключевые слова: латинизм, глагол «duco», русские дериваты, заимствованная лексика, лексема, семантика, язык-посредник, морфемный состав, этимологические связи, транслитерация.

О. А. Titov

Russian derivatives from the Latin root «duc-»

The article gives a list of the main Russian derivatives from the Latin root «duc-» etymological links between which are not realised by native speakers. The diversity of derivatives from the productive root «duc-» is explained both by a great number of prefix and prefix-suffixal formations with it in Latin itself, and by a lot of borrowings through intermediary languages where Latinisms were transformed semantically and phonetically. Etymological links between Latinisms in the Russian language and their comparison with foreign derivatives of the same root help to understand modern Russian lexis and find out its connection with lexis of other languages.

Key words: latinism, verb «duco», Russian derivatives, loan words, lexeme, semantics, intermediary language, morpheme structure, etymological links, transliteration.

В русском языке существует множество слов латинского происхождения. Однако заимствование происходит по большей части не из самого источника, а через посредство других европейских языков (польского, немецкого, английского) или через романские языки, являющие собой результат дальнейшего развития разговорной латыни. Зачастую язык-посредник накладывает собственный фонетический отпечаток на латинское слово, а в романских языках оно может подвергнуться еще более значительным звуковым метаморфозам, в ряде случаев превращаясь в совершенно иную лексему. В разных языках по-своему может изменяться и семантика латинизма, на его основе могут образовываться новые лексические единицы, еще более отдаляющиеся от слова-предка. Проникая в русский язык и зачастую подвергаясь в нем дальнейшим изменениям, многие из этих лексем, оказываются столь различными по звучанию и семантике, что этимологические связи между ними можно установить лишь посредством специального анализа. В качестве примера тому в данной статье мы дадим обзор основных русских дериватов от латинского корня «duc-» и просле-

дим те семантические, морфемные и фонетические трансформации, которые привели к появлению обширного гнезда столь несхожих, но исторически родственных слов.

В латыни корень «duc-» встречается прежде всего в глаголе «duco» (перфект – «duxī»; супин – «ductum»; инфинитив настоящего времени действительного залога – «ducere») [3, с. 206]. Здесь этот корень сохраняет свое древнее значение «вести, тянуть». В производных от данного глагола словах вполне закономерно появляется сема «вести за собой», «возглавлять». Прежде всего следует отметить глагол «ducto» (перфект – «ductāvi», супин – «ductātum», инфинитив – «ductāre») [3, с. 206], а также существительные «ductus» («проведение, предводительство») [3, с. 206], «ductor» («проводник, предводитель») [3, с. 206] и «dux» («вождь, предводитель») [3, с. 208]. Последнее из них оказалось наиболее продуктивным для дальнейших образований. Еще в эпоху Древнего Рима слово «dux» (родительный падеж – «ducis») используется в значении «вождь», «предводитель», «начальник» и даже «глава государства» [3, с. 208]. В языках подвергшихся романизации евро-

пейских племен оно закрепляется для обозначения военного вождя племени, впоследствии превратившегося в герцога – крупного феодала, на ранг ниже короля. Отсюда английское «*duke*» или французское «*duc*» со значением «герцог». Стоит отметить, что французский «вариант» этого слова иногда появляется и в русской транслитерации – «дюк» (например, Дюк Ришелье). Более распространенной у нас оказалась итальянская производная от «*dux*» – «*дуче*» («*Duce*»), в значении «вождь». С установлением в 30-х годах XX века фашистской диктатуры в Италии это слово закрепилось за лидером национал-социалистов Бенито Муссолини. Придя в русский язык наряду с немецким «*фюрер*», слово «*дуче*», естественно, получило отрицательную коннотацию вследствие своих прочных ассоциативных связей с фашизмом.

Весьма своеобразно проникает в русский язык и образование женского рода от французского «*duc*» («герцог»). «Герцогиня» по-французски «*duchesse*». В русской транслитерации – «*дюшес*». Этим словом был назван выведенный во Франции сорт груш. Считается, что он был посвящен некоей герцогине д'Ангулем [1]. В Россию слово «*дюшес*» приходит именно как название фрукта, теряя при этом всякую ассоциативную связь с титулом.

В поздней латыни от корня «*duc-*» было образовано существительное «*ducātus*» в значении «герцогство». Употребление его в составе латинской надписи «*Sit tibi Christe datus, quem tu regis iste ducatus*» («Да будет твоим, Христос, это герцогство, которым ты правишь»), отчеканенной на венецианской монете, дало название и самой денежной единице – «дукат» [1]. Данное заимствование по-прежнему отмечается в словарях русского языка [2, с. 182].

Корень «*duc-*» является составной частью также вошедших в русский язык слов «*акведук*» и «*виадук*». Первое возникает еще в древней латыни из соединения генетивной формы слова «*aqua*» («вода») с отглагольным существительным «*ductus*» («проведение»). Латинское «*aquaeductus*» [3, с. 48] в целом соответствует русскому «водопровод». По этой же модели позднее образуется и слово «*виадук*» (дословно «дорогопровод») с первым элементом «*via*» («дорога») [3, с. 692].

Немалое количество заимствований с корнем «*duc-*» восходит к префиксальным производным от глагола «*duco*». Так, при добавлении к нему приставки «*con-*» в значении «с-», «со-» возникает глагол «*condūco*» («собирать»), а от него, в свою очередь, образуются существительные «*conductio*» («соединение»), «аренда») и «*conduc-*

tor» («подрядчик», «собиратель») [3, с. 120]. Последнее из них – «*кондуктор*» – заимствовано русским языком и используется в значении «работник, сопровождающий поезда, а также обслуживающий пассажиров на городском транспорте» [2, с. 289].

С префиксом «*de-*» («о-», «об-», «от-») глагол «*duco*» образует такие лексемы, как «*dedūco*» («отводить», «сводить вниз»), «*deductio*» («отведение»), «*deductor*» («проводник») [3, с. 169–170]. Русский язык заимствует слово «*дедукция*», которое обозначает теперь «способ рассуждения от общих положений к частным выводам» [2, с. 157].

При добавлении к «*duco*» приставки «*in-*» («в-», «на-») образуется глагол «*induco*» («наводить», «вводить») и далее – «*inductus*» (побуждение») и «*inductio*» («введение», «ввод») [3, с. 311–312]. В русском языке слово «*индукция*» становится антонимом к лексеме «*дедукция*», означая «способ рассуждения от частных фактов, положений к общим выводам» [2, с. 247]. В непосредственном родстве с ним оказывается слово «*индуктор*» со значением особого электромагнитного устройства [2, с. 247].

Весьма продуктивными оказываются и образования с префиксом «*pro-*» («за», «вместо», «перед»): «*prodūco*» («выводить», «вести вперед»), «*productio*» («проведение», «продление»), «*productus*» («растянутый», «выведенный») [3, с. 503–504]. Их русскими дериватами становятся лексемы «*продукт*» («предмет как результат человеческого труда» [2, с. 609]), а также «*продукция*» и такие производные от них, как «*продуктивный*», «*продуктовый*», «*продуцировать*» и т. п.

С префиксом «*re-*», выражающим значение «возврат», «возвращение», глагол «*duco*» образует слова «*redūco*» («отодвигать», «тянуть назад», «возвращать»), «*reductio*» («возвращение»), «*reductor*» («возвращающий»), «*reductus*» («отодвинутый», «отдаленный») [3, с. 540–541]. Широкое заимствование этих слов в первую очередь как научных терминов приводит к появлению в русском языке лексем «*редукция*» («сведение простого к сложному», а также «уменьшение, ослабление чего-н.» [2, с. 673]), «*редуктор*», «*редуцировать*».

В соединении с приставкой «*intro-*» («внутри») рассматриваемый глагол образует лексему «*intro-duco*» («вводить») [3, с. 338], от которой происходит слово «*интродукция*», употребляемое в значении «короткое вступление в некоторых музыкальных произведениях» [2, с. 250].

Возможно также использование данного глагола с двумя префиксами. Примерами тому могут служить слова «репродукция» («воспроизведение» [2, с. 677]) и «репродуктор» («громкоговоритель» [2, с. 677]), где перед корнем «*duc-*» последовательно располагаются префиксы «*re-*» и «*pro-*».

Однако это далеко не полный список русских дериватов от латинского глагола «*duco*». Образованные от него лексемы продолжают приходить в русский язык и в настоящее время. Основным посредником здесь является английский язык. Так, например, от латинского «*prodūco*» («выводить», «вести вперед») в английском языке возникает глагол «*produce*» в значении «производить», а от него, в свою очередь, образуется существительное «*producer*» (дословно «производитель»), пришедшее в русский язык в транслитерации «*продюсер*» [1].

Весьма интересным всегда может показаться факт, что один и тот же латинский глагол является «прародителем» множества освоенных русским языком слов, этимологические связи между которыми практически не ощущаются. Более того, этот глагол порождает множество «родственных» русским дериватам слов и в других языках. Осознание таких связей позволяет не только лучше

понять русскую лексику, но и увидеть ее тесные связи с лексическим составом других европейских языков.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bse.slovaronline.com.
2. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 2004.
3. Петрученко, О. Латинско-русский словарь [Текст] / О. Петрученко. – М., 1994.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bol'shaja sovetskaja jekciklopedija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: bse.slovaronline.com.
2. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. – M., 2004.
3. Petruchenko, O. Latinsko-russkij slovar' [Tekst] / O. Petruchenko. – M., 1994.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.02.2017
Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

М. Н. Кулаковский

Вставные конструкции и индивидуально-авторский стиль

В статье рассматривается вопрос о том, насколько последовательно проявляются индивидуальные черты авторского стиля в плане использования различных функциональных типов вставных конструкций. Для этого был проведен количественный анализ функциональных типов вставных конструкций в нескольких произведениях одного автора (по трем основным группам вставок: 1) вставкам, имеющим характер уточнения, 2) вставкам, передающим дополнительную информацию, 3) вставкам, передающим информацию, имеющую эмоционально-экспрессивный и оценочный характер). Материалом исследования послужили произведения В. В. Набокова «Защита Лукина» (1929), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1931–1932) и М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1923–1924), «Собачье сердце» (1925). Приведенные данные количественного анализа позволяют сделать вывод о том, какие особенности авторского стиля при использовании различных функциональных типов вставных конструкций прослеживаются последовательно, а какие из них определяются особенностями конкретного произведения (содержательными, композиционными, повествовательными, жанровыми и т. д.). Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что при определении стилистической манеры автора в плане использования вставных конструкций необходимо учитывать как основные тенденции и характерные, повторяющиеся приемы употребления вставок, так и те явления, которые определяются особенностями конкретного произведения.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, экспрессивный синтаксис, индивидуально-авторский стиль, функциональные типы вставных конструкций, эмоционально-оценочная информация, взаимодействие речевых планов, языковая игра с читателем, актуализация зрительного образа.

M. N. Kulakovsky

Expletive constructions and individual author's style

The article considers individual features of the author's style in terms of using different functional types of expletive constructions. The author conducted quantitative analyses of expletive constructions in several works of the same author (according to three main groups: 1) specifying constructions, 2) constructions giving additional information, 3) constructions giving emotionally expressive and evaluative information). The research is based on the works by V. V. Nabokov *The Defense* (1929), *Glory* (1932), *Laughter in the Dark* (*Camera Obscura*) (1931–1932) and M. A. Bulgakov *The White Guard* (1923–1924), *Heart of a Dog* (1925). The data of the quantitative analysis shows that the use of different types of expletive constructions depends on the author's style and the features of certain novels (context, composition, narrative, genre, etc.). The author makes the conclusion that defining the author's style in terms of using expletive constructions we should consider both the main tendencies and typical, repetitive techniques of using expletives and characteristic features of a particular literary work.

Key words: expletive constructions, literary text, expressive syntax, individual author's style, functional types of expletive constructions, emotionally evaluative information, interaction of speech aspects, language game, actualization of visual image.

В художественной прозе XX века наблюдается существенное расширение функций вставных конструкций. Они становятся важным элементом экспрессивного синтаксиса, формирующим индивидуальные языковые особенности многих писателей. В этой связи представляется актуальным проследить, насколько последовательно проявляются индивидуальные черты авторского стиля в плане использования различных функциональных типов вставок. Для этого мы провели количественный анализ функциональных типов вставных конструкций в нескольких произведениях одного автора. Для анализа были взяты произве-

дения В. Набокова «Защита Лукина» (1929), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1931–1932), общее количество вставных конструкций в которых примерно одинаково, и М. Булгакова «Белая гвардия» (1923–1924), «Собачье сердце» (1925).

В результате анализа были получены следующие данные количественного присутствия различных функциональных типов вставок в текстах произведений (за 100 % принималось общее количество вставных конструкций в каждом конкретном произведении) (см. Таблицу 1).

Таблица 1

**Функциональные типы вставных конструкций в произведениях
В. В. Набокова и М. А. Булгакова**

Характер передаваемой вставкой информации	В. Набоков			М. Булгаков	
	«Защита Лужина»	«Подвиг»	«Камера обскура»	«Белая гвардия»	«Собачье сердце»
1. Информация, имеющая характер уточнения					
1.1. Уточнение информации основного предложения	10,9 %	11,3 %	7,9 %	10,9 %	6 %
1.2. Объяснение информации основного предложения	1,6 %	–	–	–	–
1.3. Толкование слов	–	–	–	2,2 %	6 %
1.4. Пояснение собственных имен	–	3,2 %	3,2 %	2,2 %	–
1.5. Пояснение эвфемистической замены	–	–	3,1 %	–	–
2. Дополнительная информация					
2.1. Дополнительная информация обстоятельственного характера	15,6 %	12,9 %	12,7 %	13 %	9,2 %
2.2. Дополнительная информация присоединительно-распространительного характера					
2.2.1. Информация об окружающем мире героя	10,9 %	16,1 %	9,5 %	13 %	3 %
2.2.2. Информация о герое	12,5 %	19,4 %	23,8 %	13 %	–
2.2.3. Информация, связанная с автором (повествователем)	6,3 %	4,8 %	1,6 %	2,2 %	–
2.3. Указание на источник информации	–	–	–	–	3 %
2.4. Создание зрительного образа	15,6 %	9,7 %	3,2 %	–	36,4 %
2.5. Взаимодействие речевых планов	18,7 %	16,1 %	25,4 %	39,1 %	24,2 %
3. Информация эмоционально-экспрессивного и оценочного характера					
3.1. Эмоционально-оценочная информация	4,7 %	1,6 %	6,3 %	–	3 %
3.2. Контактуюстанавливающая информация	–	–	1,6 %	–	–
3.3. Акцентирование информации основного предложения	–	–	–	–	9,2 %
3.4. Информация, имеющая характер сравнения	3,2 %	4,9 %	1,7 %	4,4 %	–

Данный анализ показывает, что в количественном плане особенности авторского стиля при использовании различных функциональных типов вставных конструкций последовательно прослеживаются лишь в общем плане и во многом определяются особенностями конкретного произведения. Так, в рассмотренных нами романах Набокова сохраняется примерно равное количественное присутствие вставок, уточняющих информацию основного предложения (10,9 % – 11,3 % – 7,9 %), что примерно соответствует среднему показателю рассмотренных нами произведений данного периода – 20–30-х годов XX века (10,5 %) [1].

Аналогичная последовательность прослеживается и по отношению к вставным конструкциям, передающим информацию обстоятельственного характера (15,6 % – 12,9 % – 12,7 %). В целом этот показатель ниже среднего (17,9 %), однако отдельные функциональные типы таких вставок формируют особенности стиля данного автора

(указание на время, причину, следствие, образ и способ действия).

Более существенные количественные различия наблюдаются в отношении вставок, передающих дополнительную информацию об окружающем мире персонажа (от 9,5 до 16,1 %). В романах «Камера обскура» и «Защита Лужина» этот показатель приближается к среднему (9,7 %), а «Подвиге» показ окружающего мира героя становится более значимым (16,1 %), что, вероятно, объясняется содержательными особенностями произведения.

Дополнительная информация о персонаже реже встречается во вставках в «Защите Лужина» (12,5 %), поскольку большая ее часть содержится в основном предложении и не актуализируется с помощью вставных конструкций (средний показатель присутствия данной информации во вставках – 15,9 %). Кроме того, данная тенденция мотивируется преимущественным вниманием автора к главному герою повествования и меньшей проработкой образов второстепенных персонажей (меньшей актуализацией деталей, связанных с ними). В романе «Камера обскура» подобная информация представлена в большей степени

(23,8 %) и связана с актуализацией различных персонажей.

Прямо противоположная тенденция наблюдается в отношении информации, связанной с автором (повествователем): в романе «Камера обскура» он почти не «проявляет» себя во вставках (1,6 %), а в «Подвиге» и «Защите Лужина» подобные переключки с внетекстовой действительностью являются более характерными (соответственно 4,8 % и 6,3 %), поскольку сюжет произведения тесно переплетается с воспоминаниями самого автора (средний уровень таких вставок несколько выше – 6,9 %, однако связано это со значительным присутствием подобных вставных конструкций в произведениях автобиографического характера и текстах, в которых повествователь является активным действующим лицом).

Активно используются В. Набоковым и вставные конструкции, осуществляющие взаимодействие различных речевых планов (от 16,1 % до 25,4 %), особенно в романе «Камера обскура», что мотивируется большим количеством переключек речевых планов различных персонажей, а также актуализацией взаимодействия внешней и внутренней речи.

Небольшое различие наблюдается и в количестве вставок, передающих эмоционально-оценочную информацию (от 1,6 % до 6,3 %) и информацию, имеющую характер зрительного образа (от 1,7 % до 4,9 %). Однако здесь можно отметить следующую закономерность. Так, в «Подвиге» минимально представлены вставки, передающие эмоционально-оценочную информацию (1,6 %), и максимально – информацию, имеющую характер сравнения (4,9 %), а в романе «Камера обскура» наблюдается совершенно противоположная тенденция: максимум первой информации (6,3 %) и минимум второй (1,7 %). Вероятно, подобная взаимная «компенсация» вставок объясняется тем, что сравнение является одним из средств выражения косвенной оценки. Таким образом, можно говорить об относительной стабильности данной информации.

Более существенное различие наблюдается в отношении вставок, которые актуализируют зрительный образ: от минимального присутствия в романе «Камера обскура» (3,2 %) до максимального в «Защите Лужина» (15,6 %). Вероятно, для автора в данном произведении построение зрительного ряда через детали становится более важным (среднее количество в текстах – 3,6 %). Кроме того, важную роль в композиции произведения играет сквозной образ открытки («Приехали.

Ждем вас вечером»)), который организует графическое восприятие текста и формирует его зрительный образ.

Отдельные типы вставных конструкций представлены в некоторых произведениях в незначительном количестве, что, вероятно, мотивируется конкретной авторской задачей и содержательными особенностями текста: вставки, объясняющие информацию основного предложения в «Подвиге» (1,6 %), поясняющие эвфемистическую замену (3,1 %) и передающие обращение к читателю или герою (1,6 %) в романе «Камера обскура»

Вставки, поясняющие собственные имена, в одинаковом количестве встречаются в романах «Подвиг» и «Камера обскура» (по 3,2 %), но отсутствуют в «Защите Лужина». Данная тенденция аналогична той, которую мы наблюдали по отношению к дополнительной информации о персонаже, и, вероятно, также связана с меньшим вниманием автора к второстепенным персонажам в плане актуализации определенной детали.

Практически отсутствуют у В. Набокова во всех трех романах вставки, передающие толкование слов, указывающие на источник информации и акцентирующие внимание на информации основного предложения. Однако данные типы вставок характеризуются нерегулярностью употребления в целом (средние показатели соответственно: 0,6 % – 0,8 % – 0,5 %).

В произведениях М. Булгакова наблюдаются более значительные различия количественных показателей использования функциональных типов вставок, что мотивируется большими различиями самих произведений (их содержания, манеры повествования, эмоциональной окрашенности и т. д.). Близкие количественные характеристики мы наблюдаем в отношении вставок, уточняющих информацию основного предложения (10,9 % – 6 %), передающих информацию обстоятельственного характера (13 % – 9,2 %) и осуществляющих взаимодействие различных речевых планов (39,1 % – 24,2 %).

В отличие от прозы В. Набокова, в текстах М. Булгакова регулярно употребляются вставки, передающие толкование слов или уточняющие их через усложнение (соответственно 2,2 % и 6 %, при среднем показателе 0,6 %), что связано с последовательной передачей в произведениях письменных текстов (в частности – дневника Борменталя). Этим мотивируется и регулярное использование вставок, актуализирующих зрительный образ, в «Собачьем сердце» (36,4 %), и отсутствие их в «Белой гвардии».

Пояснение собственных имен во вставках более характерно для «Белой гвардии» (2,2 %). Существенные различия наблюдаются в отношении дополнительной информации о персонаже и его окружающем мире (соответственно 13 % – 13 % в «Белой гвардии» и 3 % – 0 % в «Собачем сердце»). Следовательно, в первом произведении подобная разноплановость при создании образов персонажей становится более актуальной. Кроме того, в «Белой гвардии» в большей степени проявляется и образ самого автора (дополнительная информация, связанная с ним – 2,2 %).

Значительное количество вставок, актуализирующих информацию основного предложения, в «Собачем сердце» (9,2 %) объясняется передачей письменных текстов (различных графических средств акцентирования). Как и в прозе В. Набокова, наблюдается своеобразная компенсация во вставках эмоционально-оценочной информации и информации, имеющей характер сравнения: в «Собачем сердце» используется только первая (3 %), а в «Белой гвардии» – только вторая (4,4 %).

Следовательно, данный анализ позволяет сделать вывод, что особенности количественного употребления вставных конструкций определенных функциональных типов последовательно прослеживаются лишь в общих чертах и в значительной степени связаны с особенностями конкретного произведения (содержательными, компо-

зиционными, повествовательными, жанровыми и т. д.). Однако характерные авторские приемы их использования выделяются тем не менее достаточно четко. Поэтому при определении стилевой манеры автора в плане использования вставных конструкций необходимо учитывать как основные тенденции и характерные, повторяющиеся приемы употребления вставок, так и те явления, которые определяются особенностями конкретного произведения. Совокупность данных подходов и позволяет выделить наиболее значимые черты индивидуального стиля писателя.

Библиографический список

1. Кулаковский, М. Н. Функции вставных конструкций в художественном тексте [Текст] / М. Н. Кулаковский // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. Том I (Гуманитарные науки). – С. 88–92.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kulakovskij, M. N. Funkcii vstavnykh konstrukcij v hudozhestvennom tekste [Tekst] / M. N. Kulakovskij // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 1. Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 88–92.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

В. Н. Волкова, М. Н. Кулаковский

Одоративная лексика в прозе А. И. Куприна

В статье рассматриваются особенности использования одоративной лексики в прозе А. И. Куприна разных лет. В работе представлена характеристика природных образов с точки зрения особенностей употребления в них лексики, передающей обонятельные ощущения. Определяются наиболее характерные функции данной группы лексики, ее роль при формировании различных уровней художественного текста. Описано взаимодействие одоративных характеристик с вкусовыми, зрительными, осязательными и звуковыми. В статье определяются основные структурные модели трансформации данных характеристик при создании целостного художественного образа. Описывается роль данной группы лексики при взаимодействии различных пространственно-временных планов текста. Отмечается существенное расширение круга объектов, приобретающих обонятельные характеристики.

Ключевые слова: одоративная лексика, обонятельные ощущения, лексика чувственного восприятия мира, пейзаж, оценочный компонент, метафорический образ, наименование эмоций, модальность, сенсорная система, модусы восприятия, пространственно-временной план, художественный текст.

V. N. Volkova, M. N. Kulakovsky

Odor words in A. I. Kuprin's prose

The article considers peculiarities of using words denoting odor in A. I. Kuprin's prose. The author characterises nature images from the point of view of using words referring to olfactory sensations and determines the most typical functions of this lexical group and its role in forming different levels of literary text. A description is given of the interaction between odor characteristics and taste, sight, touch and sound ones. The article gives the main structural transformation models of these characteristics for creating an integral artistic image and describes the role of this lexical group in interaction between different space-time textual aspects. The authors pay attention to significant expansion of the range of objects acquiring odor characteristics.

Key words: odor words, olfactory sensations, vocabulary of the world sensory perception, landscape, evaluative component, metaphoric image, names of emotions, modality, sensory system, modes of perception, space-time aspect, literary text.

В произведениях А. И. Куприна часто используется лексика чувственного восприятия мира, то есть лексика, передающая зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые и обонятельные ощущения. В данной статье мы решили остановить свое внимание на одоративной лексике и ее роли в структуре художественного текста.

Сам А. И. Куприн был человеком с очень чутким обонянием, а потому в своих произведениях старался никогда не забывать отмечать запахи окружающего мира [9, с. 15]. Эта черта присуща как ранним рассказам, вроде «Одиночества», так и поздним очеркам, вроде «Ночи в лесу».

В качестве объекта исследования мы отобрали описания природы в следующих произведениях А. И. Куприна, написанных автором в разное время: повести «Олеся» (1896), рассказах «Одиночество» (1898), «Болото» (1902), «Пустые дачи» (1904), повести «Гранатовый браслет» (1910), рассказе «Фиалки» (1917) и очерке «Ночь в лесу» (середина 1930-х).

В первую очередь следует отметить, что А. И. Куприн довольно часто в своих произведениях описывает обонятельные ощущения через

восприятие персонажа. Такие описания становятся более субъективными, позволяя автору через ощущения передать и характер восприятия, и характер душевного состояния воспринимающего субъекта. А самым распространенным способом передачи обонятельных ощущений становится включение лексики данной группы в длинные ряды контекстуально однородных определений.

Наиболее последовательно в рассмотренных текстах представлены запахи растительного мира, запахи цветов и деревьев. При этом описания ощущений в рамках данной модальности (под модальностью мы понимаем принадлежность к определенной сенсорной системе [1, с. 267]) могут содержать в своем составе оценочный компонент. Чаще всего подобные запахи оцениваются как приятные. Так, например, А. И. Куприн описывает запах фиалок в одноименном рассказе: удивительный аромат – тонкий, нежный и упоительно скромный [8, с. 233]. Следует отметить, что данный пример интересен и с точки зрения расположения эпитетов (тонкий, нежный и упоительно скромный). Отталкиваясь от формальной констатации силы запаха, автор постепенно пере-

ходит к формированию метафорического образа, связывающего предметный мир с внутренним миром повествователя.

Автор часто включает в описания запаха лексик, передающую чувства и эмоции, что помогает читателю лучше понять настроение и внутреннее состояние героев, воспринимающих этот запах. Пышно цвели своей холодной, высокомерной красотой георгины, пионы и астры, распространяя в чутком воздухе осенний, травянистый, грустный запах [3, с. 126]. И опять мы видим трехкомпонентную характеристику запаха, построенную по следующей схеме: формальная временная отсылка – указание на источник запаха – эмоции, связанные с восприятием запаха. В данном примере актуализируется и причина, вызвавшая именно эти эмоции: Вера Николаевна Шеина, героиня повести «Гранатовый браслет», прогуливаясь по саду, испытывает грусть и вообще пребывает в меланхолическом состоянии, вызванном скорым наступлением осени и, как следствие, необходимостью переехать в город.

Подобное сочетание слов оказывается представленным и в других произведениях автора. Например, в рассказе «Пустые дачи» мы находим почти в точности совпадающую характеристику запаха, также относящуюся к описанию цветов, причем тех же самых: На клумбах среди обнаженной черной земли доцветают яркие астры и георгины. Я слышу их травянистый, меланхолический осенний запах... [7, с. 170] Для данного примера также характерно сочетание ощущений, принадлежащих разным модусам, в данном случае зрительного и обонятельного. При этом изменяется схема развертывания образа: представленная последней временная характеристика как бы мотивирует особенности эмоционального восприятия запаха.

Еще один пример включения слова-наименований эмоций в описание запаха был обнаружен нами в очерке «Ночь в лесу»: Клейкие почки на березах насытились весенними соками, и в воздухе чувствуется их радостный смолистый аромат [4, с. 168]. Подобный эмоциональный фон восприятия запаха оказывается связанным с традиционным восприятием весны как временем пробуждения жизни. Радостные эмоции от наступления весны, а следовательно открытия охотничьего сезона, по-видимому, испытывает и сам рассказчик.

Традиционным для произведений А. И. Куприна становится сочетание в границах одного модуса (в данном случае обонятельного)

ощущений разных модальностей: Острый, жаркий, сухой аромат смолистых ветвей слабеет, зато сильнее чувствуется сквозь него приторный запах дыма, которым тянуло весь день с дальнего лесного пожарища [2, с. 65]. Первый представленный запах принадлежит живой природе и связан с осязательной характеристикой (тактильное ощущение, температура и влажность), второй не относится к живой природе и связан с характеристикой вкусовой. Их контрастность подчеркивается выбором характеризующих лексем: первый назван ароматом, второй запахом.

Подобные ощущения обладают так называемой интермодальностью. Аналогичное явление представлено и в следующем примере: в воздухе чувствовался тягучий, медвяный травяной запах [2, с. 68]. В данном случае одоративные ощущения смешиваются с вкусовыми.

Определить границы сочетаемости ощущений разных модальностей в произведениях А. И. Куприна достаточно сложно. Здесь могут сочетаться ощущения обонятельные и вкусовые, обонятельные и тактильные (в том числе температурные). Например, в следующем контексте обонятельные ощущения сочетаются с ощущениями тактильной и зрительной модальности одновременно: ... сильнее благоухали клейкие коричневые почки тополя [6, с. 173].

Сочетающиеся в рамках одного модуса запахи могут передавать одновременно несколько модальностей. Так, в следующем примере можно говорить о взаимодействии временной, осязательной, температурной и вкусовой характеристик: она протягивает Казакову свою милую, теплую руку <...>. И вместе с ароматом фиалок мальчик слышит какое-то новое, шелковое, теплое, сладкое благоухание [8, с. 234].

Запахи внутри одного модуса могут сравниваться друг с другом: левкой – наполовину в цветах, а наполовину в тонких зеленых стручках, пахнувших капустой [3, с. 126], гроздь винограда, издававшие запах клубники [3, с. 129]. Автор соотносит между собой запахи абсолютно разных растений, устанавливая определенные ассоциативные связи.

Подобным умением уловить мельчайшие оттенки запахов автор наделяет и своих персонажей: Чем пахнет морская вода во время прилива? Представь себе – резедой [3, с. 127]. Это впечатление принадлежит сестре главной героини повести «Гранатовый браслет», Анне Фриессе, особое, тонкое, изысканное чувство которой подчеркивается в тексте произведения.

Запахи, как мы уже отмечали ранее, могут сочетать в границах одного описания ощущения разных модусов. В частности, обонятельный модус может тесно взаимодействовать со слуховым: из машинного отделения, вместе с теплым запахом нефти доносилось непрерывное шипение, мягкие удары работающих поршней и какие-то глубокие, правильные вздохи [5, с. 127]. Такая активизация различных аспектов восприятия позволяет автору создавать многогранные художественные образы.

Интенсивность передаваемого запаха может мотивировать состояние персонажа. Например, герой рассказа «Фиалки» Казаков хочет взять и помчаться по высокой росистой вечерней траве, изгибая голову, брыкаясь, визжа и пьянея от острых запахов полыни, повилики, ромашки и клевера [8, с. 231]. Издаваемые этими растениями запахи интенсивны и разнообразны, поэтому их смешение так воздействует на героя. Кроме того, следует отметить, что описания природы в этом рассказе позволяют актуализировать внутреннее состояние персонажа. Юноша обладает тонким ощущением всего, что в происходит в природе, у него столько же мнения о влиянии природы на человеческие души, сколько его у жеребенка, скачущего по зеленому лугу, у журавля, пляшущего и поющего на полянке среди болот страстную весеннюю песню, у годовалой лисицы, трепетно и осторожно нюхающей впервые из своей норы весенний волнующий воздух, у ручного кроткого верблюда, который вдруг становится весною страшным в своем любовном бешенстве [8, с. 231].

Поводом для актуализации обонятельной детали может являться изменение силы запаха (обычно – его усиление). При этом ощущения обонятельного модуса могут традиционно сочетаться с ощущениями модусов тактильного и зрительного: Звездчатые цветы табака запахи острее из темноты и прохлады [3, с. 139].

В некоторых случаях лексема со значением запаха может характеризовать определенное временное понятие: весна с ее колдовскими ароматами [8, с. 231]. Таким образом, запах в произведениях А. И. Куприна может не только быть связан с предметным миром, но и ассоциативно взаимодействовать с абстрактными понятиями.

Подобные запахи могут конкретизироваться, то есть обретать некую материальность: Над черными нивами вился легкий парок, наполнявший воздух запахом оттаявшей земли, – тем самым, вкрадчивым и могучим запахом весны, который даже и в городе узнаешь среди сотен других запахов [6, с. 162]. Рассказчиком запах весны воспри-

нимается достаточно конкретно – как запах оттаявшей земли.

Среди рассмотренных фрагментов описаний природы нам встретилось лишь два описания однозначно неприятных запахов: это запах болота в одноименном рассказе (он характеризуется не только по интенсивности, но и по его воздействию на воспринимающего субъекта): тяжелый запах гнилых водорослей и сырых грибов [2, с. 69] – и запах воды в реке в рассказе «Фиалки»: и пахнет она нехорошо от близости многих фабрик [8, с. 233]. В обоих случаях оценочную характеристику мотивирует источник запаха.

Проведенный анализ показал, что одоративная лексика, представленная в пейзажных зарисовках А. И. Куприна, играет важную роль в структуре художественного текста, в частности – при передаче характеристики персонажа: она говорит о его способности чувствовать и понимать окружающий мир. В рассмотренных фрагментах обонятельные ощущения почти всегда получают развернутую характеристику: лексемы этой группы вводятся в длинные ряды контекстуально однородных определений. Наиболее типичным при конкретизации обонятельного модуса является сочетание лексики, передающей ощущения этого модуса, со словами, отражающими характеристики других модусов, или включение в эти описания интермодальных ощущений (сочетание с вкусовыми, осязательными или зрительными характеристиками). Все это позволяет говорить о достаточно важной роли лексики, передающей запахи, в прозе А. И. Куприна.

Библиографический список

1. Большой психологический словарь [Текст] / Под ред. Б. Г. Мещеряковой, акад. В. П. Зинченко. – М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
2. Куприн, А. И. Болото [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. – М. : Правда, 1964. – С. 65–75.
3. Куприн, А. И. Гранатовый браслет [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 5. – М. : Правда, 1964. – С. 125–154.
4. Куприн, А. И. Ночь в лесу [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 8. – М. : Правда, 1964. – С. 168–172.
5. Куприн, А. И. Одиночество [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 2. – М. : Правда, 1964. – С. 127–133.
6. Куприн, А. И. Олеся [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 2. – М. : Правда, 1964. – С. 150–197.
7. Куприн, А. И. Пустые дачи [Текст] /

А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 3. – М. : Правда, 1964. – С. 169–170.

8. Куприн, А. И. Фиалки [Текст] / А. И. Куприн // Собрание сочинений в 9 т. Т. 6. – М. : Правда, 1964. – С. 231–234.

9. Чуковский К. И. Куприн [Текст] // Куприн. А. И. Собрание сочинений в 9 т. [Текст] / А. И. Куприн. – М. : Правда, 1964. – С. 6–29.

Bibliograficheskij spisok

1. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Текст] / Pod red. B. G. Meshherjakovoj, akad. V. P. Zinchenko. – М. : Prajm-EVROZNAK, 2003.

2. Kuprin, A. I. Boloto [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 3. – М. : Pravda, 1964. – С. 65–75.

3. Kuprin, A. I. Granatovyj braslet [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 5. – М. : Pravda, 1964. – С. 125–154.

4. Kuprin, A. I. Noch' v lesu [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 8. – М. : Pravda, 1964. – С. 168–172.

5. Kuprin, A. I. Odinochestvo [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 2. – М. : Pravda, 1964. – С. 127–133.

6. Kuprin, A. I. Olesja [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 2. – М. : Pravda, 1964. – С. 150–197.

7. Kuprin, A. I. Pustye dachi [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 3. – М. : Pravda, 1964. – С. 169–170.

8. Kuprin, A. I. Fialki [Текст] / A. I. Kuprin // Sobranie sochinenij v 9 t. Т. 6. – М. : Pravda, 1964. – С. 231–234.

9. Chukovskij K. I. Kuprin [Текст] // Куприн. А. И. Собрание сочинений в 9 т. [Текст] / А. И. Куприн. – М. : Pravda, 1964. – С. 6–29.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Т. В. Шаркова

Мотивированность как критерий выбора номинации в городе Ярославле

В статье рассматривается языковая ситуация современного города на примере эргонимов, называющих стоматологические клиники города Ярославля. Дано понятие «эргонима», выявлены принципы и типы номинации эргонимов; особое внимание уделяется принципу мотивированности названий, в связи с чем анализируются собранные языковые единицы города Ярославля.

Ключевые слова: мотивированность, эргоним, номинация, современная языковая ситуация.

T. V. Sharkova

Motivation as a criterion for nomination in the city of Yaroslavl

The article considers the state of language in a modern city giving examples of ergonyms naming dental clinics in Yaroslavl. The notion «ergonym» is explained and the principles and types of nomination are indicated. The author pays special attention to the principle of name motivation and analyses linguistic units collected in the city of Yaroslavl.

Key words: motivation, ergonym, nomination, current state of language.

Конец XX – начала XXI вв. повлек за собой появление большого количества разных названий коммерческих предприятий (магазинов, фирм, отелей, гостиниц, ресторанов, промышленных предприятий и других форм коллективной деловой деятельности), которые вызвали интерес языковедов и стали объектом научных исследований. В науке о языке существует специальный раздел, целое направление лингвистических исследований, посвященное именам, названиям, наименованиям – ономастика (греч. *onomastike* – «искусство давать имена»; *onomastikos* – «относящийся к именам»), занимающийся изучением собственных имен. Ономастикой называют и совокупность всех собственных имен. К ним относятся имена личные, отчества, фамилии, прозвища людей, клички животных, названия городов, рек, морей. В 1978 г. выходит первое издание «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, где впервые был официально заявлен термин эргоним.

Наша работа посвящена эргонимам, называющим стоматологические клиники города Ярославля. Под эргонимами мы будем понимать особый разряд наименований, представляющих собой собственные имена предприятий различного функционального профиля: делового объединения людей (научного учебного, производственного учреждения), коммерческого предприятия (агентства, банка, магазина, фирмы), объекта культуры (кинотеатра, клуба, развлекательного учреждения, театра, парка), спортивного заведе-

ния (комплекса, стадиона), представляющие собой единицы лингвистического пространства города.

Тема нашего исследования является **актуальной** на сегодняшний день, так как язык есть отражение жизни. Все изменения в жизни людей выражаются посредством языкового материала, который должен соответствовать уровню жизни. Особенно значима необходимость изучения личностного начала в номинативном процессе, так как выявляется тенденция к его усилению в современном русском языке. Новые приемы привлечения потребителей могут обеспечить успешность функционирования предприятия в коммерческой сфере: наименования предприятий являются одним из важнейших факторов воздействия на потенциальных клиентов и средством выделения предприятия из ряда подобных. В силу специфики функционирования эргонимов их изучение еще долгое время не потеряет актуальности.

Нам стали интересны принципы названия стоматологических клиник города Ярославля еще и потому, что в связи с плохой экологией и наследственными болезнями все больше людей сталкивается с заболеваниями органов ротовой полости. Существенными причинами являются еще и такие, как желание людей следить за собой, выглядеть молодо и привлекательно за счет красивой и здоровой улыбки. Это повлекло за собой появление большого количества стоматологических клиник.

В связи с тем, что название, дающееся учреждению, должно быть мотивированным, мы считаем, что в основу номинации городских объектов должен быть положен принцип *мотивированности*.

Цель нашего исследования заключается в следующем: выявить мотивацию названий стоматологических клиник г. Ярославля.

Из цели вытекают следующие **задачи**:

1. Провести лингвостилистическую экспертизу названий стоматологических клиник города Ярославля и Ярославской области.

2. Выяснить мотивацию эргонимов, называющих стоматологические клиники города Ярославля и Ярославской области.

3. Определить способ воздействия названий стоматологических клиник на человека.

Интерес к эргонимам появился в отечественном языкознании во второй половине XX в., что подтверждается работами Б. З. Букчиной и Г. А. Золотовой (1968), С. А. Копорского (1969), М. Н. Морозовой (1973, 1976), А. В. Суперанской, Н. В. Подольской и многих других исследователей.

В ходе нашего исследования были выявлены следующие **типы** номинаций стоматологических клиник:

1. Номинации с точки зрения используемого языка

Например:

– *Русскоязычные эргонимы*:

«Меридиан», «Надежда», «Нинель», «Подмосковье»;

– *Эргонимы на иностранном языке*:

«StartSmile»; «Yes»;

– *Иностранные номинации, написанные кириллицей*:

«Нью-клиник», «Смайл».

2. Номинации, представляющие собой сокращения;

Например: «Юсодент»; «МедЭксперт».

3. Эргонимы, представляющие собой имена собственные и нарицательные.

Например:

– *Имена собственные*:

«Анитель», «Надежда», «Нинель», «София», «Ярославль», «Пятерка-Н» (название района г. Ярославля);

– *Нарицательные*:

«Белая орхидея», «Классика», «Консилиум», «Константа», «Радуга здоровья», «Студия улыбки», «Эстетика».

На основе полученной классификации мы смогли выявить один из основных принципов, лежащий в основе мотивированности названий –

это привлечение клиента при помощи завоевания его доверия, внушения веры в светлое будущее и надежды на ближайшие позитивные изменения в жизни.

Для исследования было взято 35 языковых единиц.

Из них мотивированные – 16 названий, например:

– «**Стоматолог и Я**»

Данное название заинтересует клиентов, так как из названия сразу видно прямую направленность клиники на стоматологическое дело, а также вызовет доверительные чувства: обобщенные образы «стоматолог» и «я» как бы ставят врача и пациента в один ряд, что обычно вызывает у рядового потребителя положительные эмоции.

– «**Валео дент**»

Нам удалось выяснить, что данное название происходит от латинского слова «valeo», что в переводе означает «здоровье, сила». Слово «dent», как уже говорилось ранее, – зуб. Мотивация этого названия становится ясной – гарантия здоровья и крепости зубов

– «**Стоматология Агалит**»

Мы считаем, что название мотивированное, так как содержит непосредственную отсылку к стоматологическому делу. Также оно интересно с точки зрения второй своей части: агалит – это минерал, камень, использующийся в медицинских целях. Следовательно, данное название убеждает потребителя в том, что его зубы после посещения данной клиники станут крепкими, словно камень.

Немотивированные названия – 19, например:

– «**Подмосковье**», «**Пятерка-Н**», «**Ярославль**», «**Переславль – Залесский**» Данные названия можно объединить по смысловому принципу (все они указывают на место), но они не имеют мотивировки, так как нет никаких предпосылок, относящих их к стоматологии и вообще лечебному делу в целом.

– «**Yes**»

Название клиники происходит от английского слова «yes», что в переводе на русский означает «да». Мы считаем, что такое название является весьма странным для стоматологической клиники и оставит чувство недоумения у клиентов. С другой стороны, это название отражает современный стиль жизни и ориентировано на молодое поколение, но нет никакой привязанности к стоматологическому делу, из чего можно сделать вывод, что название немотивированное.

– «**Славич**»

Данное название несет в себе отсылку к древним народам Руси – славянам. Название со-

вершенно немотивированное, так как не вызывает никаких ассоциаций со стоматологическим делом. Такое название скорее подошло бы, например, ресторану с русской кухней.

– «Русский дом»

Такое название никак не связывается с медициной, в частности со стоматологией, не несет в себе каких-либо положительных ассоциаций, следовательно, будет неинтересно потребителям. Такое название скорее подойдет для гостиницы, которая обещает все гостеприимство русского крова.

Вывод: таким образом, мы видим, что принцип мотивированности названий не соблюдается, так как большинство названий стоматологических клиник не мотивированы, вызывают неприятные ассоциации и непонятны клиентам.

В то же время мотивированные названия подобраны весьма креативно, оправдывают предназначение клиники, привлекая клиента и вызывая приятные, положительные эмоции, доверие и определенные ассоциации, которые располагают клиента к обращению именно в эту клинику.

В настоящее время достаточно редко в названиях учреждений соблюдается принцип мотивированности, что приводит к отсутствию коммуникации между потенциальным клиентом и учредителем предприятия.

Таким образом, можно рекомендовать учредителям стоматологических клиник подбирать названия в соответствии с ожиданиями клиента в целях привлечения людей именно в свою клинику.

Библиографический список

1. Емельянова, А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города [Текст] / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007.

2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – М., 1988. – С. 151.

3. Романова, Т. П. Проблемы современной эргонимии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199810904.html>

4. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. – М., 1984. – С. 108.

5. Стоматологические клиники г. Ярославля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yarcom.ru/org/stomatologii-stomatologicheskie-kliniki-kabinety>

Bibliograficheskij spisok

1. Emel'janova, A. M. Jergonimy v lingvisticheskom landshafte polijetnicheskogo goroda [Tekst] / A. M. Emel'janova. – Ufa, 2007.

2. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Tekst] / N. V. Podol'skaja. – M., 1988. – S. 151.

3. Romanova, T. P. Problemy sovremennoj jergonimii [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://weblib.ssu.samara.ru/DLib/vestnik/documents/199810904.html>

4. Superanskaja, A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo [Tekst] / A. V. Superanskaja. – M., 1984. – S. 108.

5. Stomatologicheskie kliniki g. Jaroslavlja. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.yarcom.ru/org/stomatologii-stomatologicheskie-kliniki-kabinety>

Дата поступления статьи в редакцию: 03.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

А. П. Ушакова

Синтаксические фразеологизмы со словами *много, мало* в современном русском языке

В статье описана структура и семантика синтаксических фразеологизмов, опорный компонент которых включает слова *много, мало*. Рассмотрены и проанализированы продуктивные в современном русском языке схемы «*мало + Pron + V*», «*много + Pron + V*», их значение и функционирование в текстах художественной литературы и средств массовой информации.

Ключевые слова: синтаксический фразеологизм, схема, структура, опорный компонент, переменный компонент, лексическая варьированность, десемантизация, оценка.

А. Р. Ushakova

Syntactical idioms with the words «много», «мало» in the modern Russian language

The article deals with the problem of describing the models of syntactical idioms with the words «много, мало». The author gives the detailed analysis of semantics and structures of the syntactical idioms, which are productive in the modern Russian language.

Key words: syntactical idioms, constant and variable components, evaluation, desemantization.

«Разговорный синтаксис характеризуется своими специфическими синтаксическими моделями, коренным образом отличающимися от общелитературных и письменно-литературных синтаксических моделей» [2, с. 271]. В текстах художественной литературы и средств массовой информации продуктивны конструкции, характерные для разговорной речи, – синтаксические фразеологизмы.

Широкое распространение данных построений обусловлено передачей в таких текстах речи героев и интервьюируемых (печатные СМИ), поэтому синтаксические фразеологизмы употребляются в диалогах (чаще – в ответных репликах).

Синтаксические фразеологизмы, имеющие в своем составе слова *много* и *мало*, строятся по моделям: «*много + Pron + V*», «*мало + Pron + V*». В «Русской грамматике» данные конструкции характеризуются как построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений [РГ, §2194]. Экспрессивное значение в них реализуется за счет изменения нейтрального порядка слов. В начало таких конструкций вынесено наречие, значение которого десемантизируется.

В синтаксических фразеологизмах, построенных по модели «*много + Pron + V*», постоянные компоненты представлены наречием *много* и местоимением. Лексически варьированный перемен-

ный компонент выражен глаголом. Наречие *много* («в большом количестве, в значительной степени; не мало») [1] десемантизируется. Высказывание содержит оценку говорящим предмета речи как абсолютно не удовлетворяющего какому-либо признаку в сочетании с безразличием, равнодушием и т. п. Ср.: *Много ты знаешь, кто чего может придумать или не может* (А. Маринина); *И потом, ты не медийное лицо. – Много ты понимаешь. Медийное-шмедийное...* (М. Трауб); – *Много ты сама можешь! Говорит, я ее не пускаю* (КП, 2013).

Наиболее продуктивны синтаксические фразеологизмы данной модели, в которых в качестве переменного компонента выступают глаголы мышления: *знаешь, понимаешь, думаешь* и др. Ср.: *Я оборвал: – Много ты знаешь. Даже я тогда не жил* (С. Шаргунов); – *Борис ведь не курил, – заметила Наташа. – Много ты знаешь! Значит, закурил* (В. Сеницына); – *Значит, вправду ремонт... – Много ты понимаешь! Ящики заносили, видал?* (Г. Башкуев); – *Много ты понимаешь! Я его обожаю!* (Т. Соломатина).

Формально реализуется ложная положительная оценка предмета речи. Однако адресат речи оценивается говорящим как обладатель самой низкой степени признака – «абсолютно ничего не знающий, не думающий, не понимающий». При этом оценка содержится в постоянном компоненте –

наречии, которое формально является показателем проявления высшей степени какого-либо признака. «Чаще всего это не насмешка, а просто фамильярное «отрицание» или грубое возражение» [7, с. 320].

Структура синтаксического фразеологизма со значением отрицания допускает наличие дополнения после переменного компонента или между компонентами, что невозможно при ином порядке слов. Ср.: *Много ты о банке думал, когда Белковскому денежки подписывал* (С. Данилюк) (в значении ‘не думал’) – *Ты много думал о банке* <...> (отрицательное значение невозможно);

Вы слабых не любите. – *Много ты в любви понимаешь!* – сказала Анька (А. Житков) (‘не понимаешь’) – *Ты много понимаешь в любви.*

Таким образом, значение иронического неодобрения в синтаксическом фразеологизме реализуется не только за счет десемантизации опорного компонента, контекста, но и за счет инверсии.

Синтаксические фразеологизмы, построенные по схеме «*мало* + *Проп* + *V*», включают постоянные компоненты – наречие *мало* в сочетании с падежной формой местоимения и переменный компонент – спрягаемый глагол. «Живые синтаксические связи внутри первой части конструкции ослаблены» [6]. Наречие *мало* – ‘в небольшом количестве, в небольшой степени; немного’ [1] подвергается десемантизации.

Синтаксический фразеологизм выражает оценку предмета речи как несущественного, не заслуживающего доверия, внимания в сочетании с безразличием, равнодушием и т. п. [4, с. 164]: *За 35 лет работы в разведке я не помню случая, чтобы разведка сказала: мы этого сделать не можем. Мало ли что мы добывали? Например, отыскивали образцы картофеля, который колорадские жуки не едят* (КП, 2014); – *Мало ли что можно найти в Интернете...* – *Это не фейки, не слухи* (РБК Дейли, 2014); *Протестующие открыто говорят Яценюку, Тягнибоку и Кличко: мало ли, о чем вы там договорились, мы помещения освобождают не будем* (Известия, 2014). Порядок следования компонентов неизменен. Как показывает проанализированный языковой материал, в структуру синтаксического фразеологизма включается частица *ли*. Предложения приобретают значение ‘отношения к сказанному как к несущественному, такому, что можно не принимать во внимание, что не заслуживает серьезного отношения, о нем не стоит говорить’ [6, с. 339].

В рассматриваемой модели наречие *мало* в сочетании с местоимением может употребляться в противоположном значении – ‘много’: *Мало я на них нервов и сил потратила, так теперь они хотят еще и дом у меня отобрать* (КП, 2012).

Имеет место не частичная, а полная фразеологизация, когда *что* утрачивает свое местоименное значение и поэтому не имеет мотивированных связей со следующим далее словом [6, с. 277]: *Мало ли что болен.*

Синтаксический фразеологизм может иметь вид парцеллированной конструкции, при этом вариативный компонент исключается, отрицательное значение сохраняется: *Я даже не буду тут спрашивать, на какой такой концерт на нынешней Украине могли ехать люди из Москвы. Мало ли* (Известия, 2014).

В рассмотренных синтаксических фразеологизмах заключена субъективно-модальная оценка говорящим сообщаемой информации или ситуации в целом. Наречия *много* и *мало*, десемантизируясь, придают высказыванию значение степени проявления признака. Однако это значение антонимично изначальному и представлено имплицитно.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998.
2. Лаптева, О. А. Нерешенные задачи изучения структуры современного русского литературного языка и устной литературной речи в его составе [Текст] // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – С. 271.
3. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения [Текст] : уч. пособ. / В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д. : Изд-во РГПУ, 2004. – 288 с.
4. Меликян, В. Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология [Текст] : уч. пособ. / В. Ю. Меликян. – М. : Флинта, 2014. – С. 232.
5. Русская грамматика [Текст]. – В 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 1980.
6. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н. Ю. Шведова // РАН Институт русского языка. – М. : Азбуковник, 2003. – 378 с.
7. Шмелев, Д. Н. Избранные труды по русскому языку [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 887 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] / gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb. : Norint, 1998.
2. Lapteva, O. A. Nereshennye zadachi izucheni-ja struktury sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka i ustnoj literaturnoj rechi v ego sostave [Tekst] // Problemy rechevoj kommunikacii. – Saratov, 2003. – S. 271.
3. Melikjan, V. Ju. Sovremennij russkij jazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozhenija [Tekst] : uch. posob. / V. Ju. Melikjan. – Rostov n/D. : Izd-vo RGPU, 2004. – 288 s.
4. Melikjan, V. Ju. Sovremennij russkij jazyk. Sintaksicheskaja frazeologija [Tekst]: uch. posob. / V. Ju. Melikjan. – M. : Flinta, 2014. – S. 232.
5. Russkaja grammatika [Tekst]. – V 2 t. T. 2. Sintaksis / gl. red. N. Ju. Shvedova. – M., 1980.
6. Shvedova, N. Ju. Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi [Tekst] / N. Ju. Shvedova // RAN Institut russkogo jazyka. – M. : Azbukovnik, 2003. – 378 s.
7. Shmelev, D. N. Izbrannye trudy po russkomu jazyku [Tekst] / D. N. Shmelev. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. – 887 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 801

В. И. Жельвис, С. С. Метелкина

Сложный поэтический текст как объект лингвокультурологического анализа

Анализируется характерное для известного валлийского поэта Д. Томаса (1914–1953) стихотворение *A Process in the Weather of the Heart*, сложное по синтаксису, наполненное необычными словосочетаниями и многозначной ассоциативной лексикой. Общий смысл стихотворения типичен для всей поэзии Томаса, это утверждение неразрывной связи жизни и смерти, существование вечного естественного цикла, в котором все живое обречено на гибель, за которой следует новое рождение. В ходе анализа авторы опирались на три перевода исследуемого текста на русский язык. Статья написана на материале курсовой работы студентки 4 курса ЯГПУ им. Ушинского С. Метелкиной.

Ключевые слова: художественный текст, поэтический текст, интерпретативный перевод.

THEORY OF LANGUAGE

V. I. Zhelvis, S. S. Metelkina

Sophisticated poetical text as an object of lingvocultural analysis

An analysis is offered of the poem *A Process in the Weather of the Heart* by the prominent Welsh poet D. Thomas (1914–1953). Typically for Thomas, the verse is characterized by «dark» syntactical structure, rare word combinations, as well as multivalued vocabulary. The poet proclaims an eternal and indivisible unity of life and death, an existence of the natural cycle in accordance with which all that is alive is doomed to death which, however, in its turn, gives rise to a new birth. In the course of the analysis the authors repeatedly referred to the three translations of the text into Russian. The article is based on the research done by S. Metelkina, a fourth year student of Ushinski Pedagogical University in Yaroslavl.

Key words: literary text, poetic text, interpretational translation.

Дилан Томас – английский поэт, прозаик и драматург. Он родился 27 октября 1914 года в приморском городе Суонси в Уэльсе. Томас был сыном учителя литературы и с ранних лет проявлял интерес к словесному творчеству. Писать стихи он начал в возрасте одиннадцати лет и до самой смерти (9 ноября 1953 года) оставался верным своему призванию.

Еще при его жизни было создано «Общество Дилана Томаса» («Dylan Thomas' Society»), участники которого пытались расшифровать истинный смысл произведений поэта, в большинстве случаев скрытый за намеренной усложненностью образов и языка, за неожиданными аллегориями и ассоциациями, за экспериментами с фонетикой и синтаксисом.

Творчество Дилана Томаса никогда не оценивалось однозначно и вызывало у современников

крайне противоречивые отклики. Одни исследователи называли его родоначальником «романтического возрождения» в английской поэзии XX века, другие же были неспособны абстрагироваться от скандального образа жизни Томаса и считали, что все его «своеобразие» – не более, чем просто эпатаж, лишенный того глубинного смысла, в наличии которого были убеждены участники «Общества Дилана Томаса».

Уильям Мойнихэн, один из крупнейших исследователей творчества Дилана Томаса, возражает его критикам так: «Проблема не в том, что в его [Томаса] поэзии не хватает смысла, а в том, что в ней множество возможных смыслов» [13, p. 4].

Сам Дилан Томас определял свою цель (как в поэзии, так и в жизни) следующим образом: доказать самому себе, что его плоть – та же плоть, что покрывает солнце, его кровь – та же, что течет в дереве. Такая постановка цели объясняет обилие в

стихах Томаса развернутых метафор, полностью основанных на лексике, связанной со стихией, с живой природой в ее разнообразных проявлениях. Обнаружить, что именно скрывается под этими метафорами, легче через постепенную «расшифровку» отдельных словосочетаний, смысловых отрезков, чем через попытку интерпретировать текст стихотворения в целом.

Одним из ярких примеров стихотворений такого типа является стихотворение «Процесс в погоде сердца» («A process in the weather of the heart»), которое и является объектом данного исследования.

Приведем полный текст произведения:

- ¹A process in the weather of the heart
- ²Turns damp to dry; the golden shot
- ³Storms in the freezing tomb
- ⁴A weather in the quarter of the veins
- ⁵Turns night to day; blood in their suns
- ⁶Lights up the living worm.
- ⁷A process in the eye forwarns
- ⁸The bones of blindness; and the womb
- ⁹Drives in a death as life leaks out.
- ¹⁰A darkness in the weather of the eye
- ¹¹Is half its light; the fathomed sea
- ¹²Breaks on unangled land.
- ¹³The seed that makes a forest of the loin
- ¹⁴Forks half its fruit; and half drops down,
- ¹⁵Slow in a sleeping wind.
- ¹⁶A weather in the flesh and bone
- ¹⁷Is damp and dry; the quick and dead
- ¹⁸Move like two ghosts before the eye.
- ¹⁹A process in the weather of the world
- ²⁰Turns ghost to ghost, each mothered child
- ²¹Sits in their double shade.
- ²²A process blows the moon into the sun,
- ²³Pulls down the shabby curtains of the skin;
- ²⁴And the heart gives up its dead.

Рассмотрим возможные варианты перевода данного текста по смысловым отрезкам. Первый смысловой отрезок буквально можно перевести следующим образом: «Процесс в погоде сердца / Превращает влажность в сухость...» Другими словами, жизненная влага постепенно высыхает.

Перевод следующего смыслового отрезка – «the golden shot storms in the freezing tomb» – осуществить уже гораздо сложнее. Что в данном случае автор имеет в виду? Переводчик Аркадий Штыпель считает, что данные строки можно перевести как «золотой кистень крушит могильный лед». Тем самым, отходя от лексической точности перевода, он передает резкость и неумолимость явления, подразумеваем

мого Томасом. Василий Бетаки также старается сохранить эти черты при переводе, но другим способом – объединением двух смысловых отрезков в единое целое и использованием наречия «разом», опуская при этом перевод таких сочетаний, как «the golden shot» и «the freezing tomb». В его версии строки звучат следующим образом: «Процесс раскручивания непогоды / В глубинах сердца так суров: / Всю влажность иссушает разом...» Однако наиболее удачным является перевод Владимира Британишского: «...луч света / Вторгается в утробный мрак». Он сохраняет ассоциативные параллели с оригиналом и оригинальное синтаксическое членение и в то же время достаточно точен лексически.

Перевод следующего смыслового отрезка A weather in the quarter of the veins / Turns night to day не вызывает серьезных затруднений: «Погода в пространстве вен / Превращает ночь в день».

Сложность представляют 5 и 6 строки: blood in their suns / Lights up the living worm.

Обратимся вновь к трем вариантам переводов. В версии Аркадия Штыпеля мы видим следующее: «...их солнц огнем / И червь живой согрет», у Василия Бетаки: «...и червяков / Сожгут бесчисленные солнца крови», у Владимира Британишского: «...и солнцем алым вновь светится живущий прах». Как видим, перевод Бетаки менее близок к смыслу исходного текста в связи с приданием глаголу «lights up» (зажигать, разжигать, оживляться, загораться) излишне драматичной окраски. Сочетание «the living worm» трактовать можно двояко, что обнаруживается и на примере рассматриваемых переводов. Аркадий Штыпель придает этому сочетанию значение «все живое, до последней букашки», а Владимир Британишский, чьей точки зрения мы в данном случае придерживаемся, подчеркивает сниженное обозначение живущей плоти. Использованное им слово «прах» также помогает отразить заданное Томасом уже в первой строфе противоборство двух линий: жизнь, тепло, свет – смерть, холод, тьма.

Отдельного внимания заслуживает неопределенный артикль в a weather (4). В данном случае его постановка противоречит всем правилам английского языка. Возможно, использование неопределенного артикля указывает на то, что автор говорит не о погоде как общем для всех явлении, а о таком состоянии («внутренней погоды», действие которого на себе суждено испытать каждому отдельному живому существу, каждому – в свой срок, вне зависимости от того, какая погода царит

в «общем» мире. Само слово *weather* в этом стихотворении многозначно. Тезаурус Роже ассоциирует его с *climate*, *clime* (район с определенным климатом) и *spell* (чары, колдовство). То есть у Томаса перед нами не просто «погода» в общепринятом смысле, а, скорее, некое таинственное состояние живого организма, его живая энергия.

В следующем смысловом отрезке (7–8) трудным для перевода является сочетание “the bones of blindness”. Штыпель переводит отрывок с этим сочетанием следующим образом: «Процесс в глазу оберегает ум / От слепоты...» У Бетаки видим следующее: «Процесс, в глазу начавшийся, пророчит / Окостененье, слепоту...», у Британишского – «Процесс в глубинах глаза приближает / Срок слепоты...». По нашему мнению, удачными являются два последних перевода, так как они передают оттенок неизбежности, предопределенности перехода к новому состоянию (слепоте), тогда как у Штыпеля мы видим обратное, и загадочный «процесс» в его переводе получает явно положительную коннотацию. Стоит также отметить попытку Василия Бетаки сохранить при переводе семантику компонента «bones» – для этого он использует слово «окостененье».

Следующие строки (8–9) буквально можно перевести так: «И чрево, / Источая жизнь, движется к смерти». В художественном переводе тот же самый смысл передает Аркадий Штыпель («...дав жизни ход, / Нисходит лоно в тлен»). У двух других переводчиков мы видим несколько иное понимание данного смыслового отрезка. У Бетаки: «Из лона / Исходит смерть, по мере истеканья / Оттуда жизни...» У Британишского: «...рождающее чрево / Жизнь источает и вгоняет в смерть». Их переводы подчеркивают, что «рождающее чрево» является источником и жизни, и смерти одновременно. Штыпель же делает акцент на том, что «лоно», подарив миру новую жизнь, само ее лишается. Можно считать, что обе точки зрения имеют равные права на существование. Перевод Штыпеля в данном случае наиболее близок к оригинальному тексту при сохранении смысла, однако взгляд, выраженный двумя другими переводчиками, является более масштабным («лоно» – источник жизни и смерти: как неизбежной смерти нового рожденного существа, так и, возможно, своей собственной).

Буквальный перевод смыслового отрезка в строках 10–11: «Темнота в погоде глаза – наполовину его свет». Раскрыть этот смысл в художественном переводе удастся Бетаки («Тьма в погоде глаз – неотделима / От света их») и Брита-

нишскому («Тьма, что порой мрачит погоду глаза, / Присуща свету глаз»).

Далее следует обратить внимание на сочетания «the fathomed sea» (11) и «unangled land» (12). Прилагательное «unangled» будет подробнее рассмотрено ниже, а пока обратимся к тому, как представлены указанные сочетания в художественных переводах. Аркадий Штыпель прилагательное «fathomed» опускает, а «unangled» переводит фактически поморфемно («...бьет море наобум / В безуглый материк»). Почему материк «безуглый», остается неясным. Василий Бетаки дает характеристику не самому морю, а его действию («монотонно»), а сочетание “unangled land” переводит как «сухие скалы». Использованию наречия «монотонно» можно найти объяснение: одно из значений слова *fathomed* – «измеренный» (наряду со значениями «понятый, осознанный»), и, вероятно, переводчик пытался передать оттенок некой размеренности, постоянства, известности. Включение же в перевод прилагательного «сухие», на наш взгляд, объяснимой мотивировки не имеет. Возможно, однако, что с его помощью Бетаки пытался подчеркнуть противопоставление моря и суши. Пока остановимся на трактовке этого отрезка как противопоставлении измеренного (*fathomed*) моря и бесформенной (*untangled*) суши.

Достаточно непростыми для понимания являются строки 13–14. *The seed that makes a forest of the loin / Forks half its fruit; and half drops down, / Slow in the sleeping wind* Дословно: «Семя, которое превращает лоно в целый лес, наполовину прирастает (*forks*) плодами, а половина (бесцельно) медленно сыплется на землю, (колеблемая) медленным ветром». Наиболее удачными представляются переводы Штыпеля и Британишского. Штыпелю удастся подчеркнуть идею «половинчатости» («Лишь половина вызревших семян / Ложится в грунт»), Британишский не обходит вниманием компоненты «forest», «loin» и «fruit» из оригинального текста («Семя, что лесом засаживает чресла, / Даст плод...»). Сохраняются эти компоненты и в переводе Бетаки («И семя, из которого растет / Лес лона...»), однако далее его смысл расходится со смыслом оригинала: «...по вине безветрий сонных / Иссохло и пропало». Согласно такой интерпретации, погибают все семена, плода не дает ни одно, тогда как в оригинале у Томаса сделан явный акцент на «половинчатости» («*forks half its fruit*»).

Наблюдаются также расхождения в переводе строк 16–17. Буквальный их смысл таков: «Погода в плоти и костях – / Влажная и сухая». Наиболее

близок к оригиналу перевод Владимира Британишского: «Погода в мышцах и костях бывает / Сухой и влажной». Василий Бетаки здесь, как и на протяжении всего перевода, использует слово «непогода», что придает тому самому состоянию погоды, которое описывает Томас, отрицательную коннотацию, тогда как в оригинале никаких явных указаний на нее нет. Версия Аркадия Штыпеля звучит следующим образом: «Есть кость и плоть; одной погода – стынь, / А жар – другой». Такая интерпретация больше передает противопоставление двух категорий («стынь» и «жар»), чем противоречивость самой «погоды», объединяющей их в себе изначально – а Томас делает акцент именно на этом.

Следующий смысловой отрезок (17–18) можно перевести так: «...живые и мертвые / Мелькают перед глазами, как два призрака». В художественных переводах снова наблюдаются разночтения. Версия Аркадия Штыпеля в данном случае не соответствует оригиналу ни по лексическим средствам, ни по общему смыслу, ни стилистически («и живчик и мертвяк – / Лишь призраки, смущающие ум»). В тексте Василия Бетаки данный смысловой отрезок неразрывно связан с предыдущим: «непогода», о которой в нем идет речь, «Невольно будит мысль о мертвецах, / О призраках, что мечутся, мелькая / Перед глазами». Рассматриваемый нами отрезок в целом переведен с достаточной точностью, однако Бетаки упускает компонент “the quick”, не уделяя внимание противоречивости и антонимичности, проходящей через весь оригинальный текст. Вариант Британишского мы вновь считаем наиболее удачным («мир перед глазами / Движет два призрака: живых и мертвых»), однако в данном случае и он несколько расходится с оригиналом: получается, что «призраки» не просто сами «мелькают перед глазами», а и «движут» весь остальной мир, предстающий перед взором.

Буквальный смысл строк 19–21 таков: «Процесс в погоде мира / Превращает призрака в призрака; каждое дитя, матерью рожденное, / Находится под их двойной тенью». Различными средствами это содержание передано во всех рассматриваемых нами переводах.

Более трудной для перевода является строка 22, а именно употребленный в ней глагол «blows». Его основное значение («дуть») сохранено в текстах Штыпеля и Бетаки, однако при переводе этой строки в целом в них допущены некоторые недочеты другого плана. У Аркадия Штыпеля мы видим немотивированное оригинальным текстом

сочетание «сонмы солнц» («Процесс вздувает сонмы солнц из лун»). Василий Бетаки вновь называет «процесс» «непогодой» («Луну вдувает в солнце непогода»). Владимир Британишский использует глагол с совершенно иной семантикой, но при этом подчеркивает идею преемственности, цикличности, которой, возможно, и управляет «процесс» («Процесс луну пересветляет в солнце»). Наиболее правдоподобной трактовкой можно считать очередной пример перехода «плюса» в «минус» и обратно: в результате некоего процесса холодная луна превращается в жаркое солнце.

Все три последние строки стихотворения, таким образом, объединены одной мыслью: (22) некий процесс превращает холод смерти в жар жизни, (23) сдергивает с тела ветхую кожу, (24) и сердце (= жизнь) отдает своих мертвецов.

Сложности при переводе также может вызвать сочетание «the shabby curtains of the skin» (23). Здесь как и в большинстве рассмотренных выше случаев, наиболее успешно их разрешает Владимир Британишский («Как платье, плоть сползает с кости старца»). Несмотря на отсутствие лексической точности при переводе («curtains» у него соотносится с «платьем», а «skin» – с «плотью»), ему удастся с достаточной художественностью сохранить точность смысловую. (В оригинале Томас говорит о смерти как об одной из точек на витке цикличности, которую «вращает» «процесс»). Однако в данном случае оригинальный смысл так или иначе отражен и в двух других переводах. Стоит также отметить попытку Василия Бетаки сохранить семантику конкретных слов из текста Томаса («the shabby curtains of the skin» – «шторы-поры»), что в принципе нехарактерно для его перевода.

Ознакомившись с несколькими вариантами перевода художественного текста, можно видеть, что их может быть недостаточно для полного понимания отраженного в оригинале мировосприятия. Переводчикам необходимо помнить о ритме, (а там, где она есть в подлиннике) и о рифме, что является одной из причин, по которым им часто приходится жертвовать лексической точностью при передаче смысла тех или иных сочетаний слов. Такие «жертвы» оправданны при сохранении основных тематических линий оригинального текста, проявляющихся в нем синонимических и антонимических рядов, повторяющихся значений – именно они чаще всего помогают раскрыть подтекст произведения и выйти на новый уровень его понимания.

Увидеть эту паутину внутренних связей в тексте можно, обратившись к его лексическому анализу с помощью Тезауруса Роже. Данная методика декодирования стихотворения основана на предположении, что «семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются повторяющиеся в данном тексте значения, а в плане обозначающего особенно важны редкие слова и слова, выступающие в необычных сочетаниях» [1, с. 95].

При поиске лексических связей между словами мы будем пользоваться тезаурусом, под лексическими связями понимая наличие отношений синонимии или антонимии, возможные употребления слова в переносном значении, отражение родовидовых отношений, общность эмоциональной окраски.

Начнем анализ стихотворения с повторяющихся значений, чтобы выявить его основные тематические линии.

Рассмотрим знаменательные слова из первой строчки стихотворения. Отметим сразу, что слово «process» в данном тексте не включено в какие-либо синонимические или антонимические ряды и соотносится по большей части лишь с глаголами, обозначающими действия этого «процесса»: «turns», «forwarns», «blows», «pulls down». Все эти глаголы (кроме «forwarns») обозначают смену состояния или положения того или иного предмета (глагол «blows» в данном тексте получает такую семантику благодаря употреблению с предлогом into). Что касается выпадающего из этого ряда глагола «forwarns», то он помогает охарактеризовать «процесс» как нечто предопределенное и предопределяющее, устанавливающее определенный порядок в мире и в то же время действующее в соответствии с собственной неизменной линией.

Слово «process» повторяется в тексте четырежды, с него же стихотворение и начинается. Мы будем считать его тематическим словом, так как, возможно, одной из самых главных целей Томаса при создании данного стихотворения является раскрытие сущности этого загадочного «процесса». Оно осуществляется с помощью приемов противопоставления, введения определенных семантических групп слов, которые будут рассмотрены далее.

Обратимся теперь к слову «weather». Отметим, что оно является единственным существительным в тексте, наиболее тесно связанным со словом «process». Такой вывод мы можем сделать, видя употребление данных существительных в схожих синтаксических конструкциях: «A process in the

weather of the heart / Turns damp to dry» (1–2) – «A weather in the flesh and bone / Is damp and dry» (16–17), «A process in the eye» (7) – «the weather of the eye» (10). В определенных случаях «погода», вероятно, является одним из проявлений «процесса», о чем говорит использование слова «weather», как и слова «process», с глаголом «turns» («A weather in the quarter of the veins / Turns night to day»). Таким пониманием «погоды» может быть объяснено и употребление в некоторых случаях неопределенного артикля «a» перед этим существительным. Возможно, Томас таким образом хочет показать, что речь идет об одном из состояний «погоды» – о том, которое так или иначе подчинено «процессу» и помогает ему выполнить свою роль в жизни каждого отдельного живого существа.

Далее обратим внимание на то, что слово «weather» вводит одну из основных тематических линий произведения, а именно обозначения разнообразных погодных явлений. Мы видим реализацию этой линии в тексте в следующих словах: «freezing», «suns» (в данном, случае, вероятно, употребленное в значении «солнечные лучи») и «wind».

Обратимся к следующему знаменательному слову первой строки – слову «heart». Оно вводит тематическую линию анатомии, обозначений тех или иных органов или тканей тела, пока еще принадлежащего миру живых, всего живого. Словами, подтверждающими наличие данной линии в стихотворении, являются (помимо слова «heart»): «veins», «blood», «eye», «womb», «loin», «flesh and bone», «skin». Действие неотвратимого «процесса» испытывает на себе каждая из этих частичек живого, на каждую из них определенным образом он оказывает свое влияние и ставит свою печать. Эта идея выражена в стихотворении с помощью глаголов, обозначающих те действия «процесса» или «погоды», «площадкой» для которых является та или иная часть живого – «turns», «forwarns», «pulls down», – или же с помощью существительных и прилагательных, характеризующих «обстановку»: «A darkness in the weather of the eye / Is half its light» (10–11), «A weather in the flesh and bone / Is damp and dry» (16–17). Однако есть и строки, где говорится о действиях, которые выполняет само «живое»: «...blood in their suns / Lights up the living worm» (5–6), «...the womb / Drives in a death as life leaks out» (8–9). Тем не менее, и в этих самостоятельных действиях так или иначе можно отметить оттенок предопределенности, включенности в ту или иную стадию цикличности мирового процесса.

Важными в данном тексте, несомненно, являются также наименования предметов различных элементов живой природы, не относящихся к телу человека: «the living worm», «seed», «forest», «fruit». Все они, так же, как и человек, не остаются в стороне от влияния «процесса» и его законов: благодаря этим законам каждое существо, до последней букашки, бывает согрето теплом и светом новой жизни («blood in their suns / Lights up the living worm»); в связи с этими же законами плод дает лишь половина лежащих в лоно земли семян, а другую половину ветер уносит в сон и небытие (строки 13–15). Практически вся поэзия Томаса строится на образах природы и человеческого тела – именно того, в чем воплощаются идеи рождения, роста, смерти и вновь рождения» [7, с. 165]. Жизненные силы в человеке и в окружающей его природе, по Томасу, происходят из одного начала, имеют один и тот же источник, поэтому и подчиняются одному и тому же процессу.

Но не следует сбрасывать со счетов и неживую природу: существование процесса и его закономерностей отражено и в ней. Это проявляется в смене состояний погоды, в сосуществовании таких «противостоящих» друг другу стихий, как земля и вода: «the fathomed sea» – «unangled land». В данном случае словосочетания «неживая природа» и вовсе следует избегать: мы видим, как неразрывно связаны существа, непосредственно включенные в цикл рождений и смертей (и человек, и все животные до самых жалких с виду, и растения). Все явления, которые окружают их в процессе прохождения этого цикла так или иначе на них влияют. Солнце с началом нового дня согревает всех своими лучами, ветер разносит над землей семена: и те, которым суждено дать плод, и те, которые затеряются в сонных воздушных потоках. «Неживое» постоянно взаимодействует с «живым», и это взаимодействие настолько тесно, что разделить их на две полярные категории уже невозможно.

Прейдем теперь к анализу редких слов и необычных сочетаний. Однако вначале необходимо отметить проходящие через все стихотворение противопоставленные друг другу линии. Это противопоставление проявляется в следующих парах антонимов: «damp – dry», «night – day», «death – life», «darkness – light». Введение первых двух пар в текст реализуется в конструкции «turns... to...» (2, 5): таким образом, в начале текста данные пары слов выражают понятия, обозначающие состояния и промежутки времени, которые сменяют друг друга, так как не могут в определенной точке

мира существовать или, по крайней мере, проявляться одновременно. Пара «death – life» представлена в смысловом отрезке, который сообщает о событиях, где одно из них незамедлительно влечет за собой другое, то есть, как и в случае с предыдущими парами, одна величина уступает место другой, противоположной – «...and the womb / Drives in a death as life leaks out» (8–9). Пару «darkness – light» мы видим в предложении с идеей противоречивости, «половинчатости»: «A darkness in the weather of the eye / Is half its light» (10–11).

В заключительной части стихотворения антонимы в парах связаны соединительным союзом «and» («damp and dry», «the quick and dead» – строка 17), и используются они уже не для противопоставления двух величин: Томас говорит о том, что существуют явления, объединяющие эти величины в себе, неоднозначные и двунаправленные по своей природе.

Главенствующей в контексте данного стихотворения, самой масштабной по значению является пара «death – life». Через все стихотворение проходит одна из самых характерных для поэзии Томаса тем: тема жизни и смерти, круговорота рождений и смертей, который представлен как воплощение справедливой силы природы, уравнивающей противоборствующие начала в нашем мире. Протянувшиеся через весь текст две смысловые линии антонимов и помогают представить эти начала: их последовательную смену, их способность ужиться в одной конкретной частичке мира и, наконец, их неотделимость друг от друга. Линию, во главе которой стоит слово «death», составляют следующие лексические единицы: «dry», «night», «darkness», а также не рассмотренные нами ранее «blindness» (8) и «moon» (22).

Проанализировав с помощью тезауруса Роже ассоциативные поля данных слов, обнаруживаем прочные связи между ними, например: «darkness: night, midnight, dead of night, blind man's holiday», «dry: dry as bone» (при противопоставлении с «damp» можно понимать как «лишенный всех жизненных соков»).

Вторая линия (во главе со словом «life») представлена следующими компонентами: «damp», «day», «light», а также не указанными ранее «blood» (5) и «sun» (22). Между ними мы также обнаруживаем множество ассоциативных связей, например: «light: light of day, sunlight, daylight, vivid», «life: vital flame, lifeblood, see the light, quick, lively». «Day» и «sun» и, следовательно, «night» и «moon» в данном стихотворении являются контекстуальными синонимами, о чем говорит их упо-

требление в схожих синтаксических конструкциях с одинаковым значением – смена одного состояния другим (тьмы, смерти – светом, жизнью): ср. «...turns night to day» (5) и «...blows the moon into the sun» (22).

Перейдем к анализу необычных сочетаний слов. В данном стихотворении таковыми являются: «the golden shot» (2), «the freezing tomb» (3), «blood in their suns» (5), «the bones of blindness» (7), «the fathomed sea» (11), «unangled land» (12), «...blows the moon into the sun» (22) и «the shabby curtains of the skin» (23). Первые два сочетания также можно считать своеобразной антонимичной парой, где «the freezing tomb» выражает семантику неподвижности, окаменения, холода, небытия, а «the golden shot» – ослепительной яркости, стремительности, чего-то невероятно согревающего или даже жгучего, способного разрушить «могильный холод» и помочь зародиться новой жизни.

Явная противопоставленность наблюдается и между сочетаниями «the fathomed sea» и «unangled land». Слово «unangled» является неологизмом Томаса. В то же время глагол «fathom» имеет следующие значения: 1) измерять глубину (воды); делать промер лотом; 2) вникать, понимать. При рассмотрении поэтического текста более чем обоснованно говорить о совмещении нескольких значений слова в конкретном варианте его употребления, поэтому в данном случае возможен перевод «fathomed» как «измеренное (= понятное, познанное, изученное)». Если учесть значение *angle* как «угол» в смысле «угол зрения», то «unangled»: можно понять как «непознанный, неизученный» (настолько, что никаких «углов зрения» составить невозможно). Следовательно, в строках 10–12 речь может идти о постоянном сосуществовании, контакте и связанности между собой явлений с абсолютно разными характеристиками.

В сочетаниях «blood in their suns» (5) и «the bones of blindness» (7) Томас, используя в них слова с семантикой «материи» («blood» и «bones»), еще раз подчеркивает неразрывность с этой материей всех явлений и импульсов, которые существо может испытать, проходя свой путь от рождения к смерти.

В сочетании «...blows the moon into the sun» (22) обращают на себя внимание контекстуальные значения существительных в их сочетании с глаголом *blow*. Здесь можно усмотреть ассоциативную связь с сочетанием *death* и существительным *blow* (то есть *death blow*). Одновременно нельзя упустить из вида прочную ассоциативную связь

глагола *blow* с существительным «wind», которое мы находим уже в поле компонента «life». Таким образом, использование Томасом глагола «blows» объясняется его связью с обоими компонентами центральной пары антонимов в данном стихотворении, а также пересечением с тематической группой погодных явлений, слова из которой в данном тексте являются неперенными помощниками в выражении мироощущения Томаса.

Что касается последнего из упомянутых выше нетипичных сочетаний – «the shabby curtains of the skin» (23) – то в нем можно усмотреть перекличку с другими парами антонимов, проходящими через все стихотворение: «night – day» и «darkness – light». Эта перекличка происходит за счет использования существительного «curtains». На ночь мы опускаем занавески, чтобы оградить себя от света, который может проникнуть в комнату и нарушить темноту и сон. В тексте Томаса в вечный сон погружается «износившееся» тело, и в то же самое время где-то зарождается новый день и готово взойти новое солнце (строка 22).

Ранее была упомянута цикличность «процесса». Обратим внимание на то, что она также передана на лексическом уровне в композиции стихотворения: «the heart» (1) – «the eye» (7) – «the flesh and bone» (16) – и вновь «the heart». Стоит отметить и тот факт, что подавляющее большинство рассмотренных нами лексических компонентов – то есть компонентов, составляющих основные тематические и смысловые линии стихотворения – в тезаурусе Роже включено в группу «Words relating to matter». Это еще раз подтверждает, что материя как таковая ничуть не менее важна для Томаса, чем все эмоциональные, чувственные и мыслительные импульсы, испытываемые живущими частицами этой материи. «Его [Томаса] любовь к жизни – это любовь к полной физической жизни... Он постоянно напоминает нам, что скоро мы вновь станем частью материи, из которой так недавно возникли...» [Moynihan p. 163].

Подведем итоги. Основные идеи, высказанные Томасом в данном стихотворении, заключаются в том, что и жизнь, и предопределенная смерть существуют вместе с человеком всегда, от самого его зачатия – «the double shade» (21) of «two ghosts» (18); человек не может видеть свет вечно, «слепота» рано или поздно настанет для каждого. Когда на свет рождается нечто новое, что-то должно умереть, закончиться, воссоединиться с материей, из которой когда-то возникло. И наоборот – любая смерть уравнивается началом новой жизни («the golden shot / Storms in the freez-

ing tomb»). Так замыкается круг, и «процесс» – та самая сила, благодаря которой это происходит неизменно, благодаря которой цикличность и равновесие в мире сохраняются. Равновесие сил – нового и старого, живого и мертвого, светлого и темного – необходимо. Никакая из этих величин не должна перевесить. Процесс, благодаря которому этого не происходит, не является враждебной силой по отношению к живому: он абсолютно естественен, как сама природа, как смена состояний погоды, как человеческое тело, как ветер, вода, земля и растения. Он предопределен, как смена дня и ночи, и так же замкнут и бесконечен.

В качестве приложения – три литературные перевода стихотворения Д. Томаса:

**Перевод Аркадия Штыпеля
«Процесс в погоде сердца»**

Процесс в погоде сердца жар на стынь
Меняет; золотой кистень
Крушит могильный лед.
Погода крови ночь сменяет днем
В артериях; их солнц огнем
И червь живой согрет.
Процесс в глазу оберегает ум
От слепоты; дав жизни ход,
Нисходит лоно в тлен.
Погода глаза делит пополам
То мрак, то свет; бьет море наобум
В безуглый материк.
Лишь половина вызревших семян
Ложится в грунт; берет другую в плен
Воздушный сонный ток.
Есть кость и плоть; одной погода – стынь,
А жар – другой; и живчик и мертвяк –
Лишь призраки, смущающие ум.
Процесс в погоде мира состоит
В размене призраков; всяк материнский плод
В двойной тени начала и конца.
Процесс вздувает сонмы солнц из лун,
Срывает кожу с высохших колен;
И сердце отпускает мертвеца.

**Перевод Василия Бетаки
«Процесс раскручивания непогоды...»**

Процесс раскручивания непогоды
В глубинах сердца так суров:
Всю влажность иссушает разом,
Раскручиванье непогоды в венах
Ночь превращает в день, и червяков
Сожгут бесчисленные солнца крови.
Процесс, в глазу начавшийся, пророчит
Окостененье, слепоту... Из лона

Исходит смерть, по мере истеканья
Оттуда жизни...

Тьма в непогоде глаз – неотделима
От света их. Так монотонно море
С упорством бьется о сухие скалы,
И семя, из которого растет
Лес лона, по вине безветрий сонных
Иссохло и пропало...

А непогода в мышцах и костях
То вдруг дождливая, то вновь сухая
Невольно будит мысль о мертвецах,
О призраках, что мечутся, мелькая
Перед глазами.

Непогода в мире
Столкнет лицом к лицу
Фантомы. И малыш, которого любили,
В их тень двойную погружен.
Луну вдувает в солнце непогода.
Задерживает наши шторы-поры,
И сердце возвращает наших мертвых...

**Перевод Владимира Британишского
«Процесс, вращающий погоду сердца...»**

Процесс, вращающий погоду сердца,
Сменяет влажное сухим; луч света
Вторгается в утробный мрак.
Погода тела движет кровь по жилам,
Сменяет утром ночь; и солнцем алым
Вновь светится живущий прах.
Процесс в глубинах глаза приближает
Срок слепоты; рождающее чрево
Жизнь источает и вгоняет в смерть.
Тьма, что порой мрачит погоду глаза,
Присуща свету глаз; морская влага
Бьется о сушу берегов.
Семя, что лесом засаждает чресла,
Даст плод; но часть уже рассеял тщетно
Ветер пустых, бесплодных снов.
Погода в мышцах и костях бывает
Сухой и влажной; мир перед глазами
Движет два призрака: живых и мертвых.
Процесс, вращающий погоду мира,
Сменяет призрак призраком; в незримой
Двойной тени дитя растет.
Процесс луну пересветляет в солнце,
Как платье, плоть сползает с кости старца;
И сердце мертвых отдаст.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов [Текст] / И. В. Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2002.

2. Вейдле, В. В. О поэтах и поэзии [Текст] / В. В. Вейдле. – Paris : YMCA, 1973.

3. Гаспаров, М. Л. Поэзия и проза – поэтика и риторика [Текст] / М. Л. Гаспаров // Историческая поэтика : Литературные эпохи и типы художественного сознания. – 1994.

4. Жирмунский, В. М. Введение в литературоведение [Текст] : курс лекций / В. М. Жирмунский. – СПб. : изд-во С.-Петербургского ун-та, 1996.

5. Ионкис, Г. Э. Английская поэзия первой половины XX века [Текст] / Г. Э. Ионкис. – М. : Просвещение, 1967.

6. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб. : Просвещение, 1972.

7. Новгородский, Ю. В. Традиция и индивидуальный талант в Англии [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Новгородский. – М., 2005.

8. Томашевский, Б. В. Стих и язык [Текст] / Б. В. Томашевский. – М.; Л.; 1959.

9. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект-Пресс, 1996.

10. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – М., 1965.

11. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002.

12. Тезаурус Роже [Электронный ресурс] = Roget's Thesaurus Alphabetical Index. – Режим доступа: <http://www.thesaurus.com/Roget-Alphabetical-Index.html>

13. Moynihan, William T. The Craft and Art of Dylan Thomas [Текст]. – NY : Cornell University Press,

14. Perkins David. A History Of Modern Poetry [Электронный ресурс]. – Belknap Press of Harvard University Press, 1976–1987.966. Режим доступа: <http://www.thesaurus.com/roget>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

15. Thomas Dylan. Collected Poems 1934–1953/Ed. by W. Davies and R. Maud [Текст]. – London : Faber, 2000.

Bibliograficheskij spisok

1. Arnol'd, I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk. Uchebnik dlja vuzov [Текст] / I. V. Arnol'd. – М. : Flinta : Nauka, 2002.

2. Vejdle, V. V. O pojetah i pojezii [Tekst] / V. V. Vejdle. – Paris : YMCA, 1973.

3. Gasparov, M. L. Pojezija i proza – pojetika i ritorika [Tekst] / M. L. Gasparov // Istoricheskaja pojetika : Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. – 1994.

4. Zhirmunskij, V. M. Vvedenie v literaturovedenie [Tekst] : kurs lekcij / V. M. Zhirmunskij. – SPb. : izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1996.

5. Ionkis, G. Je. Anglijskaja pojezija pervoj poloviny XX veka [Tekst] / G. Je. Ionkis. – M. : Prosveshhenie, 1967.

6. Lotman, Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta [Tekst] / Ju. M. Lotman. – SPb. : Prosveshhenie, 1972.

7. Novgorodskij, Ju. V. Tradicija i individual'nyj talant v Anglii [Tekst] : dis. ... kand. filol. nauk / Ju. V. Novgorodskij. – M., 2005.

8. Tomashevskij, B. V. Stih i jazyk [Tekst] / B. V. Tomashevskij. – M.; L.; 1959.

9. Tomashevskij, B. V. Teorija literatury. Pojetika [Tekst] / B. V. Tomashevskij. – M. : Aspekt-Press, 1996.

10. Tynjanov, Ju. N. Problema stihotvornogo jazyka [Tekst] / Ju. N. Tynjanov. – M., 1965.

11. Halizev, V. E. Teorija literatury [Tekst] / V. E. Halizev. – M. : Vysshaja shkola, 2002.

12. Tezaurus Rozhe [Elektronnyj resurs] = Roget's Thesaurus Alphabetical Index. – Rezhim dostupa: <http://www.thesaurus.com/Roget-Alphabetical-Index.html>

13. Moynihan, William T. The Craft and Art of Dylan Thomas [Tekst]. – NY : Cornell University Press,

14. Perkins David. A History Of Modern Poetry [Elektronnyj resurs]. – Belknap Press of Harvard University Press, 1976–1987.966. Rezhim dostupa: <http://www.thesaurus.com/roget>, svobodnyj. – Zagl. s jekrana. – Jaz. angl.

15. Thomas Dylan. Collected Poems 1934–1953/Ed. by W. Davies and R. Maud [Tekst]. – London : Faber, 2000.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

В. Н. Бабаян

Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики

Определение понятия «дискурс» представляет значительные сложности в силу того, что исследуемый феномен оказался на стыке целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и др. Тем не менее, можно говорить о том, что благодаря усилиям современных ученых различных областей теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область, отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки, что способствует более глубокому и широкому исследованию дискурса и выявлению его общих и отличительных свойств. Цель настоящей работы – исследовать происхождение понятия «дискурс» в лингвистике, провести анализ различных подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению этого понятия, выявить его основные специфические характеристики и дать свое рабочее определение этого сложного коммуникативного явления.

Ключевые слова: понятие «дискурс», дискурс-анализ, текст, коммуникация, общие и отличительные свойства.

V. N. Babayan

Different approaches to «discourse» definition and its principal features

«Discourse» being the matter of interest of different sciences is quite a disputable phenomenon nowadays. Due to the attempts of the scholars the theory of discourse is being developed as a separate sphere of science thus becoming a core in the process of modern science integration and enabling a deeper and wider study of the phenomenon under consideration and finding its general and peculiar characteristics. The objective of the article is the origin of the notion «discourse» in Linguistics, the analysis of Russian and foreign approaches to the definition of «discourse», finding out its principal features and working out our own definition of the complicated communicative phenomenon.

Keywords: «discourse» definition, discourse analysis, text, communication, general and peculiar characteristics.

В глобализирующемся мире расширение пространства массовых коммуникаций, появление все новых видов дискурса, интенсивное развитие дискурс-исследований предполагает активизацию научной деятельности в области междисциплинарного изучения дискурса.

Определение понятия «дискурс» сегодня представляет значительные сложности в силу того, что оно оказалось на стыке целого ряда научных дисциплин, таких как лингвистика, антропология, литературоведение, этнография, социология, социолингвистика, философия, психолингвистика, когнитивная психология и др. Тем не менее, можно говорить, что благодаря усилиям ученых различных областей, теория дискурса оформляется в настоящее время как самостоятельная междисциплинарная область (новая кросс-дисциплина – дискурсология), отражающая общую тенденцию к интеграции в развитии современной науки [1, 2, 6, 8, 13, 14, 17 и др.].

Понятие «дискурс» первоначально появилось в лингвистике, где Э. Бенвенист одним из первых придал слову «discours», которое во французской

лингвистике означало речь вообще, терминологическое значение, обозначив им речь индивидуальную, речь говорящего [5, с. 139].

Возникнув в рамках лингвистики текста, теория дискурса никогда не утрачивала с ней своей изначальной связи, но последовательно шла к дифференциации предмета своего исследования, к разграничению понятий «текст» и «дискурс» с точки зрения форм реализации языка, относительной длины синтагматической цепи, формально-содержательных параметров в тексте связной речи.

Возникновение теории дискурса ознаменовало качественный скачок в развитии науки о языке и выдвинуло сложнейшую задачу – задачу лингвистического описания дискурса.

Современный научный подход рассматривает дискурс как важнейшую форму повседневной жизненной практики человека и определяет его как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

Современные исследователи кладут в основу понятия дискурс различные онтологические признаки.

Так, Ю. С. Степанов рассматривает дискурс как *отражение языковой и социокультурной реальности* и обосновывает такое понимание тем, что дискурс является особым способом использования языка для выражения ментальности, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и, в конечном счете, создает особый «ментальный мир» [18, с. 38–39].

В. В. Красных приходит к заключению, что «дискурс есть вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность *процесса и результата* и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [13, с. 200]. Уместно заметить, что это коррелирует с пониманием дискурса в концепции М. Фуко: дискурс – это одновременно и *процесс*, и *результат* (курсив автора статьи) в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо (разговора) [19, с. 72].

С точки зрения *результата* дискурс предстает как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации. При анализе дискурса как *процесса* дискурс представляет собой вербализуемую («здесь и сейчас») речемыслительную деятельность. В силу приведенного выше определения дискурса В. В. Красных использует форму «*вербализованная*» деятельность. Согласно В. В. Красных, дискурс имеет два плана – собственно лингвистический и лингвокогнитивный. Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс).

Еще одним онтологическим основанием дискурса является учет его *социального статуса*. Ситуативное понимание дискурса раскрывается в «Большом энциклопедическом словаре. Языкознание» (1998), где дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах сознания (когнитивных

процессах). Дискурс – речь, “погруженная в жизнь”» [2, с. 136–137].

И. Н. Горелов и К. Ф. Седов отмечают, что дискурс выступает отражением интеракции (социально-коммуникативного взаимодействия) языковых личностей и определяют этот феномен как «речевое произведение, представляющее собой отрезок «живой речи» и как «речевое произведение в полноте его когнитивных и социокультурных характеристик» [7, с. 147, 165].

С позиций *социолингвистики*, как справедливо считает В. И. Карасик, дискурс – это общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации, например, институциональное общение [10, с. 233–234]. При этом, согласно В. И. Карасику, применительно к современному социуму выделяется политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса.

Понимание *дискурса как коммуникативного события* опирается на его представление как коммуникативного события в концепции Т. А. ван Дейка, согласно которой «...дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта» [8, с. 121–122]. Т. А. ван Дейк ввел понятие прагматического контекста, учет условий которого помогает правильно интерпретировать дискурсную информацию. Для него «понятие прагматического контекста является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций» [8, с. 19]. При этом схема такого прагматического понимания отражает т. н. «исходный контекст коммуникации, то есть положение дел, которое потом при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [8, с. 21]. «К этому исходному тексту, – поясняет исследователь, – относятся не только события/действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, но, вероятно, и информация, аккумулированная в отношении более “ранних” состояний и событий» [8, с. 21].

Итак, по Т. А. ван Дейку, дискурс – сложное коммуникативное явление, включающее наряду с

текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие [8].

На основании этого подхода в рамках современной науки сформировалась *коммуникативно-функциональная парадигма* понимания дискурса. Так, Д. Шиффрин предлагает свое определение дискурса как «ингерентно контекстуализированных высказываний» – единиц устной или письменной речи [21, с. 41].

Интересной является также точка зрения Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, которые с позиций *коммуникативно-ориентированного подхода* к изучению дискурса дают следующее определение этому феномену: «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [11, с. 8].

Дискурс, по А. Е. Кибрику, «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [цит. по 13, с. 200]. Это определение коррелирует с пониманием дискурса в *современной психологии*, где дискурс определяют как социальную деятельность в условиях реального мира (D. Edwards, J. Potter, M. Wetherell), и с его трактовкой как подчеркнуто интерактивного способа речевого взаимодействия.

Некоторые исследователи уделяют особое внимание изучению различных оснований для выделения *разновидностей дискурса*. Так, Е. И. Шейгал представляет концепцию дискурса на фоне уточненных дихотомий дискурса и текста и подробно анализирует одну из разновидностей дискурса – институциональный дискурс (и политический дискурс как его реализацию), «который использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, или, другими словами, обладает собственным подязыком (специальной лексикой), фразеологией и паремиологией» [20, с. 14].

На принципиально ином методологическом основании строит свое исследование дискурса массовой коммуникации В. Н. Степанов, который рассматривает интенциональный дискурс на примере провокативного дискурса массовой коммуникации, за актом речи в котором скрываются реальные или имитируемые внутренние психологические состояния адресантов, с их помощью совершается воздействие на собеседника [17, с. 21].

Традиционное лингвистическое понимание дискурса прослеживается у Т. М. Николаевой и В. З. Демьянкова. Так, в словаре

Т. М. Николаевой, отражающем историю подходов к этому понятию, оно определяется как: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [15, с. 479].

Обобщение этих трактовок содержится в словаре В. З. Демьянкова: «Discourse – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развыртывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи», ср. предлагаемый гештальтистский подход к дискурсу. Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [9, с. 7].

По определению В. Г. Борботько, дискурс есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной *смысловой связи*, что позволяет воспринимать его как цельное образование [6, с. 8].

Лингво-коммуникативный аспект дискурса прослеживается и в определении Г. А. Орлова, который рассматривает дискурс как категорию естественной речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно заверщенного в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно-цельного произведения (рассказа, беседы, инструкции, лекции и т. п.) [16, с. 14].

Ирена Беллерт, как и многие исследователи, считает дискурс связным текстом. Однако она дает «интуитивное» понимание этого термина в сво-

ей работе «Об одном условии связного текста». Дискурс, по И. Беллерт, – это «такая последовательность высказываний $S_1...$, S_n , в которой семантическая интерпретация каждого высказывания S_i (при $2 \leq i \leq n$) зависит от интерпретации высказываний в последовательности $S_1...$, S_{i-1} » [4, с. 172].

В этом определении подчеркивается, что адекватная интерпретация высказывания, выступающего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста. Дискурс здесь рассматривается в *логико-семантическом* аспекте.

При этом И. Беллерт утверждает, что семантическая интерпретация любого высказывания (единицы дискурса) представляет собой совокупность следствий, или выводов, которые можно сделать на основании данного высказывания. Иными словами, И. Беллерт говорит о том, что данная точка зрения является интуитивно убедительной, так как трудно не согласиться с тем, что «если некто понимает данное высказывание, то он может сделать вытекающие из него выводы, и наоборот».

Н. Ф. Алефиренко делает акцент на *содержательном аспекте* дискурса, определяя его как «элементарную невербализованную единицу текста, представляющую сложное целое или выделяемое содержательное единство, которое на уровне языка реализуется в последовательности предложений, связанных между собой смысловыми отношениями» [1, с. 298].

В определении В. А. Коха также учитывается *содержательный аспект* дискурса, согласно которому «любой текст (части текста), который содержит проявления одного и того же конкретного мотива, будет считаться дискурсивным текстом», что другими исследователями и называется дискурсом. Под мотивом в данном случае понимается «простейшая динамическая смысловая единица повествования» (текста) и «расширительно устойчивая тема, проблема, идея» текста [12, с. 149–171].

Интересное в целях настоящего исследования представление дискурса приводит М.Л. Макаров, который понимает дискурс как диалог, конституируемый по правилам *диалога* и вероятностным зависимостям: «Дискурс – представляет собой социальную «материю», где один речевой акт (РА) не может однозначно определить тип и свойства последующего акта: он скорее задает условия, в которых появление того или иного продолжающего диалог акта будет более или менее ожидаемым, уместным, соответствующим нормам и правилам общения. Тип отношений в новой онтологии (дискурсивной онтологии Л. С. Выготского. – В. Б.) не

допускает однозначного детерминизма, он в большей степени характеризуется размытыми вероятностными зависимостями, обусловленными стратегиями и нормами «речи-во-взаимодействии» (talk-in-interaction – Schegloff 1987, Zimmerman, Boden 1991 и др.)» [Цит. по 14, с. 19].

В соответствии с целями настоящего исследования наиболее релевантным представляется интегративный подход к понятию дискурса. Наше понимание проблемы в основном перекликается с исследованиями отражения действительности в дискурсе, учитывающими условия продуцирования и восприятия сообщения (дискурса) и ситуацию, в которой оно производится. Эти исследования совмещают элементы коммуникативного, прагматического, психолингвистического, социолингвистического подходов.

Итак, дискурс – это связный текст, понимаемый нами как семантически и грамматически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик), в устной или письменной, монологической или диалогической форме, обращенный к слушателю/читателю/наблюдателю, отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников [4, с. 26–27].

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики [Текст] / Н. Ф. Алефиренко : монография. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс [Текст] // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.
3. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Психоллингвистические особенности диалогической речи в присутствии молчащего третьего лица [Текст]. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany, 2011. – 385 р.
4. Беллерт, И. Об одном условии связности текста [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. Лингвистика текста. – М., Прогресс, 1978. – С. 172–207.
5. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с.
6. Борботько, В. Г. Элементы теории дискурса [Текст] / В. Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 112 с.

7. Горелов, И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики [Текст] / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.

8. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. Сб. работ. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.

9. Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста [Текст] / В. З. Демьянков // Всесоюзн. центр переводов. Тетради новых терминов. 1982, № 39. – 108 с.

10. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

11. Караулов, Ю. Н., Петров, В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Текст] // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Вступительная статья. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–11.

12. Кох, В. А. Предварительный набросок дискурсивного анализа семантического типа [Текст] / В. А. Кох // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – С. 149–171.

13. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.

14. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса [Текст] / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

15. Николаева, Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста [Текст] / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII, Лингвистика текста. – М. : Прогресс, 1978. – 479 с.

16. Орлов, Г. А. Современная английская речь [Текст] / Г. А. Орлов. – М. : Высшая школа, 1991. – 240 с.

17. Степанов, В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации [Текст] / В. Н. Степанов. – СПб. : Роза мира, 2008. – 309 с.

18. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 35–73.

19. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Текст]: Сост., пер. с фр., комментариев и послесловие С. Табачковой. Общ. ред. А. Пузырева. – М. : Ка-сталь, 1996. – 447 с.

20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

21. Schiffrin D. Approaches to Discourse [Текст] / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell, 1994. – 470 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Alefirenko, N. F. Spornye problemy semantiki [Текст] / N. F. Alefirenko : monografija. – М. : Gnozis, 2005. – 326 s.

2. Arutjunova, N. D. Diskurs [Текст] // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Jarceva, 2-e izd. – М. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. – S. 136–137.

3. Babajan, V. N. Diskursivnoe prostranstvo terciarnoj rechi. Psiholingvističeskie osobennosti dialogičeskoj rechi v prisutstvii molčashhego tret'e-go lica [Текст]. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany, 2011. – 385 p.

4. Bellert, I. Ob odnom uslovii svjaznosti teksta [Текст] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike, vyp. VIII. Lingvistika teksta. – М., Progress, 1978. – S. 172–207.

5. Benvenist, Je. Obshhaja lingvistika [Текст] / Je. Benvenist. – М. : Progress, 1974. – 446 s.

6. Borbot'ko, V. G. Jelementy teorii diskursa [Текст] / V. G. Borbot'ko. – Groznyj : Izd-vo Chencheno-Ingush. gos. un-ta, 1981. – 112 s.

7. Gorelov, I. N., Sedov K. F. Osnovy psiho-lingvistiki [Текст] / I. N. Gorelov, K. F. Sedov. – М. : Izdatel'stvo «Labirint», 2001. – 304 s.

8. Dejk, T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija [Текст] / T. A. van Dejk. Sb. rabot. – М. : Progress, 1989. – 310 s.

9. Dem'jankov, V. Z. Anglo-russkie terminy po prikladnoj lingvistike i avtomatičeskoj pererabotke teksta. Metody analiza teksta [Текст] / V. Z. Dem'jankov // Vsesojuzn. centr perevodov. Tetradi novyh terminov. 1982, № 39. – 108 s.

10. Karasik, V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Текст] / V. I. Karasik. – М. : Gnozis, 2004. – 390 s.

11. Karaulov, Ju. N., Petrov, V. V. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa [Текст] // T. A. Van Dejk. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. Vstupitel'naja stat'ja. – М. : Progress, 1989. – S. 5–11.

12. Koh, V. A. Predvaritel'nyj nabrosok diskursivnogo analiza semanticheskogo tipa [Текст] / V. A. Koh // Novoe v zarubezhnoj lingvistike, vyp. VIII. Lingvistika teksta. – М. : Progress, 1978. – S. 149–171.

13. Krasnyh, V. V. Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii: Kurs lekcij [Tekst] / V. V. Krasnyh. – M. : ITDGK «Gnozis», 2001. – 270 s.
14. Makarov, M. L. Osnovy teorii diskursa [Tekst] / M. L. Makarov. – M. : ITDGK «Gnozis» , 2003. – 280 s.
15. Nikolaeva, T. M. Kratkij slovar' terminov lingvistiki teksta [Tekst] / T. M. Nikolaeva // Novoe v zarubezhnoj lingvistike, vyp. VIII, Lingvistika teksta. – M. : Progress, 1978. – 479 s.
16. Orlov, G. A. Sovremennaja anglijskaja rech' [Tekst] / G. A. Orlov. – M. : Vysshaja shkola, 1991. – 240 s.
17. Stepanov, V. N. Provocirovanie v social'noj i massovoj kommunikacii [Tekst] / V. N. Stepanov. – SPb. : Roza mira, 2008. – 309 s.
18. Stepanov, Ju. S. Al'ternativnyj mir, diskurs, fakt i princip prichinnosti [Tekst] / Ju. S. Stepanov // Jazyk i nauka konca 20 veka / Pod red. Ju. S. Stepanova. – M. : In-t jazykoznanija RAN, 1995. – S. 35–73.
19. Fuko, M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [Tekst] : Sost., per. s fr., komentarij i posleslovie S. Tabachkovej. Obshh. red. A. Puzyreva. – M. : Kastal', 1996. – 447 s.
20. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa [Tekst] / E. I. Shejgal. – M. : ITDGK «Gnozis», 2004. – 326 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Д. А. Удод

Функционирование лексических средств художественной выразительности в креолизованном тексте (на примере буклета музыкального альбома)

В статье проанализирована роль лексических средств художественной выразительности (тропов) в вербальной составляющей креолизованного текста буклета музыкального альбома. Материалом анализа выступил буклет музыкального альбома «*Bionic*» американской певицы Кристины Агилеры. Проведенный анализ позволил выявить широкий спектр тропов, способствующих делимитации данного текста как особого типа текста современной культуры.

Ключевые слова: текст, креолизованный текст, креолизованный текст буклета музыкального альбома, троп, Кристина Агилера.

D. A. Udod

Functional capacity of lexical stylistic means in creolized text of the music album booklet

The aim of this study is to analyze the role of the lexical stylistic means (tropes) in verbal component of creolized text of music album's booklet. The music album «*Bionic*» by the American singer Christina Aguilera was the material for the author's analysis. The analysis revealed a wide range of tropes that let the author define this text as a particular type of modern culture text.

Key words: text, creolized text, creolized text of a music album booklet, trope, Christina Aguilera.

Целью настоящей работы является выявление особенностей функционирования средств художественной выразительности в креолизованном тексте буклета музыкального альбома. Изучение выразительных средств языка всегда остается актуальным, поскольку текст, обнаруживающий подобные средства, становится эмоционально наполненным, лучше запоминается, обладает эффектом глубокого воздействия на реципиента.

Вслед за Е. Е. Анисимовой, мы определяем креолизованные тексты как «особый лингвизуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 73]. Подчеркнем, что паралингвистические, то есть невербальные средства организации креолизованного текста, не являются такой четко выраженной знаковой единицей как слово, а их семантика по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определенностью, расплывчатостью, размытостью своих границ [4, с. 5]. Таким образом, мы отмечаем, что, в большинстве случаев, роль вербального элемента креолизованного текста буклета музыкального альбома доминирует в раскрытии идейно-тематического пространства всего текста и реализации прагматиче-

ской установки автора над ролью паралингвистических средств. Этот факт подтверждается спецификой исследуемого материала, где основной смысл транслируется с помощью музыкальных композиций, составляющих неотъемлемую часть вербального элемента креолизованного текста буклета музыкального альбома.

Тексты музыкальных композиций в той или иной мере описаны в исследованиях Е. А. Карапетян (2001), Т. А. Григорьевой (2003), Е. А. Абросимовой (2006), О. С. Кострюковой (2007), а также в современных работах Е. Б. Патракеевой (2014), М. И. Боярской (2016) и многих других. Актуальность исследования песенного материала также подтверждает существование Международной ассоциации изучения популярной музыки (англ. the International Association for the Study of Popular Music), Международной ассоциации изучения слова и музыки (англ. the international association for word and music studies) и прочих.

В процессе анализа текстов музыкальных композиций было выявлено то, что их авторы часто прибегают к использованию различных средств художественной выразительности. В современной лингвистике среди последних принято различать тропы и фигуры речи.

Троп (от греч. *tropos* – ‘поворот’, ‘оборот речи’) – прием, состоящий в употреблении слова или выражения в переносном значении [2, с. 481]. Цель его использования в тексте заключается не столько в создании нового значения, сколько в том, чтобы сделать лексику более выразительной, образной. Основные тропы – метафора, гипербола, олицетворение, эпитет, перифраза и др.

Фигура речи (риторическая/стилистическая фигура) – это особое сочетание слов, синтаксическое построение, используемые для усиления выразительности высказывания [2, с. 492]. К ним могут быть отнесены антитеза, градация, оксюморон, риторический вопрос, лексический повтор, синтаксический параллелизм и др.

В настоящей статье мы обращаемся к анализу функционирования лишь лексических средств художественной выразительности (тропов) на примере вербальной составляющей креолизованного текста буклета музыкального альбома «Bionic», выпущенного в свет 8 июня 2010 года американской певицей, автором песен и актрисой Кристиной Агилерой (англ. Christina Aguilera).

Идейно-тематическое пространство альбома становится абсолютно очевидным после интервью Кристины Агилеры журналу «The Observer», в котором она говорит: «Думаю, каждая из нас, как женщина, имеет эту суперчеловеческую способность. Мы создаем жизнь, даем ее, все мы – источник жизни наших детей, все мы отчасти прелестно бионические» [5]. Лейтмотив реализован посредством вербального элемента креолизованного текста буклета музыкального альбома.

Главным лексическим средством формирования лейтмотива становится название альбома – «Bionic». Оно выступает в своем денотативном значении «бионический», то есть имеющий отношение к бионике – науке о применении в технических устройствах и системах принципов организации, свойств, функций и структур живой природы [3]. Но стоит отметить, что в семантическом пространстве креолизованного текста буклета, а также в тексте песни «Bionic», данная лексема функционирует в своем коннотативном значении «обладающий чрезвычайной силой, необыкновенными способностями, исключительно мощный». Такой аспект употребления развивает тему музыкального альбома и поддерживает стремление певицы раскрыть свои вокальные данные в совершенно новом для нее амплуа.

Лексика текстов песен, включенных в вербальный элемент креолизованного текста буклета музыкального альбома, преимущественно, носит

нейтральную стилистическую окраску. Использование стилистически маркированной лексики, например слов и выражений, принадлежащих к разговорному стилю речи или имеющих сниженную окраску (we gotta have fun – «My girls»; Once you jump in won't wanna get off; Gonna get you – «Bionic»; You wanna get crazy – «Not Myself Tonight»; I'ma let you; I ain't supposed – «Woohoo»; I ain't gonna feel it – «Elastic Love»; You do mommi – «Vanity»), а также слов и выражений, относящихся к сленгу или инвективам (bitch; fucking pretty; bad ass; shit; Ain't nobody got shit on me – «Vanity»; suck; dicks; ship'em out – «I Hate Boys»; so damn bionic – «Bionic»; fuck – «Not Myself Tonight»; bitches – «Woohoo») позволяют автору не только называть определенные понятия, но и отражают его личностное отношение к описываемому явлению или предмету действительности. Широкое использование эмоционально-оценочной лексики приводит нас к мысли о том, что авторская позиция в креолизованном тексте буклета музыкального альбома не может быть нивелирована, напротив она четко прослеживается, транслируя информацию сквозь призму личностного опыта автора данного текста.

Особую экспрессию, направленную на привлечение внимания реципиента и реализацию прагматической установки автора, несут на себе лексические средства художественной выразительности.

В ходе исследования креолизованного текста буклета музыкального альбома «Bionic» зафиксировано 48 случаев использования выразительных средств лексики. Наиболее распространенными среди них являются метафоры (16 случаев употребления, 33 %): See through to the core of me; I stand before you with my heart in my hands; lay down your arms; I am a lioness – «I am»; our world's been infected; We lost ourselves; you lost me – «You Lost Me»; I want sex for breakfast; So hungry for you; taste me and I'll taste you; I'm gonna feel your honey drip; my juices start to flow – «Sex for breakfast»; I'm your fire tonight – «Desnude»; when you see me crashing – «Lift me up»; Telling the truth to you gives me wings – «All I Need»; they're only good for fruits, I mean bananas – «I Hate Boys».

В количественном отношении случаям использования метафоры практически не уступают сравнения. Они обнаружены в 15 случаях (31 %): like a rocket, like a hurricane – «Bionic»; I feel like our world's been infected; We're left as shells – «You Lost Me»; like a pencil; if I was a ruler; your love is like a sharpener; it sticks me like a stapler; it comes and goes and pins me like a trampoline; Your love is pull-

ing like a rubber band – «Elastic Love»; all men are dogs – «I Hate Boys»; Like a little boy – «Woohoo»; Paint your face like a movie queen – «Glam»; Strawberry cream is like a dream – «Sex for breakfast»; free as a bird – «All I Need».

Менее частотны эпитеты (6 случаев употребления, 13 %) (Call me the supernova – «Bionic»; elastic love; lusting love; spastic love – «Elastic Love»; our world's been infected – «You Lost Me»; sweet love – «Sex for breakfast»), олицетворения (5 случаев употребления, 10 %) (the love is gone; love has died – «You Lost Me»; music fades; sky clears – «Lift me up»; don't let the clothes wear you – «Glam») и аллюзии (4 случая употребления, 8 %) (Mirror, mirror on the wall; V is for Vanity; If the shoe fits, wear it; prince charming – «Vanity»).

Единственный раз в креолизованном тексте буклета использованы приемы перифразы (1 случай употребления, 2 %) (brain game = imagination – «Bionic») и гиперболы (1 случай употребления, 2 %) (kissing you top to toe – «All I Need»).

Наконец было обнаружено 3 случая использования фразеологических оборотов (You wanna take it for a ride – «Woohoo»; they're drivin' me bananas – «I Hate Boys»; we're running the show – «My girls»).

Анализ вербальной составляющей креолизованного текста буклета музыкального альбома «Bionic» подводит нас к выводу о том, что при помощи лексики, употребленной в данном буклете, сформировано общее для всего текста идейно-тематическое пространство – отражение жизненного опыта «новой», изменившейся Кристины Агилеры, с одной стороны – сильной, эмансипированной женщины, с другой – ранимой женщины-матери.

Высокая степень экспрессивности, эмоциональная наполненность вербального элемента, его характерологический потенциал реализованы за счет широкого использования в тексте лексических средств художественной выразительности. С их помощью автор не только создает легкодоступный, запоминающийся для реципиента текст, но устанавливает с ним определенный эмотивно-когнитивный контакт. Вследствие этого, контакт перерастает в «манипуляцию» и сводится к попытке автора воздействовать на воспринимающего данный текст.

Резюмируя сказанное, отметим, что креолизованный текст буклета музыкального альбома является собой отдельно функционирующий тип текста, обнаруживающий присущие лишь ему характерологические особенности. Авторская позиция в подобном типе текстов сильна и играет значи-

тельную роль в процессе их декодирования. Вербальная составляющая креолизованного текста буклета музыкального альбома обнаруживает специфические особенности функционирования лексики, относящейся как к нейтральному, так и к стилистически-маркированному языковым стилям. Включение в вербальный элемент богатой палитры лексических средств художественной выразительности позволяет автору реализовать его прагматическую установку и определенным образом воздействовать на реципиента.

Перспективным для нас представляется углубление анализа вербальной составляющей креолизованного текста буклета музыкального альбома, а именно исследование особенностей функционирования не только лексических, но синтаксических средств художественной выразительности.

Библиографический список

1. Анисимова, Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) [Текст] / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – 1992. – № 1. – С. 71–78.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL: <http://bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 07.12.2016).
4. Нефедова, Л. А. Когнитивные особенности комикса как креолизованного текста [Текст] / Л. А. Нефедова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2010. – №1 (177). – С. 4–9.

Bibliograficheskiy spisok

1. Anisimova, E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyh i gibridnyh tekstov) [Tekst] / E. E. Anisimova // Voprosy jazykoznanija. – 1992. – № 1. – S. 71–78.
2. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Tekst] / O. S. Ahmanova. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1969. – 608 s.
3. Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://bse.slovaronline.com/> (data obrashhenija: 07.12.2016).
4. Nefjodova, L. A. Kognitivnye osobennosti komiksa kak kreolizovannogo teksta [Tekst] / L. A. Nefjodova // Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika. – 2010. – №1 (177). – S. 4–9.

Дата поступления статьи в редакцию: 06.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Е. В. Боднарук

Использование форм конъюнктива для выражения будущего времени в немецкой прямой речи

В статье речь идет об особенностях использования форм конъюнктива в немецкой прямой речи. К конъюнктиву в работе причисляются и формы кондиционалиса I, II. Формы конъюнктива характеризуются в немецком языке чрезвычайной полифункциональностью, особенно при пересечении с областью будущего времени. Так, презенс конъюнктива используется для экспликации императивного и оптативного значения. Формы конъюнктива на претеритальной основе выражают главным образом различные оттенки ирреальности, но могут выполнять также функцию смягчения категоричности высказывания о будущем, делая его более вежливым. Для выражения будущего времени в сфере ирреальности используются следующие синонимичные пары конъюнктивных форм: а) претерит и кондиционалис I (обе формы чаще выражают потенциальность = выполнение действия в будущем возможно); б) плюсквамперфект и кондиционалис II (чаще выражают собственно ирреальность = выполнение действия в будущем невозможно). Примечательно также, что в сфере ирреальности отсутствует четкая дифференциация значений настоящего и будущего времени, для экспликации которых могут быть использованы одинаковые формы конъюнктива.

Ключевые слова: наклонение, конъюнктив, императивное, оптативное, ирреальное значение, будущее время, немецкий язык.

E. V. Bodnaruk

The usage of conjunctive mood forms to express future time in the German direct speech

In the article, peculiarities of the usage of conjunctive forms in the German direct speech are discussed. The forms of conditional I and II are also regarded as conjunctive forms. The conjunctive forms in the German language are extremely polyfunctional, especially when crossing the sphere of future meaning. Thus, the present conjunctive is used for expressing the imperative and optative meaning. The forms made with the preterite base morpheme express mainly the different irreal meaning shades; they can also soften categorical utterances about future by making them more polite. To express the irreal future meaning the following synonymic pairs of forms are used: a) preterite and conditional I (both forms usually express potentiality = the action in the future is possible), b) plusquamperfect and conditional II (usually express irrealty = the action in the future is impossible). It is remarkable, that in the irreal sphere there is no precise distinction between present and future meaning, both meanings can be expressed by the same conjunctive forms.

Key words: mood, conjunctive, imperative, optative and irreal meaning, future time, the German language.

Формы конъюнктива традиционно относят к наклонению, под которым понимается грамматический способ выражения отношения действия глагола или содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего [4, с. 46].

Наряду с конъюнктивом в немецком языке к формам наклонения традиционно относят также индикатив и императив [11, с. 115 и др.]. Впрочем, в некоторых концепциях количество наклонений может быть как больше трех – за счет дальнейшего членения конъюнктива на два типа: конъюнктив I и конъюнктив II, рассматриваемых как самостоятельные наклонения [15, с. 108], так и меньше трех – за счет исключения из числа наклонений императива [14, с. 205]. В рамках данной работы признается трехчленная структура категории

наклонения, включающая индикатив, конъюнктив и императив.

Формы конъюнктива характеризуются в немецком языке чрезвычайной полифункциональностью, особенно при пересечении с областью будущего времени. Известно, что парадигма конъюнктива представлена шестью или восьмью рядами форм в зависимости от того, как рассматривается кондиционалис (I и II). Полагаем целесообразным включить формы кондиционалиса в общую парадигму форм конъюнктива [1]. Кроме того, считаем оправданным деление форм конъюнктива на две группы.

Бинарное деление на конъюнктив I (Präsens, Futur I, Futur II, Perfekt) и конъюнктив II (Präteritum, Plusquamperfekt, Konditionalis I, Konditionalis II) [напр., 15, с. 131] определяется

как формальными критериями (формы конъюнктива I (KI) образованы от презентной основы, формы конъюнктива II (KII) – от претеритальной), так и, в определенной мере, функциональными (формы конъюнктива I употребляются обычно для обозначения реализуемого действия и для передачи чужой речи, формы конъюнктива II – для выражения ирреальности). Вместе с тем, очевидно, что четкое противопоставление данных двух групп форм конъюнктива в функциональном плане представлено не всегда, поскольку есть сферы употребления – такие как косвенная речь и ирреальное сравнение – в которых используются обе группы форм (см. Табл. 1):

Таблица 1

**Основные сферы употребления форм
конъюнктива I и II**

реализуемое действие	модальность косвенной речи	ирреальное сравнение	ирреаль- ность
KI (презент)	KI, KII	KII, KI	KII

В результате обобщения получается своего рода функциональный континуум с плавными линиями перехода от полюса *реализуемое действие* к полюсу *ирреальность*. Первые две сферы включают в себе больше черт реальности, вторые две сферы, наоборот, указывают преимущественно на ирреальность. При этом между соседними группами имеются точки соприкосновения, проявляющиеся в наличии общих или сходных сем.

Й. Буша считает основными значениями конъюнктива *ирреальность* и сферу косвенной речи, остальные значения (или сферы употребления) признаются им периферийными. Сфера ирреальности является также первичной, если исходить из диахронического подхода [6]. Она, по-видимому, может рассматриваться как наиболее специфичная сфера употребления немецкого конъюнктива.

В немецком языке обнаруживается также ряд случаев употребления форм конъюнктива II, которые не могут быть отнесены ни к одной из названных выше сфер, напр.: *Ich würde sagen Könnten Sie mir sagen, wie spät es ist? Würden Sie bitte die Tür schließen? Ich wäre anderer Meinung. Das hätten wir geschafft. Er wäre rechtzeitig gekommen?* и др. Й. Буша полагает, что при таком употреблении имеет место разная степень идиоматизации конструкций, сопряженная с потерей ими конъюнктивной семантики [6, с. 66]. В таких высказываниях на передний план выдвигается необходимость смягчения высказывания, часто сопря-

женная с выражением вежливого отношения к собеседнику.

Следует отметить, что все сферы употребления конъюнктива (см. Табл. 1) так или иначе пересекаются с областью будущего времени. Наличие тесной связи между будущим временем и косвенными наклонениями оговаривается в ряде работ типологического характера [7, с. 243 и др.]. Более того, довольно тесная связь форм конъюнктива с семантикой будущего времени привела некоторых исследователей к мысли, что выражение будущего было их первоначальной функцией. Такое мнение высказывалось, к примеру, Э.А. Хан. Однако ее теория не нашла поддержки у исследователей [3, с. 229].

В рамках данной статьи остановимся подробнее на употреблении конъюнктива для выражения будущего времени в прямой речи. За рамками обсуждения останутся, таким образом, случаи его употребления для передачи косвенной речи и ирреального сравнения.

I. Начнем рассмотрение с конъюнктива I презенса, особенно тесно связанного с областью будущего (сфера 1 – реализуемое действие). Он обозначается либо как «конъюнктив реальной возможности» [5, с. 15], либо как «императивный конъюнктив» [16, с. 133], либо как «волитивный конъюнктив» [8, с. 120]. Р. Реслер объясняет императивное употребление конъюнктива тем, что он призван восполнить формальную ограниченность императива (имеющего лишь формы 2 лица), распространяя сферу его действия на 3 лицо (*Man lese und staune! – Vor Inbetriebnahme überprüfe man zunächst, ob die Plomben unversehrt sind.*) [16, с. 134].

В. Флемиг и Ж. Фурке выделяют у конъюнктива презенса два значения: требование и желание / пожелание [9, с. 172; 19, с. 69]. Действительно, такие случаи употребления как *Es lebe unsere Freundschaft. Möge er gesund werden* и под. нельзя считать собственно императивными. В них выражается так называемое *оптативное значение*, указывающее на желание говорящего, чтобы исполнилось действие, обозначенное в предложении. В немецком языке существует также определенное количество застывших оптативных предложений с конъюнктивом презенса, превратившихся в своеобразные междометия: *Gottseidank! (Gott sei Dank!), Gott bewahre!* и др.

Императивное и оптативное употребление конъюнктива презенса очевидным образом соотносятся с областью будущего. В меньшей степени будущее коррелирует со значением допущения:

Die Temperatur betrage 300 Grad. Однако это значение имеет существенные ограничения в употреблении.

II. Сфера ирреальности является, как было отмечено выше, наиболее значимой и типичной для конъюнктива. Степень значимости определяется тем, что только в ней употребление конъюнктива является в большинстве случаев обязательным. Ирреальность обычно не воспринимается как некое единое и целостное значение конъюнктива. В ней представлена дальнейшая градация значения, частично связанная с временной характеристикой высказывания. Дело в том, что область будущего не исключает возможности совершения действия (*Wenn er käme*) в отличие, к примеру, от области прошлого, полностью исключающей такую возможность и, следовательно, являющуюся собственно ирреальной (*Wenn er gekommen wäre*). Поэтому некоторые исследователи предпочитают в первом случае говорить о **потенциальном**, а во втором случае – о собственно **ирреальном** значении конъюнктива [8, с. 116; 19, с. 455].

В потенциальном значении в немецком языке используются, как правило, формы претерита конъюнктива, в собственно ирреальном – формы плюсквамперфекта конъюнктива. Е. И. Шендельс называет претерит конъюнктива в этой связи *сперативом* («временной формой надежды» на то, что действие еще исполнится), а плюсквамперфект – *десперативом* («временной формой безнадёжности») [17, с. 89].

Р. Тирофф предлагает в обоих случаях говорить о **контр-фактичности**. Вместе с тем, контр-фактичность, относящаяся к прошлому или к действию, ирреальному в принципе, имеет, согласно исследователю, дополнительное свойство **необратимости** (*irreversibel*) [18, с. 270–271].

Свойство необратимой контр-фактичности может относиться и к будущему, и выражаться формой претерита конъюнктива: *Wenn morgen Sonntag wäre, könnten wir einen Ausflug machen*. Однако формой, для которой данное значение является наиболее типичным, остается все-таки плюсквамперфект: *Ich hörte schon, dass du hier seist. Morgen hätte ich dich unbedingt aufgesucht*.

Формы конъюнктива сами по себе не могут свидетельствовать о потенциальности или ирреальности пропозиции. Здесь важен анализ предпосылок и контекста. Так, согласно О. Лейрбукту, если акцент в предложении делается на результате, то плюсквамперфект имеет значение потенциальности, если на процессе, то реализуется значение ирреальности («*Zustand / Potentialität*» vs.

«*Prozess / Irrealität*»): «Wie lange brauchen Sie noch? – *In einer halben Stunde hätte ich die Arbeit erledigt*. – Gut, dann kommen Sie danach bitte sofort zu mir» [12, с. 168–169]. Для определения значения плюсквамперфекта конъюнктива как ирреального важную роль играет также *блокирующий фактор* (*Blockierungsfaktor*), содержащийся, как правило, в предшествующем контексте: *Wir haben unsere Eigentumswohnung Gott sei Dank schon letztes Jahr gekauft. Wenn wir sie erst nächstes Jahr gekauft hätten, hätten wir mindestens 20000 Mark mehr zahlen müssen* [Там же: 172–173]. Блокирующий фактор может быть представлен и имплицитно, напр., через фоновые знания коммуникантов.

Таким образом, плюсквамперфект и теоретически также кондиционалис II могут использоваться не только для выражения ирреальности в прошлом, но и для выражения потенциальности или ирреальности в будущем [13, с. 208]. Отличие же форм конъюнктива плюсквамперфекта и кондиционалиса II от форм претерита конъюнктива и кондиционалиса I в сфере будущего имеет место, по-видимому, не столько в модальном плане, сколько в аспектальном, то есть в плане наличия семы «завершенность».

Хотя категория времени представляет собой триаду значений: прошлое – настоящее – будущее, в современном немецком языке в сфере ирреальности наблюдается по сути лишь бинарное противопоставление форм конъюнктива во временном плане, то есть нет четкой дифференциации плана настоящего и плана будущего:

значение прошлого:	значение настоящего или будущего:
(man) hätte gemacht / würde gemacht haben	(man) machte / würde machen

Отсутствие дифференциации настоящего и будущего посредством форм конъюнктива объясняется, к примеру, мнимостью, отсутствием обозначаемых событий в реальности [2, с. 73]. Впрочем, здесь возможны и другие объяснения.

Резюмируя сказанное выше, отметим, что для выражения будущего времени в сфере ирреальности используются следующие синонимичные пары форм:

- претерит и кондиционалис I (обе формы чаще выражают потенциальность = выполнение действия в будущем возможно);
- плюсквамперфект и кондиционалис II (чаще выражают собственно ирреальность = выполнение действия в будущем невозможно).

В целом, необходимо принять во внимание, что для выражения будущего времени в немецкой

прямой речи служит ряд форм конъюнктива. Презенс конъюнктива используется для экспликации императивного и оптативного значения. Формы конъюнктива на претеритальной основе выражают главным образом различные оттенки ирреальности. Претеритальные формы конъюнктива могут выполнять также функцию смягчения категоричности высказывания о будущем, делая его более вежливым. Следует подчеркнуть, что немецкий конъюнктив, и, по-видимому, конъюнктив в целом, обнаруживает связь со значением будущего времени. Несмотря на это в сфере ирреальности отсутствует четкая дифференциация значений настоящего и будущего времени, для экспликации которых могут быть использованы одинаковые формы.

Библиографический список

1. Боднарук, Е. В. Würde+инфинитив: между индикативом и конъюнктивом [Текст] / Е. В. Боднарук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3 (57). Ч. 2. – С. 47–50.
2. Зеленецкий, А. Л. Теоретический курс немецкого языка как второго иностранного [Текст]: учеб. пособие / А. Л. Зеленецкий. – М. : Флинта : Наука. – 2012. – 228 с.
3. Красухин, К. Г. Введение в индоевропейское языкознание [Текст]: курс лекций / К. Г. Красухин. – М. : Академия, 2004. – 316 с. – (Высшее профессиональное образование. Языкознание).
4. Сабанеева, М. К. О сущности наклонения [Текст] / М. К. Сабанеева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5 – С. 46–55.
5. Чуваева, В. Г. Конъюнктив [Текст]: практическое пособие для неязыковых вызов (на немецком языке) / В. Г. Чуваева. – М. : Высшая школа, 1964. – 64 с.
6. Buscha, J. Zur Darstellung des Konjunktivs in der deutschen Grammatik für Ausländer [Текст] / J. Buscha // Deutsch als Fremdsprache. – 1980. – Heft. 2. – S. 65–70.
7. Chung, S. Tense, aspect and mood [Текст] / S. Chung, A. Timberlake // Language typology and syntactic description. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – Vol. 3. – P. 202–258.
8. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz [Текст] / P. Eisenberg. – Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 2006. – 564 S.
9. Flämig, W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart [Текст] / W. Flämig. – Berlin : Akademie-Verlag, 1959. – 188 S.
10. Fourquet, J. Zum Gebrauch des deutschen Konjunktivs [Текст] / J. Fourquet // Linguistische Studien. IV. Festgabe für Paul Grebe. Teil 2. – Düsseldorf, 1973. – S. 61–72.
11. Hentschel, E. Handbuch der deutschen Grammatik [Текст] / E. Hentschel, H. Weydt. – 3., völlig neu bearb. Aufl. – Berlin; New York : De Gruyter, 2003. – 524 S.
12. Leirbukt, O. «Nächstes Jahr wäre er 200 Jahre alt geworden» Über den Konjunktiv Plusquamperfekt in hypothetischen Bedingungsgefügen mit Zukunftsbezug [Текст] / O. Leirbukt // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1991. – Vol. 19. – S. 158–193.
13. Leirbukt, O. Über Konjunktiv Plusquamperfekt und würde + Infinitiv II als Ausdruck von Potentialität oder Irrealität in Konstruktionen mit Gegenwarts- oder Zukunftsbezug [Текст] / O. Leirbukt // Tempus / Temporalität und Modus / Modalität im Sprachenvergleich / Hrsg. von O. Leirbukt. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2004. – S. 205–230.
14. Radtke, P. Die Kategorien des deutschen Verbs: zur Semantik grammatischer Kategorien [Текст] / P. Radtke. – Tübingen : Narr, 1998. – 285 S.
15. Römer, Ch. Morphologie der deutschen Sprache [Текст] / Ch. Römer. – Tübingen; Basel : A. Francke Verlag, 2006. – 265 S.
16. Rössler, R. Zum Gebrauch der Konjunkte in der deutschen Sprache der Gegenwart [Текст] / R. Rössler // Sprachpflege. – 1964. – Heft 7. – S. 129–136.
17. Schendels, E. Deutsche Grammatik [Текст] / E. Schendels. – М. : «Высшая школа», 1988. – 416 с.
18. Thieroff, R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz [Текст] / R. Thieroff. – Tübingen : Narr, 1992. – 316 S.
19. Welke, K. Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems [Текст] / K. Welke. – Berlin ; New York : De Gruyter, 2005. – 522 S.

Библиографический список

1. Bodnaruk, E. V. Würde+инфинитив: между индикативом и конъюнктивом [Текст] / Е. В. Боднарук // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3 (57). Ч. 2. – С. 47–50.
2. Зеленецкий, А. Л. Теоретический курс немецкого языка как второго иностранного [Текст]: учеб. пособие / А. Л. Зеленецкий. – М. : Флинта : Наука. – 2012. – 228 с.

3. Krasuhin, K. G. Vvedenie v indoevropskoe jazykoznanie [tekst]: kurs lekcij / K. G. Krasuhin. – M. : Akademija, 2004. – 316 s. – (Vysshee professional'noe obrazovanie. Jazykoznanie).
4. Sabaneeva, M. K. O sushhnosti naklonenija [Tekst] / M. K. Sabaneeva // Voprosy jazykoznanija. – 1994. – № 5 – S. 46–55.
5. Chuvaeva, V. G. Konjunktiv [Tekst]: prakticheskoe posobie dlja nejazykovyh vyzov (na nemeckom jazyke) / V. G. Chuvaeva. – M. : Vysshaja shkola, 1964. – 64 s.
6. Buscha, J. Zur Darstellung des Konjunktivs in der deutschen Grammatik für Ausländer [Tekst] / J. Buscha // Deutsch als Fremdsprache. – 1980. – Heft. 2. – S. 65–70.
7. Chung, S. Tense, aspect and mood [Tekst] / S. Chung, A. Timberlake // Language typology and syntactic description. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – Vol. 3. – P. 202–258.
8. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz [Tekst] / P. Eisenberg. – Stuttgart ; Weimar : J. B. Metzler, 2006. – 564 S.
9. Flämig, W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart [Tekst] / W. Flämig. – Berlin : Akademie-Verlag, 1959. – 188 S.
10. Fourquet, J. Zum Gebrauch des deutschen Konjunktivs [Tekst] / J. Fourquet // Linguistische Studien. IV. Festgabe für Paul Grebe. Teil 2. – Düsseldorf, 1973. – S. 61–72.
11. Hentschel, E. Handbuch der deutschen Grammatik [Tekst] / E. Hentschel, H. Weydt. – 3., völlig neu bearb. Aufl. – Berlin; New York : De Gruyter, 2003. – 524 S.
12. Leirbukt, O. „Nächstes Jahr wäre er 200 Jahre alt geworden“ Über den Konjunktiv Plusquamperfekt in hypothetischen Bedingungsgefügen mit Zukunftsbezug [Tekst] / O. Leirbukt // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1991. – Vol. 19. – S. 158–193.
13. Leirbukt, O. Über Konjunktiv Plusquamperfekt und würde + Infinitiv II als Ausdruck von Potentialität oder Irrealität in Konstruktionen mit Gegenwarts- oder Zukunftsbezug [Tekst] / O. Leirbukt // Tempus / Temporalität und Modus / Modalität im Sprachenvergleich / Hrsg. von O. Leirbukt. – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 2004. – S. 205–230.
14. Radtke, P. Die Kategorien des deutschen Verbs: zur Semantik grammatischer Kategorien [Tekst] / P. Radtke. – Tübingen : Narr, 1998. – 285 S.
15. Römer, Ch. Morphologie der deutschen Sprache [Tekst] / Ch. Römer. – Tübingen; Basel : A. Francke Verlag, 2006. – 265 S.
16. Rössler, R. Zum Gebrauch der Konjunktive in der deutschen Sprache der Gegenwart [Tekst] / R. Rössler // Sprachpflege. – 1964. – Heft 7. – S. 129–136.
17. Schendels, E. Deutsche Grammatik [tekst] / E. Schendels. – M. : «Vysshaja shkola», 1988. – 416 s.
18. Thieroff, R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz [Tekst] / R. Thieroff. – Tübingen : Narr, 1992. – 316 S.
19. Welke, K. Tempus im Deutschen: Rekonstruktion eines semantischen Systems [Tekst] / K. Welke. – Berlin ; New York : De Gruyter, 2005. – 522 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.02.2017
Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

О. В. Байкова, О. Н. Обухова

Современная ситуация немецко-русского двуязычия старшего поколения русских немцев в Вятской области

В данной статье подробно анализируются основные этапы развития немецко-русского двуязычия, а также современное его состояние у российских немцев, проживающих на территории Кировской области. Кировская область выбрана неслучайно, так как российские немцы здесь не образуют замкнутой общности и не относятся к автохтонным этическим группам, а были депортированы в 1940-х годах XX века из Поволжья, Украины. В настоящее время в Кировской области проживает около 1400 российских немцев, которые играют немаловажную роль в развитии экономики, науки и образования региона. Этнические характеристики у данного населения сохраняются особо, при этом на процесс сохранения традиционного и появление инновационного в их культуре повлиял вынужденный характер переселения, то есть депортация. Этническая специфика еще продолжает сохраняться в какой-то мере в образе жизни, культуре, повседневности, однако особенно она проявляется в последнее время в сфере духовной культуры и самосознания.

Ключевые слова: российские немцы, немецко-русское двуязычие, вариативность языка

O. W. Baikowa, O. N. Obuchowa

Die moderne deutsch-russische Zweisprachigkeitssituation der älteren Generation von Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka

In diesem Beitrag werden die wichtigsten Entwicklungsstufen der deutsch-russischen Zweisprachigkeit von Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka, sowie die kennzeichnenden Merkmale der modernen Zweisprachigkeitssituation der älteren Generation beschrieben. Das Gebiet Wjatka wurde von uns gewählt, weil die Russlanddeutschen in dieser Region keine geschlossene Gemeinschaft bilden und nicht zu den autochthonen ethnischen Gruppen gehören, sondern sie wurden hierher in den 1940er Jahren des XX Jhs. aus der Wolga-Region, der Ukraine deportiert. Heutzutage gibt es im Gebiet Wjatka etwa 1400 Russlanddeutsche, die eine bedeutende Rolle in den Bereichen Wirtschaft, Wissenschaft und Bildung spielen. Das ist eine deutsche ethnische Minderheit mit eigener Geschichte, Kultur und Sprache; sie wird im Hinblick auf die Geschichte der Russlanddeutschen, ihre Demographie, ihre Stellung in der demographischen und soziolinguistischen Struktur der Region, sowie die Spezifika ihrer Umgangssprache erforscht. Ethnische Besonderheiten können wir an ihrer Lebensweise, Kultur und ihrem Alltagsleben ausmachen, vor allem aber an ihrem Geistesleben und ihrem Selbstbewusstsein. Ethnische Besonderheiten können wir an ihrer Lebensweise, Kultur, Sprache und ihrem Alltagsleben ausmachen, vor allem aber an ihrem Geistesleben und ihrem Selbstbewusstsein.

Schlüsselwörter: Russlanddeutsche, die deutsch-russische Zweisprachigkeit, die Sprachvarietäten.

Heutzutage gibt es im Gebiet Wjatka etwa 1400 Russlanddeutsche, die eine bedeutende Rolle in den Bereichen Wirtschaft, Wissenschaft und Bildung spielen. Das ist eine deutsche ethnische Minderheit mit eigener Geschichte, Kultur und Sprache; sie wird im Hinblick auf die Geschichte der Russlanddeutschen, ihre Demographie, ihre Stellung in der demographischen und soziolinguistischen Struktur der Region, sowie die Spezifika ihrer Umgangssprache erforscht. Ethnische Besonderheiten können wir an ihrer Lebensweise, Kultur, Sprache und ihrem Alltagsleben ausmachen, vor allem aber an ihrem Geistesleben und ihrem Selbstbewusstsein.

Die Archivierung und Erforschung der mündlichen Sprache von Russlanddeutschen hat in Wjatka bereits eine lange Tradition. Im Januar 1999, in Rahmen des wissenschaftlichen Projekts des Seminars für Slavistik der Ruhr-Universität Bochum (Deutschland)

«Lautsprachlich-Basierte Linguistik», wurde in unserer Universität das Internationale Symposium «Akustischer Aspekt der linguistischen Forschungen», organisiert. Hier entstand der Plan, die Sprache von Russlanddeutschen, die im Gebiet Wjatka wohnen, zu erforschen, weil ihre Sprache ein Teil des sprachlichen Reichtums unserer Region, sowie ein Reichtum der deutschen Volkssprache darstellen.

Die initiierten Arbeiten erfassen vier Grundaspekte. Der demographische Aspekt erhebt statistische Angaben, die die Geographie der russlanddeutschen Siedlungen, die Zahl der Russlanddeutschen, deren Lebensalter und Abstammung betreffen. Der kulturelle Aspekt interpretiert die sprachlichen Äußerungen der Gewährspersonen inhaltlich und beobachtet ihre Geschichte, ihr ethnisches Bewusstsein, ihr Verhältnis zur ethnischen Nachbarschaft. Der soziolinguistische Aspekt analysiert «linguistische Biographien» der

Gewährspersonen sowie ihre Beherrschung der Muttersprache. Der linguistische Aspekt beschreibt sprachliche Einheiten, Phoneme, Morpheme, Redewendungen, Sätze, die unsere Gewährspersonen verwenden.

Die russlanddeutschen Dialekte in Wjatka sind kaum erforscht. Es gibt in den letzten 10 Jahren nur einige Untersuchungen (meine Untersuchungen und Untersuchungen von Julia Beresina), in denen die Besonderheiten des Lautsystems der oberdeutschen und niederdeutschen Dialekte in den Siedlungen Sosimskij und Tschernigowskij des Landkreises Werchnekamsk der Region Kirov dargestellt werden [1]. In meiner Dissertation mache ich einige wichtige soziolinguistische Bemerkungen, zum Beispiel, dass sich die Gebrauchssphäre der Mundarten auf die Kommunikation in der Familie beschränkt. Ich beobachte auch den heutigen sprachlichen Zustand der im Kirover Gebiet vorkommenden Mundarten. In meiner Monographie über Sprachkontaktforschung [2] werden unter anderem am Beispiel des russlanddeutschen Sprachmaterials Interferenzen mit dem Russischen demonstriert. In den russlanddeutschen Mundarten gibt es auch einige dialektale Merkmale, die erhalten geblieben sind.

Es sei bemerkt, dass das Gebiet Wjatka zu den Gegenden ohne autochthonische deutsche Bevölkerung gehört. Die ältere Generation von Russlanddeutschen des genannten Gebietes, deren Sprachvarietäten zum Objekt der Studie geworden sind, kommen aus ganz unterschiedlichen deutschen Siedlungen der ehemaligen Sowjetunion. Die wichtigsten Herkunftsgebiete sind die ehemalige Republik der Wolgadeutschen und die Ukraine. Die Gewährspersonen dieser Generation wurden von mir bewusst gewählt, weil hier das höchste Beherrschungsniveau der deutschen Mundarten zu erwarten ist.

Die Gewährspersonen der älteren Generation sind Vertreter von zwei Hauptdialektgruppen: den hochdeutschen und niederdeutschen Dialekten. Zur Grundlage dieser Klassifikation wurde in ihren Mundarten die Vorherrschaft der hochdeutschen oder niederdeutschen Merkmale gelegt. Es sei unterstrichen, dass das erforschte Dialektmaterial einen gemischten Charakter zeigt, das heißt, die Sprache der russlanddeutschen Merkmale sowohl der hochdeutschen als auch der niederdeutschen Dialekte enthält. Sogar die entgegengesetzten Dialekttypen (Plattdeutsch, Schwäbisch) stellen bestimmte Mischungsmerkmale fest. Diese Mischung kann man in der Abwendung von «der Norm», die den entsprechenden Dialekttyp charakterisiert, und in der Anpassung an die «mittlere» Variante bemerken. Dieser Zustand ist historisch bedingt:

Die Dialekte der Mutter- und Tochterkolonien waren von Anfang an gemischt, dabei stammen die Sprecher sowohl der hochdeutschen, als auch der niederdeutschen Dialekte aus verschiedenen Regionen der ehemaligen Sowjetunion.

Neben diesen Mundarten benutzen sie in bestimmten Sprachsituationen die russische Umgangssprache. Sie haben ihre Mundarten noch im aktiven Gebrauch in der Familie bewahrt und die russische Umgangssprache wird von ihnen im Verkehr mit den mittleren und jüngeren Generationen der Russlanddeutschen sowie mit den russischen Nachbarn benutzt.

In diesem Beitrag werden die wichtigsten Entwicklungsstufen der deutsch-russischen Zweisprachigkeit der Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka, sowie die kennzeichnenden Merkmale der modernen Zweisprachigkeitssituation der älteren Generation beschrieben.

Der deutsch-russische Bilingualismus von den Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka kann in fünf Entwicklungsstufen geteilt werden, und zwar, 1) die aktive deutsche Einsprachigkeit; 2) die aktiv-passive deutsch-russische Zweisprachigkeit; 3) die aktive deutsch-russische Zweisprachigkeit; 4) die passiv-aktive deutsch-russische Zweisprachigkeit; 5) die aktive russische Einsprachigkeit. Mit Hilfe der Forschungen wurde festgestellt, dass jeder Altersgruppe bestimmte Entwicklungsstufen des Bilingualismus entsprechen. Die ältere Generation wird durch die aktive deutsche Einsprachigkeit, die aktiv-passive deutsch-russische Zweisprachigkeit und zur Zeit durch die aktive deutsch-russische Zweisprachigkeit (das heißt, die Vertreter dieser Altersgruppe beherrschen sowohl die deutschen Mundarten als auch die russische Umgangssprache) gekennzeichnet.

Was die mittlere Generation angeht, so wird sie durch zwei Entwicklungsstufen des Bilingualismus gekennzeichnet: die passiv-aktive deutsch-russische Zweisprachigkeit und die aktive russische Einsprachigkeit. Die erste Stufe zeigt, dass die Gewährspersonen ihre deutschen Mundarten von Kindheit auf gelernt haben, aber wegen der Gebrauchseinschränkung der deutschen Mundarten sie im Alltagsleben nicht benutzen. Sie verstehen diese Mundarten, natürlich, aber ziehen die russische Umgangssprache vor und gebrauchen sie in allen Kommunikationssphären.

Die jüngere Generation wird durch die aktive russische Einsprachigkeit gekennzeichnet, weil Russlanddeutsche dieser Gruppe deutsche Mundarten nicht beherrschen und sie im Alltagsleben nicht gebrauchen. Einige Gewährspersonen studierten die deutsche Literatursprache an der Schule oder an der Universität und in diesem Fall sprechen wir nur von

dem individuellen, unechten kontaktlosen Bilingualismus, das heißt, die deutsche Sprache erfüllt nur die Funktion der Fremdsprache.

Der erforschte Bilingualismus der älteren Generation wird als Massenbilingualismus gekennzeichnet, weil alle Russlanddeutschen im Gebiet Wjatka Russisch beherrschen. Die russlanddeutsche Zweisprachigkeit ist einseitig, weil die Russlanddeutschen im Unterschied von der Wjatkaer Bevölkerung, die kein Deutsch beherrschen, Russisch gelernt haben. Der deutsch-russische Bilingualismus wird als ein natürlicher Bilingualismus gekennzeichnet, weil die Deutschen ständige Sprachenkontakte mit der russischen Umgangssprache gehabt und auch zurzeit haben, und sie während der Arbeitstätigkeit gelernt haben. Der deutsch-russische Bilingualismus ist subordinativ, weil diese Zweisprachigkeit durch gemischte Äußerungen gekennzeichnet wird, das heißt, der Gebrauch sowohl der russischen Umgangssprache als auch der deutschen Mundarten hängt von der konkreten sprachlichen Situation ab.

Also, unsere soziolinguistischen Untersuchungen zeigen, dass es einige Umstände gibt, die zu der schnellen sprachlichen Assimilation der deutschen Bevölkerung im Gebiet Wjatka zu Gunsten der russischen Sprache beitragen. Das heißt, die deutsche Sprache der Russlanddeutschen steht unter dem Einfluss der russischen Kontaktsprache, welcher charakteristische Änderungen in der Phonetik, Lexik und Grammatik der Muttersprache, verursacht: Entlehnungen der Phoneme, Bereicherung des Wortschatzes

mit der entlehnten Lexik, den Einfluss auf das Deklinations- und Konjugationssystem, auf die Wortfolge usw. Der wichtigste Grund dieses starken Einflusses besteht darin, dass es im Wjatkaer Gebiet zum Unterschied von der Situation, die V. Schirmunski beschrieben hat, praktisch keine «Sprachinseln» gibt. Hier wohnen viele ethnische Gruppen (Russen, Deutsche, Udmurten, Mari, Komi, Tataren, Ukrainer usw.), darum ist die Benutzung der russischen Sprache als Kommunikationsmittel notwendig.

Literatur

1. Baikova O. W. Sowremennoje sostojanije nemezkih goworow Kirovskoj oblasti i ossobennosti ich sistemy vokalisa (Die heutige Lage der deutschen Mundarten im Gebiet Wjatka und die Besonderheiten ihres Vokalsystems) [Text] / O. W. Baikova. – Kirov, 2008. – 222 s.

2. Beresina Ju. W. Konsonantizm w rechi rossijskich nemcev Kirovskoj oblasti (Das Konsonantensystem in der Rede von Russlanddeutschen im Gebiet Kirov) [Text] / Ju. W. Beresina. – Kirov, 2009. – 90 s.

3. Baikova O. W. Nemezkiye ostrownyje dialekty w uslowijach jasykowej interferenzii (Deutsche Sprachinseldialekte in den Rahmen der Sprachinterferenz) [Text] / O. W. Baikova. – Kirov, 2009. – 232 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

С. Н. Дубровина

Средства реализации речевого информирования в немецком политическом дискурсе

Статья рассматривает возможности выражения информирования в немецком политическом дискурсе. Наряду с представлением информации речевые акты информирования могут выполнять дополнительные коммуникативные задания. Это сомнение, предположение, одобрение, обвинение, осуждение, упрек, разочарование. Прагматические оттенки речевого информирования выражаются с помощью лексических и грамматических средств языка. Особое значение здесь отводится коннотации, компрессии, номинализации, категориям частей речи, экспрессивным синтаксическим конструкциям.

Ключевые слова: информирование, речевой акт, интенция, аппеллятивный, политический дискурс, вариант, прагматический, адресат, адресант.

S. N. Dubrovina

Means of implementation of speech informing in German political discourse

The article discusses possibilities to express the ways of presenting information in German political discourse. In addition to presenting information speech acts of informing perform specific communicative tasks. They are doubt, assumption, approval, accusation, reproach, disappointment, objection. Pragmatic shades of speech information are implemented with the help of lexical and grammatical means of the language. Special attention is paid to the connotation, compression, nominalization, parts of speech categories, expressive syntactic constructions.

Key words: informing, speech act, intent, appellative, political discourse, variant, pragmatic, addressee, addresser.

При передаче любой информации ведущая роль отводится речевым актам информирования. В политическом дискурсе они также доминируют, образуя информационное ядро, своеобразный «скелет» дискурса. Интенциональное содержание информирования как речевого действия требует постоянного пополнения объема информации адресата конкретными сведениями. Речевое информирование в политическом дискурсе осуществляется, как правило, в соответствии с классическими схемами, выработанными риторикой. Основное внимание уделяется при этом стратегиям подачи главного тезиса информации, соотношению рациональной и эмоциональной аргументации, последовательности аргументов, а также способам интенсификации и конкретным приемам введения новой информации.

Как показал анализ, прагматические варианты речевого акта информирования выступают в качестве своеобразных языковых механизмов вариативной интерпретации действительности в целях более эффективного воздействия на адресата. Это должно пониматься таким образом, что отправитель информации способен изменять, градуировать иллокутивную силу сообщений, изменяя тем самым степень их аппеллятивности.

Анализ 300 микротекстов, составляющих корпус выборки, показал, что речевые акты информирования распадаются в немецком политическом дискурсе на две большие группы: инициативные и реактивные речевые акты. Инициативные речевые акты – это сообщения в узком смысле слова с установкой на деловое восприятие их содержания. Информация носит здесь, как правило, нейтральный, объективный характер, и приводится указание на место или на время действия. Инициативные речевые акты доминируют в объявлениях и уведомлениях.

В рамки инварианта речевого информирования вписываются, безусловно, и собственно информативные речевые акты, снабженные эксплицитной перформативной формулой, то есть содержащие глаголы ‘сообщать, извещать, уведомлять’. Их употребление зафиксировано лишь в сообщениях на актуальные политические темы.

В контексте политического дискурса речевые акты информирования выполняют, наряду с функцией представления-репрезентации, и конкретные коммуникативные задания. Это приводит к тому, что соответствующие речевые структуры обнаруживают содержательные признаки других речевых актов. В результате возникают реактивные речевые акты, в которых имплицирован дополни-

тельный смысл, создающий более усложненную палитру речевого информирования. Приобретая дополнительные оттенки, речевой акт информирования меняет свою направленность, и его апеллятивность усиливается.

В ходе исследования в рамках гиперакта информирования были выявлены различные дополнительные оттенки, способные влиять на степень апеллятивности сообщений. Сюда входит значение сомнения, гипотетической возможности (предположения), одобрения. Следующую отметку в градуальной шкале апеллятивности занимают речевые акты информирования, сочетающие дополнительные коммуникативные установки продуцента высказывания – обвинение, осуждение, упрек и разочарование. Представляется возможным отнести их к высказываниям со значением порицания. Этим речевым актам присущи отрицательно-оценочный характер и ярко выраженная субъективно-модальная окрашенность. Возражение априорно предполагает адресованность, поэтому информирование, снабженное данным прагматическим смыслом, занимает более высокую позицию в общей шкале апеллятивности.

Воплощение названных выше оттенков речевого информирования осуществляется за счет использования средств различных языковых уровней: лексического, грамматического, стилистического.

Существенное место в немецком политическом дискурсе занимает разговорная лексика. Здесь она выполняет конкретные прагматические функции и используется как важное средство привлечения внимания. Разговорные обороты разрушают стереотипы, содействуют реализации оценочности, экспрессии и образности.

Важную роль в достижении необходимой семантической насыщенности играют и коннотации, за счет которых значение как отношение конкретной языковой единицы к объекту становится более многомерным. Отражая субъективную сторону языкового знака, они содержат, как известно, дополнительную информацию об исторических, социальных, функциональных, эмоциональных, психологических факторах и условиях коммуникации. Коннотации связаны со всеми эмотивно-прагматическими аспектами высказывания, создающими его экспрессивную окраску. Используемые единицы в своем узусном статусе чаще всего не достаточны для обозначения актуального содержания, поэтому адресант и адресат как бы «дистраивают» отображение соответственно своим ощущениям, то есть добавляют объем конно-

тативного содержания, имплицитно его в текстопостроение и текстовосприятие.

Наряду с коннотациями, семантическое насыщение текстов немецкого политического дискурса происходит за счет мобилизации фоновых знаний. Речь идет о лингвистически релевантных фоновых знаниях, поскольку, как утверждает Г. В. Колшанский, язык является средством воплощения всего содержания человеческого знания, культурных, социальных, исторических, эстетических и других моментов. Привлечение их всех в понятие фонового знания «практически ликвидировало бы границы между языком, его внутренней системой и структурой и содержанием реального мира» [2, с. 38]. Фоновые знания проявляются в высказывании, насквозь пронизывая его и придавая ему многомерность.

В свое время А. Е. Супрун [5] ввел в лингвистический обиход понятие текстовых реминисценций, также содействующих лексико-семантическому насыщению текстов. Благодаря реминисценциям в политическом дискурсе через подключение психологических факторов происходит мобилизация коммуникативной компетенции коммуникантов.

В лексико-номинативном плане немецкого политического дискурса фиксируется многочисленное присутствие и влияние заимствованной лексики. Речь идет преимущественно об англицизмах, относительно равномерно распределяющихся по всем разновидностям политического дискурса. Они успешно реализуют функцию привлечения внимания адресата и формируют иллюзию значимости описываемых событий. В отдельных случаях использование заимствованного слова способно повысить общий эмоциональный фон высказывания.

В выборе языковых средств в процессе коммуникации, несомненно, важную роль играет их экономичность, позволяющая вместить в краткую, лаконичную форму емкое содержание. В решении этой задачи важную роль играют средства словообразования. Одним из самых действенных способов представления имплицитной информации является компрессия. Она дает возможность описывать лишь наиболее существенные моменты сообщаемого, активизируя воображение адресатов. В слова-компрессивы закладывается определенная психолингвистическая установка – воздействие, как на сознание, так и на подсознание реципиента, то есть на его чувства, эмоции, поведенческие мотивы. Тем самым достигается бесспорный прагматический эффект – целенаправ-

ленное формирование общественного мнения через средства массовой коммуникации.

Реализации компрессии на уровне лексики способствует процесс номинализации. Помимо содержательной компактности, она дает возможность опущения непрагматичных деталей, концентрируя внимание реципиента на главном. Примером номинализации в немецком политическом дискурсе могут служить многосоставные композиты, состоящие из трех или более компонентов. Они служат средством концентрации больших объемов содержания при кратчайшей форме его выражения. Благодаря номинализации происходит расширение плана содержания и тем самым семантическое насыщение отдельных предложений и всего текста при одновременном сужении их плана выражения.

В структурировании и использовании в немецком политическом дискурсе выделенных выше прагматических вариантов речевого акта информирования существенную роль играют средства грамматического уровня. Как показал проведенный анализ, передача установки на различную степень апеллятивности высказывания осуществляется благодаря вариативному потенциалу грамматических категорий базовых частей речи – глагола, имени существительного и имени прилагательного. Так, в рамках глагольной категории наклонения изложение может выходить за пределы реальной действительности и переноситься в область нереального, гипотетического, то есть апеллировать как к рациональным, так и к эмоциональным мотивам. С помощью такого «переключения» достигается повышение или уменьшение интенсивности воздействия на адресата. Естественно, что при сообщении фактуальной информации упор делается на формы изъявительного наклонения.

Категория залога позволяет представить ситуацию в различных ракурсах. Этот ракурс зависит от того, какие обстоятельства выдвигаются на передний или задний план. При помощи залога адресант может привлечь внимание адресата, направить его мысли и действия в определенное русло. Излагая одно и то же положение вещей, можно сконцентрировать внимание на субъекте действия или самом действии.

Грамматические категории другой основной части речи – существительного – также обладают значительным потенциалом в плане выражения апеллятивности.

Категория определенности–неопределенности в условиях контекста может способствовать регулированию «фокуса» изложения, придавая ему

различную окрашенность. В ходе анализа в различных типах немецкого политического дискурса выявлены случаи использования определенного артикля с именем собственным. В результате все высказывание способно приобретать негативный оттенок.

Хотя категория числа существительного относится к группе логико-грамматических категорий, гиперболическое множественное число выпадает из общей классификации, поскольку оно обладает значительной прагматической заряженностью. Такие случаи немногочисленны, однако с их помощью создается прагматический эффект искусственного множества.

Функционирование имени прилагательного в немецком политическом дискурсе также связано с регулированием степени апеллятивности информации. Как известно, прилагательные дают возможность дифференцированной характеристики качеств и свойств явлений реального мира. Использование имени прилагательного в конкретном контексте является, как полагает Б. Совинский, «стилистическим решением», поскольку имена прилагательные, за исключением предикативных форм, не относятся к числу непременно (структурно) необходимых слов [7, с. 112]. Их атрибутивное употребление не диктуется строгими нормами и, действительно, часто является результатом принятия соответствующего стилистического решения. Речь идет об оценочности, роль которой в реализации апеллятивности рассматривалась нами выше. Особый интерес представляет категория степеней сравнения прилагательных.

При анализе синтаксических средств варьирования апеллятивности в немецком политическом дискурсе важным признается такой показатель, как объем предложения. Т. С. Глушак подразделяет весь массив предложений на: простые короткие / простые длинные; сложносочиненные, могущие быть и короткими и длинными; сложноподчиненные, в основном, длинные [6]. В любом случае, проводится ориентация на объем (длину) предложения как фактор тексто- и стилиеобразования.

Как показал проведенный анализ, подобная единая схема не применима по отношению к политическому дискурсу, поскольку длина предложений варьируется здесь от жанра к жанру. Есть основания утверждать, что в информационных блоках политической рекламы регулярно используются простые краткие предложения. Для политического интервью характерны как короткие, так и длинные повествовательные предложения. В сообщениях на актуальные политические темы

используются преимущественно простые и сложносочиненные предложения разного объема.

Как известно, любое законченное сообщение реализуется на основе лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих его структуру и создающих возможность для языковой экономии. По мнению А. П. Сковородникова, чем сильнее высказывание направлено на экономию или на избыточность языковых средств, тем больше оно призвано решать задачу воздействия и, соответственно, при этом имеет место тенденция к экспрессивизации. С другой стороны, чем эта тенденция слабее, тем больше любое высказывание направлено на чисто фактуальную, информативную функцию языка [4].

Одним из важнейших средств прагматического воздействия на уровне синтаксиса является компрессия, так как она полностью подчинена целевой функции – достижению коммуникативного эффекта через минимальную затрату языковых средств. В рамках высказывания она достигается посредством распространенных определений.

Известно, что экспрессивный порядок слов является важным средством привлечения внимания реципиента. При этом возможны нарушения соответствующей языковой нормы, или, во всяком случае, отход от узуса. Ю. Д. Апресян отмечает в этой связи, что нейтральный порядок слов выполняет, как правило, семантическую функцию, а разного рода инверсии – прагматическую [1].

Интересным представляется подход к обсуждаемому вопросу О. С. Лихачева. Он рассматривает предложения с правильным синтаксисом как неотмеченные и поэтому часто недостаточные на семантическом уровне, тогда как предложения с большими отклонениями в синтаксисе становятся в реализации отмеченными и вполне согласуемыми с определенным контекстом. На этой основе выдвигается понятие нонсенса, но не как отсутствие смысла, а как «результат появления новых неконвенциональных смысловых ассоциаций» [3, с. 72].

Современное немецкое языкознание располагает целым рядом экспрессивных синтаксических конструкций, обладающих определенным функциональным статусом и входящих в набор специально «работающих» на прагматику средств и способов реализации языком его коммуникативной функции.

Безусловно, обращение как синтаксическое явление относится к эксплицитным средствам выражения апеллативности. Выбор формулы обращения зависит от того, кто говорит, кому говорит,

в какой ситуации, а на эти признаки накладываются факторы задуманного воздействия на адресата, эмоционального состояния автора и т. д. Обращение является прекрасным средством установления контакта между отправителем и получателем информации, а ее прочие прагматические свойства сопровождают эту функцию. Оно помогает создать впечатление, что то или иное мнение не навязывается автором, а есть результат их совместных рассуждений. Применение обращения вовлекает читателя в активную мыслительную работу в связи с той или иной политической проблемой.

Особая коммуникативная роль в реализации апеллативности принадлежит обособлениям. Как известно, они представляют собой выделение какого-либо неглавного члена предложения в целях сообщения ему самостоятельной коммуникативной значимости. В немецком предложении обособление часто связано с нарушением или разрушением его рамочной конструкции, что делает речь более динамичной, выразительной, непринужденной. Общей чертой обособленных членов, в отличие от необособленных, является то, что они обладают большим прагматическим весом, выделяют, подчеркивают обозначаемую ими деталь.

Явление изолирования, придающее второстепенным членам статус самостоятельных предложений, представляется также важным синтаксическим средством, способствующим реализации прагматики на данном уровне языковой системы.

Как подчеркивает Б. Совинский, изоляция отдельных членов предложения с помощью разделяющих знаков препинания (точек), представляя собой разновидность «открытого синтаксиса», содействует возникновению дополнительных ассоциаций [7, с. 119].

Несомненно, определенную коммуникативную нагрузку при реализации апеллативности несет повтор. В тех случаях, когда слово-мотив пронизывает несколько предложений, адресат получает возможность ощутить значимость сообщаемого, его внимание концентрируется на наиболее важных, с точки зрения адресанта, эмоциональных моментах.

Синтаксические параллельные конструкции расчленяют поток речи на определенные периоды, что создает ритм, мелодию и позволяет выделить основную мысль данного высказывания, обращая внимание на эту мысль, как особенно важную.

К синтаксическим приемам скрытого воздействия в политическом дискурсе, несомненно, от-

носится эллипс. Как отмечает Ю. Д. Апресян, синтаксически полные конструкции в основном семантически, а конструкции с узаконенным эллипсом часто прагматичны. Синтаксический эллипс представлен усеченными предложениями за счет редукции отдельных элементов конструкции, приводящей к синсемантии и лакунам в структуре, восполняемым из контекста или ситуации. Целью использования эллипса является привлечение внимания адресата. Употребление эллиптических высказываний основано на предпосылке адресанта, что адресат обладает определенными знаниями, почерпнутыми им из ситуации общения или контекста, и может сделать выводы на их основе. Это позволяет не вербализовать определенную часть информации, что было бы избыточным, а имплицировать ее [1].

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря [Текст] / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности. – Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – М., 1988. – С. 7–44.
2. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика [Текст] / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 231 с.
3. Лихачев, О. С. Проблема нонсенса в лингвистике [Текст] / О. С. Лихачев // Общая стилистика: Теоретические и прикладные аспекты. – Калинин : КГУ, 1990. – С. 71–80.
4. Сковородников, А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка [Текст] / А. П. Сковородников. – Томск, 1981. – 344 с.
5. Супрун, Е. А. Текстовые реминисценции как языковое явление [Текст] / Е. А. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
6. Gluschak, T. S. Funktionalstilistik des Deutschen [Текст] / T. S. Gluschak. – Минск: Вышэйш. шк., 1981. – 173 с.
7. Sowinski, B. Stilistik [Текст] / B. Sowinski. – Stuttgart : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1991. – 247 S.

Bibliograficheskiy spisok

1. Апресян, Ю. Д. Pragmaticheskaja informacija dlja tolkovogo slovarja [Текст] / Ю. Д. Апресян // Pragmatika i problemy intensional'nosti. – Akad. nauk SSSR. In-t jazykoznanija. – M., 1988. – S. 7–44.
2. Kolshanskij, G. V. Kontekstnaja semantika [Текст] / G. V. Kolshanskij. – M. : Nauka, 1980. – 231 s.
3. Lihachev, O. S. Problema nonsensa v lingvistike [Текст] / O. S. Lihachev // Obshhaja stilistika: Teoreticheskie i prikladnye aspekty. – Kalinin : KGU, 1990. – S. 71–80.
4. Skovorodnikov, A. P. Jekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka [Текст] / A. P. Skovorodnikov. – Tomsk, 1981. – 344 s.
5. Suprun, E. A. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie [Текст] / E. A. Suprun // Voprosy jazykoznanija. – 1995. – № 6. – S. 17–29.
6. Gluschak, T. S. Funktionalstilistik des Deutschen [Текст] / T. S. Gluschak. – Minsk: Vyshnejsh. shk., 1981. – 173 s.
7. Sowinski, B. Stilistik [Текст] / B. Sowinski. – Stuttgart : Fischer-Taschenbuch-Verlag, 1991. – 247 S.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Е. Н. Михайлова

Лингвистическая концепция Шарля де Бовеля (1479–1565)

В статье рассматриваются воззрения на язык Шарля де Бовеля (1479–1565) – яркого представителя французского гуманизма первой половины XVI в. Дается общий обзор проблем, затронутых в его трактате о языке. Анализируются ключевые термины его лингвистической концепции – «*varietas*» и «*idea*», которые по-своему отражают понимание им изменчивой природы языка.

Ключевые слова. Ренессансная лингвистическая традиция, Шарль де Бовель, изменчивая природа языка, происхождение и вариативность французского языка, принцип *varietas*, категория «*idea*» (архетип).

Е. N. Mikhailova

Linguistic conception of Charles de Bovelles (1479–1565)

The article deals with the language views of Charles de Bovelles (1479–1565), a prominent representative of the French humanism in the first half of the XVI th century and gives the general overview of the problems touched in his treatise about the language. The key terms of his linguistic conception – «*varietas*» and «*idea*» which in their way reflect his comprehension of the variable language nature are analyzed.

Keywords: Renaissance linguistic tradition, Charles de Bovelles, variable language nature, origin and variability of the French language, principle «*varietas*», category «*idea*» (archetype).

Лингвистические воззрения эпохи Возрождения все более притягивают к себе внимание историографов науки о языке, при этом ренессансный период все чаще называют важнейшим поворотным моментом в истории лингвистической мысли. Одним из первых эту мысль выразил в своей статье Р. Холл, назвав эпоху Возрождения «зарей» современной лингвистики, поскольку именно в это время, с одной стороны, были обозначены практически все значимые для лингвистики XX в. проблемы, с другой стороны, был сделан существенный шаг вперед в области выработки строгих лингвистических методов [Hall 1936: 106–107]. Включение в сферу рассмотрения все новых текстов, составлявших ренессансную систему знания о языке, дает ученым все больше оснований для того, чтобы говорить о том, что в эпоху Возрождения были заложены основы современной лингвистики [Augoux 1992: 25; Косарик 1995: 110–113; Степанова 2000: 145–148, 282].

Безусловно, первыми свой вклад в разработку новой теории и новой методологии в системе знания о языке внесли итальянские гуманисты. По-своему обогатили новыми решениями вопросы теории и практики описания языков и французские эрудиты, обратившиеся к лингвистической проблематике в начале XVI в. К числу первых французских авторов, предложивших самобыт-

ную лингвистическую концепцию, относится Шарль де Бовель (1479–1566).

Разносторонне образованный человек, эрудит, блистательный ученик Лефевра д'Этампля, один из наиболее известных ученых своего времени, де Бовель выступает и как самобытный филолог и оригинальный теоретик языка. Его концепция изложена в одной из первых в истории французской лингвистической мысли работ, написанных в жанре «рассуждений» о языке [Bovillus 1533]. При этом имя де Бовеля-лингвиста продолжает оставаться в тени многих именитых соотечественников, занимавшихся проблемами кодификации французского языка. Внимание историографов лингвистики приковано в основном к концепциям таких авторов, как Ж. Дюбуа, Ж. Дю Белле, Л. Мегре, Р. и А. Этьены, П. де ла Раме. Если в западноевропейской историографии лингвистики воззрения де Бовеля были предметом специального рассмотрения [Demaizière 1973, 1983; Schmitt 1976, 1979; Céard 1980], в отечественной историографии лингвистики имя одного из первых теоретиков французского языка практически не известно.

Между тем лингвистическая концепция Ш. де Бовеля заслуживает внимания не только как памятник лингвистической мысли столь яркой эпохи, какой была эпоха Возрождения, но и как

пример оригинальной концепции, которая позволяет по-новому взглянуть на историю западно-европейской лингвистической традиции, и в частности, на многообразие путей, которые были предложены в то время для рассмотрения разнообразия мира языка. Де Бовелем были не только обозначены, но и по-своему убедительно решены такие проблемы, как происхождение французского языка, вопрос о его связи с латинским языком и другими европейскими языками, проблема языковой эволюции и связанная с ней проблема языковой вариативности. Оригинальное решение этих проблем в работе одного из представителей блестящей плеяды французских гуманистов позволяет по-новому взглянуть на историю ренессансной лингвистической традиции во Франции. Более того, оно дает основание для рассмотрения проблемы филиации идей: ведь трактат французского ученого вышел в свет как раз в то время, когда в Италии разгорелась бурная полемика вокруг вопросов языка, вызванная знакомством гуманистов с трактатом Данте, впервые опубликованном в 1529 г. До этого, как пишет Л. Г. Степанова, трактат Данте был известен узкому кругу лиц по рукописи [Степанова 2000: 265].

Сравнительно небольшой по объему (107 с.) трактат де Бовеля имеет тяжеловесное (в духе времени) название: «*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum*» (Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен).

Своеобразная разноплановость содержания трактата, получившая отражение в его названии, послужили в свое время для Ф. Брюно основанием для того, чтобы рассматривать его как три разные работы, собранные в один конвюлют [Brunot 1913: 132]. В дальнейшем эту точку зрения разделяла и К. Демезьер [Demaizière 1983: 163]. Между тем разноплановость содержания трактата де Бовеля по-своему раскрывает авторский замысел: в первой части речь идет «о различии народных языков и разнообразии французского языка», вторая и третья части содержат внушительный по объему эмпирический материал, призванный подкрепить фактами общие «рассуждения».

Как памятник лингвистической мысли своего времени трактат де Бовеля отражает особого рода филиацию идей, охватывающую как предшествующую лингвистическую традицию, так и идеи, получившие отражение в работах его современников. При этом его трактат изобилует множеством отсылок к Библии, что отражает основной круг интересов его автора – богословие.

Как показывает текстологический анализ трактата, де Бовель выступает продолжателем античной традиции, где в рамках спора об аналогии и аномалии по-своему решались вопросы, касавшиеся «многообразия и единства» языка. Кроме того, де Бовель выступает продолжателем средневековой научной традиции, но не столько в плане проблематики, сколько в плане стиля изложения, системы доказательств и частично методов, посредством которых он объясняет описываемые языковые явления. Однако в большей степени де Бовель выступает как восприимчивый гуманистический идей начала XVI в. Его трактат представляет собой своеобразную квинтэссенцию одной из важнейших, а по сути, ключевых категорий ренессансного мировоззрения – категории «*varietas*» (разнообразия) [Михайлова 2016: 212–214]. Как пишет Л. М. Баткин, онтологическая сущность данного понятия, заимствованного итальянскими гуманистами из цicerоновской риторики, стала эпохальной мыслительной установкой Ренессанса [Баткин 1990: 105].

Как следует из названия, трактат де Бовеля посвящен проблеме языковой вариативности, или, по выражению де Бовеля, вопросам «многообразия языков мира и разнообразия французского языка». Ключевыми терминами в данной работе выступают, соответственно, «*differentia*» (различие) и «*varietas*» (разнообразие). В то же время, как показывает анализ трактата, не менее значимое место в понимании де Бовелем изменчивой природы языка, играет еще один термин – «*idea*», который обладает в его работе достаточно размытой семантикой. Как один из важнейших терминов философии неоплатонизма он приобрел в трактате де Бовеля новое, достаточно широкое содержание, включающее такие качества, как системность, устойчивость, целостность, нормативность, национальный дух [Михайлова 2016].

Стремление понять причины многообразия языков мира и разнообразия мира родного языка привело де Бовеля к необходимости оперировать не только обширным корпусом примеров из французского и ряда других языков, но и данными по истории и географии, истории культуры и эт-

нографии. Сведения, по-своему строго и методично изложенные на страницах этого трактата, говорят об исключительной эрудиции его автора. Не случайно в свое время о нем отзывались как о «несравненном де Бовеле» (*l'incomparable Charles Boüelles* [Demaizière 1973: 62]). Немало сведений лингвистического и исторического характера было заимствовано им из Библии, что отражает основной круг его научных интересов – теологию и философию.

Среди источников, на которые опирается де Бовель, имеются труды как античных, так и современных ему авторов: Плиний Старший, Вероз, Жюстен, Иоанн Тритемий и др. Однако чаще всего де Бовель обращается к трактату Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне». Помимо частых упоминаний имени Цезаря на страницах своей работы де Бовель использует в качестве образца для подражания и первую главу из его «Записок», в которой дается географический очерк Древней Галлии. По этому образцу де Бовель выстраивает третью главу первой части своего трактата, в которой рассматривается вопрос о границах распространения французского языка. Обозначив пять природных границ Франции (Альпы, Рейн, Океан, Пиренеи, Средиземное море), он замечает: «Вся Галлия по эту сторону Альп, окруженная этими пятью границами, та самая, что некогда вскормила людей с единым языком и общими привычками, ныне знает как различные нравы, так и различные говоры» [Bovillus 1533: 6].

Де Бовель является первым во Франции гуманистом, попытавшимся дать научное обоснование проблеме происхождения французского языка. Как известно, в эпоху Возрождения его истоки гуманисты чаще всего возводили к латыни, решая таким образом проблему защиты и прославления родного языка. С одной стороны, это было связано с высоким социальным статусом латыни, а с другой стороны, – с обилием латинизмов в словарном составе французского языка, что давало основание говорить о том, что он буквально «сделан» из латинского. Позиция де Бовеля в этом вопросе сводится к признанию смешанного характера французского языка, поскольку, как он пишет, этот язык «имеет в своем составе большое число варварских слов» [Bovillus 1533: 3]. Убедительные аргументы в пользу этого положения он находит во французских топонимах и в этимологии ряда французских слов, что, несомненно, было связано исключительным интересом, который гуманисты проявляли к истории своей страны и происхождению родного языка. Примечательно, что концеп-

ция де Бовеля сложилась до начала движения в защиту французского языка, инициированного Манифестом «Плеяды» (1549).

Проблема происхождения французского языка в концепции де Бовеля тесно связана с проблемой классификации языков, точнее, языков Западной Европы. Их классификация мыслится им как некая иерархия, вершиной которой является латинский язык. Близкими ему по своему словарному составу признаются итальянский, французский, испанский, которым противопоставлен немецкий язык [Bovillus 1533: 5].

Признавая исключительное многообразие французского языка, де Бовель полагал, что это все же единый язык, хотя и слишком «разнообразный» и «изменчивый». Пытаясь объяснить причины этого «разнообразия», он одним из первых в истории языкознания обратился к проблеме языковых контактов. Широко опираясь на факты истории, он предложил свою версию происхождения и эволюции французского языка, в известном смысле предвосхищающую современную теорию стратов. В частности, он пишет: «Я бегло осветил вопрос о вторжениях варваров, прошедших через Галлию или обосновавшихся в ней, для того, чтобы показать, что это имело отношение к французскому языку, который, хоть и восходит к языку Рима, тем не менее, кажется ныне непохожим на него, будучи по природе смешанным и в значительной степени отличным от латинского языка, так как он заимствовал множество варварских слов» [Bovillus 1533: 11].

Значительный интерес для истории лингвистической мысли эпохи Возрождения представляют собой рассуждения де Бовеля о причинах языковых изменений. Он видит их, с одной стороны, в «человеческом произволе, его стихийности и разнообразии»; с другой стороны, в числе причин, которые «портят и разнообразят народные слова», он называет «время, место и расположение планет» [Bovillus 1533: 3]. Как видим, в этой концепции причины языковой эволюции сводятся к «человеческому фактору», территориальной и исторической изменчивости языка, что и с позиций современной лингвистики выглядит вполне убедительно. Что касается формулы *ab hōgoscopo caeli*, часто упоминаемой на страницах трактата, то она отражает специфику ренессансной научной системы знания. В эпоху Возрождения такое объяснение считалось вполне убедительным, поскольку астрология в то время рассматривалась как высшая наука, позволяющая постичь скрытые

от непосредственного наблюдения связи явлений, дать единое истолкование мироздания.

По ряду вопросов, касающихся понимания природы языка, воззрения де Бовеля отличаются от воззрений представителей более поздних этапов лингвистического движения во Франции. Так, трактовка большинства поднимаемых им проблем связана с пониманием языка не столько как системы, хотя в его трактате широко используется термин «архетип» (*idea*), сколько как совокупности слов. Иными словами, его концепция является одним из примеров атомизма в языкознании, что и обусловило его приверженность воззрениям тех ученых, которые видели в языке не аналогию, а аномалию. Отсюда и горячее убеждение де Бовеля в том, что «народные языки» невозможно описать по модели известных латинских грамматик.

По-своему подходит де Бовель и к решению вопроса о превосходстве одного языка над другим. Как известно, этот вопрос занимал внимание западноевропейских гуманистов в течение всего XVI в. и подчас был предметом бурной полемики, результатом которой стало появление многочисленных апологий народных языков. Одна из глав трактата де Бовеля всецело посвящена этому вопросу. Призывая прекратить этот бессмысленный с его точки зрения спор, он пишет: «Скажи на милость, возможно ли что-либо решить в этом споре двух народов о том, чей языковой архетип более верен, если каждому нравится свой язык и для каждого именно он является наиболее совершенным?» [Bovillus 1533: 47].

Значимость трактата де Бовеля для истории лингвистической мысли обеспечивается не только совокупностью рассматриваемых им проблем и богатым эмпирическим материалом, но и использованием по-своему строгой системы методов анализа. Новаторство французского гуманиста состоит в том, что он увидел возможность объяснить изменчивую природу языка с опорой на данные «внешней истории», сумев объяснить таким образом изменения, претерпеваемые языком во времени и пространстве.

Наиболее широко в трактате де Бовеля представлен прообраз сравнительно-исторического метода, при помощи которого автор стремится выявить этимологию некоторых французских слов. В большинстве случаев прослеживается наблюдательность и удивительная прозорливость автора, который на обширном эмпирическом материале доказывает «смешанный характер» французского языка. Так, он рассматривает латинско-французские соответствия *causa* – *chose*, *debēre* –

debuoir, *pauper* – *proue*, etc., на основании чего выводит закономерности преобразований, которые латинские формы в течение времени претерпели во французском языке. О некоторых словах германского происхождения (напр., *forest*) он отзывается как о словах темного, неясного происхождения. Имеются в его трактате и случаи ложной этимологии (например, относительно слова *flèche*, которое он возводит к греческому *φλέγω*, то есть «жечь») [Bovillus 1533: 14].

Достаточно широко представлены в трактате де Бовеля и элементы сопоставительного анализа. В частности, на примере утвердительных и отрицательных частиц показано многообразие вариантов, представленных во французских диалектах начала XVI в.: «Жители Лотарингии, соседи верхних германцев, произносят *au*; жители Бургундии (соседи лотарингцев) – *o*; жители Окситании и Ош, владения которых по всей Франции обычно называют Лангедок по их манере утверждать, произносят: *aus* и *os*; жители Пуату произносят: *ouan*; часть белгов, как [например]; жители Амьена или Перроны: *oue* с *u* гласным; жители Сен-Кентена, Лаона и Эссы произносят *auu*; парижане – *ouy*; испанцы – *si*; жители Эно (*hainaut*) – *au*» [Bovillus 1533: 16].

Кроме того, в арсенале научных методов де Бовеля представлен метод бинарных оппозиций. Наиболее яркое отражение он получил в 46-й главе первой части трактата, где речь идет о сходстве и различии французских согласных (*figura oppositionis et affinitatis consonantium literarum*):

B C D F G I L M S Z Consonantes molles
(= Мягкие согласные)

P Q T V C G R N X S Consonantes duriores
(= Более твердые согласные)

[Bovillus 1533: 41].

Одна из причин, по которой лингвистические воззрения де Бовеля не получили должного отклика ни у современников, ни у потомков, в определенной мере связана с изменением направления лингвистической программы французского гуманизма в середине XVI в. Оно привело к тому, что некоторые из высказанных им идей вскоре оказались «вне фокуса» ренессансной парадигмы знания о языке, ориентированной на вопросы нормы. Появление логического и философского направлений в языкознании XVII–XVIII вв. в еще большей степени способствовало тому, что его лингвистическая концепция оказалась предана забвению.

Между тем нельзя не увидеть того, что предложенная Ш. де Бовелем концепция языка содержит идеи, которые отражают в общих чертах про-

блематику современной лингвистики и которые получили научное подтверждение в таких направлениях современного языкознания, как диалектология, фразеология, топонимика, этнолингвистика, диахроническая лингвистика. Несомненно, настало время для того, чтобы имя автора этой оригинальной концепции заняло достойное место в истории лингвистической мысли ренессансной Европы.

Библиографический список

1. Баткин, Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления [Текст] / Л. М. Баткин. – М. : Искусство, 1990. – 415 с.

2. Косарик, М. А. К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы – связь эпох [Текст] / М. А. Косарик // Вестник МГУ. Филология. № 5. 1995. – С.104–116.

3. Михайлова, Е. Н. Проблема языковой вариативности в концепции Шарля де Бовеля (1479–1565) [Текст] / Е. Н. Михайлова // Романские языки и культуры: от античности до современности: VIII Международная научная конференция: Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 26–27 ноября 2015 г. : Сб. материалов / Отв. ред. Л. И. Жолудева. – М. : МАКС Пресс, 2016 а. – С. 211–217.

4. Михайлова, Е. Н. Семантика термина «idea» в трактате Ш. де Бовеля «Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate» (1533) [Текст] / Е. Н. Михайлова // Иностранные языки: Лингвистические и методические аспекты: Межвузовский сборник научных статей. – Тверь : Изд-во ТГУ, 2016 б. – С. 287–292.

5. Степанова, Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI веков (от Данте до позднего Возрождения) [Текст] / Л. Г. Степанова. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2000. – 504 с.

6. Сулимова, Н. Г. История развития испанской грамматической мысли (XV–XIX вв.) [Текст] / Н. Г. Сулимова. – М. : МАКС Пресс, 2005. – 332 с.

7. Auroux S. (dir.) Histoire des idées linguistiques. Vol. 2. Le développement de la grammaire européenne [Текст] / S. Auroux (dir.). Liège, 1992.

8. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 2. [Текст] / F. Brunot. – Paris: F. Colin, 1927. – 495 p.

9. Céard J. De Babel à la Pentecôte : la transformation du mythe de la confusion des langues au XVI siècle [Текст] / J. Céard // Bibliothèque

d'Humanisme et Renaissance. XLII. – 1980. – P. 577–594.

10. Demaizière C. Charles de Bovelles. Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française [Текст] / C. Demaizière. – Paris : Hachette, 1973.

11. Demaizière C. La grammaire française au XVI-e siècle : Les grammairiens picards [Текст] / C. Demaizière.) – Paris: Didier-Erudition, 1983. – VIII, 1096.

12. Hall R. A. Jr. Linguistic Theory in Italian Renaissance [Текст] / R. A. Jr. Hall. // Language, 1936. N 12 / 2. P. 96–107.

13. Schmitt C. Charles de Bovelles, Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française (1533), une source importante pour l'histoire du vocabulaire français [Текст] / C. Schmitt // Travaux de linguistique et de littérature (14). – P., 1976. – P. 129–156.

14. Schmitt C. Bovelles linguiste [Текст] / C. Schmitt // Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479–1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14–16 septembre 1979. – P., 1982. – P. 247–263.

Источники

1. Bovillus Carolus. Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum [Текст] / Carolus Bovillus. – Parisiis, apud R. Stephanum, 1533. – 107 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Batkin, L. M. Leonardo da Vinci i osobennosti renessansnogo tvorcheskogo myshlenija [Tekst] / L. M. Batkin. – M. : Iskusstvo, 1990. – 415 s.

2. Kosarik, M. A. K probleme tradicii i innovacii v istorii jazykoznanija. Renessansnaja i sovremennaja lingvisticheskie paradigmy – svjaz' jepoh [Tekst] / M. A. Kosarik // Vestnik MGU. Filologija. № 5. 1995. – S.104–116.

3. Mihajlova, E. N. Problema jazykovoju variativnosti v koncepcii Sharlja de Bovelja (1479–1565) [Tekst] / E. N. Mihajlova // Romanskie jazyki i kul'tury: ot antichnosti do sovremennosti: VIII Mezhduнародnaja nauchnaja konferencija: Moskva, filologičeskij fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 26–27 nojabrja 2015 g. : Sb. materialov / Otv. red. L. I. Zholu-deva. – M. : MAK S Press, 2016 a. – S. 211–217.

4. Mihajlova, E. N. Semantika termina «idea» v traktate Sh. de Bovelja «Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate» (1533) [Tekst] / E. N. Mihajlova // Inostrannye jazyki:

Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej. – Tver': Izd-vo TGU, 2016 b. – S. 287–292.

5. Stepanova, L. G. Ital'janskaja lingvisticheskaja mysli' XIV–XVI vekov (ot Dante do pozdnego Vozrozhdenija) [Tekst] / L. G. Stepanova. – SPb.: Izd-vo RHGI, 2000. – 504 s.

6. Sulimova, N. G. Istorija razvitiya ispanskogo grammaticheskogo mysli (XV–XIX vv.) [Tekst] / N. G. Sulimova. – M.: MAKSS Press, 2005. – 332 s.

7. Auroux S. (dir.) Histoire des idées linguistiques. Vol. 2. Le développement de la grammaire européenne [Tekst] / S. Auroux (dir.). Liège, 1992.

8. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 2. [Tekst] / F. Brunot. – Paris: F. Colin, 1927. – 495 p.

9. Céard J. De Babel à la Pentecôte : la transformation du mythe de la confusion des langues au XVIe siècle [Tekst] / J. Céard // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. XLII. – 1980. – P. 577–594.

10. Demaizière C. Charles de Bovelles. Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française [Tekst] / C. Demaizière. – Paris : Hachette, 1973.

11. Demaizière C. La grammaire française au XVIe siècle : Les grammairiens picards [Tekst] / C. Demaizière.) – Paris: Didier-Erudition, 1983. – VIII, 1096.

12. Hall R. A. Jr. Linguistic Theory in Italian Renaissance [Tekst] / R. A. Jr. Hall. // Language, 1936. N 12 / 2. P. 96–107.

13. Schmitt C. Charles de Bovelles, Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française (1533), une source importante pour l'histoire du vocabulaire français [Tekst] / C. Schmitt // Travaux de linguistique et de littérature (14). – P., 1976. – P. 129–156.

14. Schmitt C. Bovelles linguiste [Tekst] / C. Schmitt // Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479–1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14–16 septembre 1979. – P.: 1982. – P. 247–263.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Философские основания «Опыта исторической грамматики русского языка»
Ф. И. Буслаева**

В статье рассматриваются теоретические основы учебного пособия для преподавателей «Опыт исторической грамматики русского языка», созданного Ф. И. Буслаевым в 1858 году на базе наставлений для воспитанников военных учебных заведений. Отмечается приверженность автора органистической концепции языка великого немецкого мыслителя Вильгельма фон Гумбольдта. Рассматриваются рецепции идей трансцендентальной философской антропологии В. Гумбольдта и их интерпретация в научно-методической практике Ф. И. Буслаева.

Ключевые слова: Вильгельм фон Гумбольдт, теоретические основы языкознания, философская антропология, отрефлексированные идеи, популяризация, органистическая концепция языка, саморазвивающаяся система, прием антропоморфизации языка, трансцендентальная философия, категория «духа», телеологическая миссия языка, интеллектуальный диалог с немецкой классической философией.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Philosophical grounds of F. I. Buslaev's essay Towards an Historical Grammar
of the Russian Tongue**

The article describes theoretical foundations of instructions for teachers «Towards an Historical Grammar of the Russian Tongue» written by F. I. Buslaev in 1858 on the basis of instructions for students of military schools. The writer showed commitment to the language organicist concept of the great German philosopher Wilhelm von Humboldt. The authors consider perception of W. Humboldt's transcendental philosophical anthropology and the interpretation of his ideas in F. I. Buslaev's scientific and methodological work.

Key words: Wilhelm von Humboldt, theoretical foundations of linguistics, philosophical anthropology, reflection, popularization, organicist concept of language, self-sustaining system, linguistic anthropomorphization, transcendental philosophy, category of spirit, teleological mission of language, intellectual dialogue with German classical philosophy.

Данная статья является продолжением серий публикаций, посвященных изучению творческого наследия выдающегося русского ученого Федора Ивановича Буслаева [10].

Практически во всех своих работах, посвященных теоретическим аспектам языкознания, Ф. И. Буслаев подчеркивает близость своих научных рефлексий о природе и происхождении языка с философскими воззрениями великого немецкого мыслителя, основоположника философской антропологии [7] Вильгельма фон Гумбольдта [1; 2; 3; 6]. Не является исключением и его научно-методическая работа «Опыт исторической грамматики русского языка», созданная как учебное пособие для преподавателей. Пособие было составлено на базе «наставления для образования воспитанников военных учебных заведений, высочайше утвержденного 24 декабря 1848 года» [4; 5].

«Опыт исторической грамматики русского языка» – одно из самых показательных сочинений Ф. И. Буслаева в плане установления интеллекту-

ального диалога с немецкой научной мыслью первой половины XIX в. Характер этого издания, относившегося к учебным пособиям, определял его предназначение и делал предельно ограниченным уровень философских обобщений¹. Однако научный багаж автора к моменту создания книги (конец 1858 г.) был настолько весом, а эвристический потенциал настолько велик, что он не смог отказать себе в намерении продемонстрировать научный кругозор, степень осведомленности в передовых европейских концепциях языкознания, глубину проникновения в предмет исследования. С этой целью он снабдил учебное пособие предисловием и введениями к обеим частям, в которых охотно репрезентировал свою теоретико-методологическую подготовленность для изложения и популяризации новейших достижений философской мысли в языкознании в целом и исторической грамматике – в частности, что, в свою очередь, дает и нам богатый материал для

изучения силы влияния ученой схоластики на буслаевский дискурс.

Адаптируя выводы своего идейного руководителя к уровню восприятия пользователей учебника [4. – Предисловие. – С. XXX], Ф. И. Буслаев, тем не менее, не упускает ни единой возможности познакомить свою аудиторию с новейшими теоретическими основаниями изучения родного языка, так как «вменил себе в обязанность в изложении предмета следовать лучшим сочинениям в литературе грамматической, не увлекаясь своими собственными исследованиями и соображениями» [4, с. XXXI]. Именем В. Гумбольдта он открывает список «лучших лингвистов нашего времени» [4, с. XXXI] и, не скрывая зависимости своей концепции от умозаключений этого философа о сущности языка и его миссии в культурно-исторической эволюции человечества, то в предельно открытом виде – со ссылками на автора, то, что чаще, – в имплицитном, предлагая только отрефлексированные идеи в качестве научных положений [4, с. XXXII], излагает хорошо усвоенное учение. Ф. И. Буслаев развивает преимущественно мысль немецкого исследователя о «живом организме» языка [2, с. 193, 194].

В. Гумбольдт рассматривал язык как одухотворенный организм, используя в качестве прототипа организм человека, поэтому «понятия души, вдохновения и другие понятия того семантического поля, которые используются обычно при характеристике человека, применяются и к языку» [11, с. 117].

Положив в основу своей органистической концепции уже сформированную в Германии философскую традицию, восходившую к телеологическому принципу И. Канта и «органической эстетике» И. Гердера [13, с. 81], В. Гумбольдт смог превратить эти базисные категории научного миропостижения при трансцендентальном стиле мышления в фундаментальные положения своей философской антропологии, привлекая в качестве эмпирического материала для теоретических построений сравнительное языковедение и историческое языкознание.

Язык, являясь, в трактовке В. Гумбольдта, антропологическим феноменом, сам приобретает антропологический характер. В сознании исследователя мир языка становится одушевленным, наделенным живой деятельностью, наполненным творческой изобретательностью, фантазией. Образом синкретической целостности языка, интерпретировавшегося В. Гумбольдтом и как мышление, и как мировосприятие, и как бытие, и как

мир, «отразившийся в человеке» [8, с. 198], служило понятие «организм».

Язык как «внутренне целый организм» выполнял роль камертона для «верной оценки частных» [8, с. 47]. «Мыслящая и в мышлении творящая сила» языка оказывает главное воздействие и на формирование человека, и на образ жизни сменяющих друг друга поколений языковой общности, «простым придатком» которой является индивид [8, с. 58, 83]. Язык обладает «устойчивостью», «текучестью», «пластичностью», поэтому он способен «хранить живое дыхание» людей, которые его используют, и насыщаться их переживаниями [8, с. 82, 83].

В. Гумбольдт наделяет язык «сознанием», которое проявляется хотя бы в его «инстинкте предчувствия всей [языковой. – М. Н., Т. П.] системы в целом» [8, с. 89]. Как у человека, у языка есть «интуиция», проявляющаяся в «обозначении нечувственных понятий» и сочетании простейших – образных – и абстрактных понятий [8, с. 104]. «Внутренняя, интеллектуальная сфера языка» предстает при обозначении им понятий и создании «законов построения речи» [8, с. 103]. «Гений» языка обнаруживается в поэзии и философии, в его влиянии на скорость протекания процессов социокультурной динамики, так как он ведет «ускорением развития идей, нарастанием мыслительной силы, углублением и утончением чувственности» [8, с. 106].

Язык как «живое порождение духа» имеет «окраску и характер», обладает «творческой силой», ведет «индивидуальную жизнь», а его «внешний и внутренний характер» влияет на «духовное своеобразие нации» [8, с. 162, 163, 167].

Идею «организма языка» – саморазвивающейся системе взаимосвязанных элементов, относящихся «к грамматическим формам и законам мысли» [4, с. XXX], в учебнике Ф. И. Буслаева уделяется самое пристальное внимание.

«Все построение языка, – указывал он, – от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое, в свою очередь, дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение между частями и целым именуется организмом языка. Только впоследствии, помощью науки, дошло до того, что стали разлагать это живое целое на отдельные части...» [4, с. 2, прим. Курсив автора].

По версии Ф. И. Буслаева, природа органичности складывается из естественного, хотя и пред-

определенного свыше, синтеза фонетических, грамматических и синтаксических компонентов языка в живущую по собственным внутренним законам целостность, которая придает каждому своему неотъемлемому элементу присущие всей системе смыслы и значения².

Для облегчения понимания теории органистической природы языка Ф. И. Буслаев, как и В. Гумбольдт, использовал прием сопоставимости организма языка с системой личности человека. В его изложении язык обладал способностью «производить названия самих предметов, оказавших на нас действие» [5, с. 10, § 112]; он, «следуя своим собственным законам при выражении мысли», иногда вступал «в видимое противоречие с законами логики» [5, с. 15, § 115]. Язык мог пользоваться «своими собственными средствами для выражения мысли, усваивая особенный, только ему одному свойственный, склад речи, в котором он значительно видоизменяет общие всем языкам законы логические» [5, с. 15, 16, § 115]. «Посредством членораздельной речи» язык может рисовать «нашему воображению предметы, их свойства и действия, выражая... впечатления, которые жизнь и природа на нас производят» [5, с. 15, § 115а]. Язык сам употребляет метафоры [5, с. 55, § 147], так как он «имеет способность одушевлять или оживотворять всю природу неодушевленную и отвлеченные понятия» [5, с. 55, § 148].

Среди других философских спекуляций В. Гумбольдта, оказавших влияние на становление научного мировоззрения Ф. И. Буслаева, важное место имели представления немецкого классика об «интеллектуально-телеологической миссии духа» [9, с. 310]. «Базисная» для немецкой классической философии рубежа XVIII–XIX столетий категория «духа» в значительной степени сформировала стиль мышления ближайших идейных предшественников и современников В. Гумбольдта, «тип и характер мысли» его самого [11, с. 3, 47; 14, с. 30, 31].

Дух трактовался ими как некое надприродное начало, первома́терия человеческого мира, универсум и первопричина всего сущего, первооснова реальности культуры. В качестве сверхиндивидуального субъекта в идеалистических системах разного рода, в том числе и в трансценденталистском их инварианте, под духом могли понимать бога, мировой разум, абсолютный дух, трансцендентальное «Я» [11, с. 46, 47, 65]. Главным атрибутом духа, то есть его неотъемлемым свойством, без которого он не мог ни существовать, ни мыслиться, признавалась его самопроизвольная

(спонтанная) разумная активность, непрестанно проявлявшаяся в разнообразных эманациях: языке, культуре, цивилизации.

В. Гумбольдт философски осмыслил проблему генезиса языка, сфокусировав внимание не на внешних факторах происхождения членораздельной речи и «набора лексических элементов», а на «глубине истоков» «языкового сознания» человечества [8, с. 47, 125], которое являлось «средостением» «деятельности мышления, чувственного восприятия» нации и «порождения духа» народа [8, с. 74, 75].

В. Гумбольдт ввел в языкознание понятие «дух народа» [12, с. 10], подчеркивая, что язык и духовная сила народа, выражающаяся в «национальном характере» [8, с. 47], генетически тождественны, существуют нераздельно и представляют собой действие одной и той же «интеллектуальной способности» народа [8, с. 68, 164]. Стремясь понять «национальный характер», на котором «основано все творческое в истории нации» [8, с. 47], он предлагал изучать различные аспекты бытования языка (словарный запас, грамматические структуры, фонетические принципы и т. д. – [8, с. 163]) и осуществлять сравнительный анализ языков всех народов, даже «самых примитивных» [8, с. 68].

В. Гумбольдту принадлежало еще одно понятие, представлявшее исключительную важность для развития в XIX в. теории языкознания, и литературоведения, теории и гносеологии истории, создания «народной психологии», – «языковое сознание» народа: оно, указывая на органическую целостность языка, имплицитно содержит в себе еще и акцентирование ментальных различий этносов и национальностей [8, с. 49, 64, 66, 80, 163, 165, 166].

Гумбольдтовская концепция языка, понимаемого одновременно и как эманация абсолютного духа и как фундаментальное свойство человека, также увидела свет в научно-методическом компендиуме Ф. И. Буслаева, хотя и в заметно «облегченном» от умозрительной схоластики виде.

Буслаевское видение философско-антропологического содержания языкознания сводится к нижеперечисленным позициям³.

«Язык есть не случайное изобретение... а необходимое выражение дара слова, которым Творец отличил человека от прочих животных» [4, с. 1, § 1]⁴.

«Образование языков сокрыто от нас в глубине веков, предшествовавших появлению народов на историческом поприще. Знаем только, что ни один

народ, даже на самой низкой ступени общественного быта, без языка не обходился» [4, с. 1, § 1]⁵.

«В самую отдаленную эпоху история находит народы уже разделенными на множество языков и наречий... Все они суть языки самостоятельные, и потому ни один из них не происходит от другого» [4, с. 2, § 2]⁶.

«Язык есть выражение мысли помощью членораздельных звуков; потому сверх законов мысли, определяемых в логике, подчиняется он еще и законам своего выражения, то есть законам сочетания членораздельных звуков... Язык как врожденное человеку искусство выражать мысль в словах подчиняется законам художественного творчества» [5, с. 14, 15, § 115.1]⁷.

«Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, то есть представлений, понятий, суждений... Представлением называется то впечатление, которое сохранилось в душе от предметов, оказавших действие на чувства» [5, с. 1, § 106, 107]⁸.

«В древнейшем периоде выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи... С течением времени язык все более и более теряет свои первоначальные свойства, состоящие в художественном и разговорном характере и отличающие его от свойств логического и отвлеченного мышления, а вследствие того, становится собранием условно принятых знаков, выражающих... только понятия и суждения» [5, с. 16, § 116]⁹.

«Все слова суть не что иное, как названия общих представлений и понятий, потому одно слово может выражать представление о различных предметах...» [5, с. 5, § 108]¹⁰.

Со словами, заимствованными из чужих языков, мы соединяем только общее понятие, упуская из виду частное впечатление, которое лежит в основе этих слов...» [5, с. 11, § 112]¹¹.

«Язык к мышлению находится в двояком отношении: с одной стороны, формы языка служат точнейшим выражением всех действий нашего мышления... с другой стороны, опыт каждого говорящего и пишущего свидетельствует, что мысль развивается в голове независимо от форм языка...

Такое противоречие в отношении языка к мышлению объясняется существом самого языка. Язык образовался... в ближайшей связи с раскрытием умственной деятельности целого народа, но независимо от личного мышления одного или нескольких людей. Потому логика языка точнее, строже и совершеннее логики отдельных лиц,

сколько бы проникательны и глубокомысленны они ни были» [5, с. 14, § 115]¹².

«Сопутствуя народу как в исторической его жизни, так и в размещении его по областям, язык претерпевает двоякого рода изменения: 1) во времени, в течение которого народом употребляется, и 2) по пространству, по которому он вместе с народом распространился» [4, с. 5, § 5]¹³.

«Грамматические формы изменяются... действием особенной силы, которая, вместе с основными законами, [определяющими «существенные свойства» языка. – М. Н., Т. П.], врождена всякому языку и которая действует в нем неукоснительно, пока он не вымер вместе с народом. Эта сила именуется употреблением» [4, с. 7, § 6; с. 8, § 7]¹⁴.

Сравнительный анализ этих тезисов, составлявших теоретический субстрат «Опыта исторической грамматики» Ф. И. Буслаева, с приведенными в примечаниях рассуждениями В. Гумбольдта, показывает, что наследие великого философа являлось резервуаром идей и мыслей, которые, благодаря автору учебника, превращались в «наследственную собственность» гимназистов. Значительно упрощенные и приспособленные к подростковому уровню восприятия, приводимые в изложении Ф. И. Буслаева фундаментальные положения философии языкознания теряли философскую глубину немецкого ученого, но сохраняли его взгляд на язык как на сокровищницу культурного развития человечества и его подходы к языку как к средству изучения ментально-психологических реакций народов на вызовы культурно-исторической среды.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] // Ф. И. Буслаев Догадки и мечтания о первобытном человечестве / Сост., подг. текста, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 470–493.
2. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] // Ф. И. Буслаев Преподавание отечественного языка: Учеб. пос. для ст-тов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Сост. И. Ф. Протченко, А. А. Ходякова. – М., 1992. – С. 25–373.
3. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] // Ф. И. Буслаев Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб., 1861. – С. 151–209.
4. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: Учебное пособие для препода-

вателей [Текст] / Составлено на основании наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений, ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 24-го декабря 1848 года: в 2 ч. – Ч. 1. Этимология. – М., 1858. – 244 с.

5. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: в 2 ч. – Ч. 2. Синтаксис [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М., 1858. – 428 с.

6. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – М., 2006. – С. 516–537.

7. Гулыга, А. В. Философская антропология Вильгельма фон Гумбольдта [Текст] // Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры: пер. с нем. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. В. Гулыги, Г. В. Рамишвили. – М., 1985. – С. 7–23.

8. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [Текст] / Пер. А. А. Алексеева, В. В. Бибикина, О. А. Гулыги, В. А. Звегинцева, С. А. Старостина // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М., 2000. – С. 3–298.

9. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития [Текст] / Пер. З. М. Мурыгиной // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 307–323.

10. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Интеллектуальные вызовы 30–60-х гг. XIX в. в научных рефлексиях Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 272–277; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Духовная жизнь народа: новое направление в творчестве Ф. И. Буслаева в эпоху господства культуры романтизма [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 209–218.; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Ф. И. Буслаев: идейно-политические акценты исследования проблемы народности [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 302–307; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Проблема народности в лекционных курсах Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 227–237; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Новые акценты теории народности Ф. И. Буслаева в эпоху Великих реформ // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 5. – С. 307–315; Новиков, М. В.,

Перфилова, Т. Б. Ф. И. Буслаев о ценностно-смысловом содержании древнерусского изобразительного искусства [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 6. – С. 365–377; Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Рецепции культурологических идей Я. Гримма в фольклорно-мифологических исследованиях Ф. И. Буслаева [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 1 – С. 294–305.

11. Постовалова, В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта [Текст] / В. И. Постовалова. – М., 1982. – 222 с.

12. Рамишвили, Г. В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания [Текст] // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – С. 5–33.

13. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М., 1997. – 456 с.

14. Шпет, Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта) [Текст] / Г. Шпет. – М., 1927. – 219 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / Sost., podg. teksta, st. i komment. A. L. Toporkova. – М., 2006. – С. 470–493.

2. Buslaev, F. I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka [Tekst] // F. I. Buslaev Prepodavanie otechestvennogo jazyka: Ucheb. pos. dlja st-tov ped. in-tov po spec. «Rus. jaz. i lit.» / Sost. I. F. Protchenko, A. A. Hodjakova. – М., 1992. – С. 25–373.

3. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – Т. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb., 1861. – С. 151–209.

4. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo jazyka: Uchebnoe posobie dlja prepodavatelej [Tekst] / Sostavleno na osnovanii nastavlenija dlja obrazovanija vospitannikov voennouchebnyh zavedenij, VYSOCHAJShE utverzhdenogo 24-go dekabrja 1848 goda: v 2 ch. – Ch. 1. Jetimologija. – М., 1858. – 244 с.

5. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo jazyka: v 2 ch. – Ch. 2. Sintaksis [Tekst] / F. I. Buslaev. – М., 1858. – 428 с.

6. Buslaev, F. I. «Sravnenie russkih slov s sankritskimi» A. S. Homjakova [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – М., 2006. – С. 516–537.

7. Gulyga, A. V. Filosofskaja antropologija Vil'gel'ma fon Gumbol'dta [Tekst] // Vil'gel'm fon Gumbol'dt. Jazyk i filosofija kul'tury: per. s nem. / Sost., obshh. red. i vstup. st. A. V. Gulygi, G. V. Ramishvili. – M., 1985. – S. 7–23.

8. Gumbol'dt V. fon. O razlichii stroenija chelovecheskih jazykov i ego vlijanii na duhovnoe razvitie chelovechestva [Tekst] / Per. A. A. Alekseeva, V. V. Bibihina, O. A. Gulygi, V. A. Zveginceva, S. A. Starostina // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju: per. s nem. / Obshh. red. G. V. Ramishvili; poslesl. A. V. Gulygi i V. A. Zveginceva. – M., 2000. – S. 3–298.

9. Gumbol'dt V. fon. O sravnitel'nom izuchenii jazykov primenitel'no k razlichnym jepoham ih razvitiya [Tekst] / Per. Z. M. Muryginov // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 307–323.

10. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Intellektual'nye vyzovy 30–60-h gg. XIX v. v nauchnyh refleksijah F. I. Buslaeva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 272–277; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Duhovnaja zhizn' naroda: novoe napravlenie v tvorchestve F. I. Buslaeva v jepohu gospodstva kul'tury romantizma [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 209–218.; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. F. I. Buslaev: idejno-politicheskie akcenty issledovanija problemy narodnosti [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 3. – S. 302–307; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Problema narodnosti v lekcionnyh kursah F. I. Buslaeva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 4. – S. 227–237; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Novye akcenty teorii narodnosti F. I. Buslaeva v jepohu Velikih reform // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 5. – S. 307–315; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. F. I. Buslaev o cennostno-smyslovom soderzhanii drevnerusskogo izobrazitel'nogo iskusstva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 6. – S. 365–377; Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Recepcii kul'turologicheskikh idej Ja. Grimma v fol'klorno-mifologicheskikh issledovanijah F. I. Buslaeva [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 1 – S. 294–305.

11. Postovalova, V. I. Jazyk kak dejatel'nost'. Opyt interpretacii koncepcii V. Gumbol'dta [Tekst] / V. I. Postovalova. – M., 1982. – 222 s.

12. Ramishvili, G. V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo jazykoznanija [Tekst] // Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. – S. 5–33.

13. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russkoj filologicheskoi nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – M., 1997. – 456 s.

14. Shpet, G. Vnutrennja forma slova (Jetjudy i variacii na temy Gumbol'dta) [Tekst] / G. Shpet. – M., 1927. – 219 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

¹ Более близкий к тексту оригинала – сочинению В. Гумбольдта «О различии строения человеческих языков...» – вариант трансляции концепции мыслителя, включая ставшие крылатыми выражения: «физиономия» языков и народов, «национальный характер», «гибкость и одушевленность» языка, содержится в работе Ф. И. Буслаева «“Мысли об истории русского языка” И. Срезневского» [1]. Самым ярким примером приобщения к философии языкознания В. Гумбольдта является исследование Ф. И. Буслаева «Областные видоизменения русской народности» [3].

² У В. Гумбольдта об этом сказано следующее: «Как непосредственная эманация органической сущности в ее чувственной и духовной значимости язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном...» [9, с. 308].

³ В примечаниях приводятся рассуждения В. Гумбольдта, вдохновившие Ф. И. Буслаева на подобные по смысловой наполненности идеи о природе и предназначении языка.

⁴ У В. Гумбольдта читаем: «...Все, что живет в материальном и духовном мире, можно считать продуктом единой силы, лежащей в основе всего и развивающейся по неизвестным нам законам... Есть такая древность, в которой мы не видим на месте культуры ничего, кроме языка... Язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов. Ему присуще... необъяснимое в своей сути самодеятельное начало, и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а непроизвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба» [8, с. 49, 50].

⁵ У Гумбольдта: «...Еще не было обнаружено ни одного языка, находящегося за пределами сложившегося грамматического строения... Язык не может возникнуть иначе, как сразу и вдруг...» [9, с. 308].

⁶ У Гумбольдта: «... Если мы по-настоящему прочувствуем существо языка вообще... если проникнем вплоть до точки сплавления мысли со звуком... то обнаружим, что в них действуют изнутри разные творческие начала. Тогда, отказавшись от гипотезы о постепенном развитии одного языка от другого, мы должны будем приписать каждому из них свой источник в душе народа...» [8, с. 56].

⁷ У Гумбольдта: «Сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [9, с. 315].

⁸ У Гумбольдта: «...Членораздельный звук характеризует лишь намерение и способность обозначать смысл, причем не смысл вообще, а смысл определенного представления мысленного образа» [8, с. 84].

«Звуковая форма... создана языком для выражения мысли. Но ее также можно представить и как некий каркас, в который как бы встраивается язык. Подлинное и полное творение звуковой формы могло относиться только к первым шагам изобретения языка, то есть к тому состоянию, которое нам неизвестно и которое мы предполагаем как необходимую гипотезу» [8, с. 96].

⁹ У Гумбольдта: «...Действительность у древних всегда со счастливой легкостью переходила в идею и фантазию и силой идеи и фантазии они оказывали на нее обратное воздействие» [8, с. 62].

«Очень возможно даже, что первое применение языка... было простым выражением чувства» [8, с. 170].

«Обозначение отдельных предметов внутреннего и внешнего мира глубже проникает в чувственное восприятие, фантазию, эмоции и, благодаря взаимодействию всех их, – в народный характер вообще, потому что здесь... природа единится с человеком, вещественность... с формирующим духом. В этой области, соответственно, ярче всего просвечивает национальная самобытность. Постигая предметы, человек сближается с внешней природой и самостоятельно развертывает свои внутренние ощущения... Великая разграничительная линия... проходит в зависимости от того, вкладывает ли народ в свой язык больше объективной реальности или больше субъективности» [8, с. 104].

«Пока дух народа с его живой самобытностью продолжает и действовать сам, и воздействовать на язык, этот последний совершенствуется и обогащается... Но... с течением времени может наступить эпоха, когда язык как бы перерастает своего спутника... и все менее [ведет. – М. Н., Т. П.] творческую игру со словесными оборотами и формами... Однако гений отдельных великих людей снова может пробудить языки и нации...» [8, с. 164].

«Языки имеют предел своей завершенности, после достижения которого уже не подвергаются никаким изменениям ни их органическое строение, ни их прочная структура» [9, с. 307].

¹⁰ У Гумбольдта: «...В период словотворчества в некоторых языках возникает множество обозначений одного и того же предмета: сколько обозначений, столько и свойств, через которые осмысливается предмет и выражение которых можно поставить на место предмета» [8, с. 166].

¹¹ У Гумбольдта: «Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира... поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определенной части человечества... Мы в большей или

меньшей степени переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление о языке...» [8, с. 90].

¹² У Гумбольдта: «Язык не является произвольным творением отдельного человека, а принадлежит всегда целому народу... В результате того, что в нем смешиваются, очищаются, преобразуются способы представлений всех возрастов, каждого пола, сословия, характера и духовного различия данного племени, в результате того, что народы обмениваются словами и языками... язык становится великим средством преобразования субъективного в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального к всеобщему бытию» [9, с. 318].

¹³ У Гумбольдта: «При всяком обозрении всемирной истории выявляется какое-то движение вперед... Народы и индивиды, словно лесная поросль, вегетативно, наподобие растений, распространяются по лицу земли... С появлением человека закладываются и ростки нравственности, развивающиеся вместе с развитием бытия. Это очеловечивание... происходит с нарастающим успехом... И все же... проявление человеческой духовной силы... не привязано к ходу времени и накоплению материала» [8, с. 49, 50].

«По своей... сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее» [8, с. 70].

«Подобно самому человеку, каждый язык есть постепенно развертывающаяся во времени бесконечность» [8, с. 171].

¹⁴ У Гумбольдта: «При рассмотрении языка... мы сталкиваемся с двумя явлениями – звуковой формой и ее употреблением для обозначения предметов и для связи мыслей. Процесс употребления обуславливается требованиями, которое предъявляет мышление к языку, вследствие чего формируются общие законы языка. Эти законы... едины для всех людей. Что касается звуковой формы, то она, напротив, представляет собой... ведущее начало различия языков... Как часть цельного человеческого организма, тесно связанного с внутренними духовными силами, она находится в зависимости от общих духовных склонностей нации, но сущность и причины этой зависимости окутаны почти непроницаемой тайной. На основе этих зависимостей и их глубокого внутреннего взаимопроникновения и складывается индивидуальная форма каждого языка» [8, с. 75].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов

Между футуризмом и пассаизмом: символизм как универсальный художественный стиль XX века

Статья представляет собой продолжение культур-философского исследования символизма в контексте противостояния двух традиций в русской культуре – модерна и романтизма. На основе размышлений о музыке, живописи, театре и литературе рубежа XIX–XX веков в России раскрыты динамические и прогностические аспекты символизма.

Ключевые слова: символизм, романтизм, примитивизм, визуальная культура, романтическая фаза, классическая фаза, архаика, футуризм, пассаизм, примитивизм, переходная эпоха, символизм, авангард, линейный принцип, бифуркация, универсальный стиль, музыкальность, театральность.

CULTURAL SCIENCE

N. A. Khrenov

Between Futurism and Passeism: Symbolism as the universal artistic style of the XX century

The article continues cultural and philosophic study of Symbolism in the context of two confronting traditions in the Russian culture – Modernism and Romanticism. Analysing the Russian music, painting, theatre and literature at the turn of XIX–XX centuries, the author reveals dynamic and prognostic aspects of Symbolism.

Key words: Symbolism, Romanticism, Primitivism, visual culture, Romanticism phase, Classical phase, archaic, Futurism, Passeism, transition period, avant-garde, linear principle, bifurcation, universal style, musicality, theatricality.

Стремление символизма стать универсальным художественным стилем, соответствующим творческому потенциалу начинающегося нового столетия во всех сферах жизни. Он должен был вызвать к жизни принципиально новые художественные формы, которых в истории искусства еще не существовало. Однако переходность эпохи на уровне культуры приводила к тому, что, выходя за пределы линейного принципа, он заметно заземлял свои новаторские формы на архаику, на ранние изобразительные формы. Опыт символизма связан с возникновением произведений – «текстов», которые можно рассматривать как интертексты, наполненные явными и латентными цитатами из искусства разных культур и эпох.

Символизм и примитивизм. Символизм как предвосхищение системы видения, реализовавшейся в визуальной культуре нового типа

Когда А. Белый говорит о символизме как проявлении модернизма, он в нем улавливает две ли-

нии – ориентацию на новизну и на воскрешение прошлого. «Начиная с «Мира искусства» и кончая «Весами», – пишет он – органы русского модернизма ведут борьбу на два фронта; с одной стороны, поддерживают они молодые дарования, с другой стороны – воскрешают забытое прошлое: возбуждают интерес к памятникам русской живописи XVIII столетия, возобновляют культ немецкий романтиков, Гете, Данте, латинских поэтов, приближают по – новому к нам Пушкина, Баратынского, пишут замечательные исследования о Гоголе, Толстом, Достоевском; возбуждают интерес к Софоклу, занимаются постановкой на сцене Еврипида, возобновляют старинный театр» [2].

Это признание уже о многом говорит и, в частности, об ориентации символизма не только на футуризм, но и на пассаизм. Однако перечислением и уходящих в прошлое, и воскрешаемых символизмом явлений, как это представлено у А. Белого, дело явно не исчерпывается. Может быть, в этом признании не улавливается даже суть

символизма, тяготеющего к гораздо более древним и архаическим традициям. Как мы убеждались, символизм вырастает из импрессионизма, а затем от него, в свою очередь, отпочковываются и другие течения авангарда. В большей степени, конечно, футуризм. Такое обособление футуризма развернется в противопоставлении символизму. По отношению к символизму футуризм проявит агрессивность.

Проследивая связи между импрессионизмом и символизмом, мы, следуя вельфлиновскому подходу, мыслим историю искусства в соответствии с линейным принципом. Соблюдение этого принципа в ситуации бифуркации явно неуместно. Представляется, что он не позволяет уяснить все те нюансы, которые для понимания символизма необходимы. Трудно понять символизм до конца, если не осмыслить ту его стихию, которая явно не продолжает импрессионизм, а его отрицает. Это отрицание импрессионизма важно в двух смыслах.

Во-первых, оно важно для того, чтобы преодолеть концепцию Г. Вельфлина, придерживающегося линейного принципа в истории искусства. Мы же задаемся целью в опыте символизма выявить иную, не линейную логику. Во-вторых, оно важно для того, чтобы понять, что в символизме уже получило развитие то, что потом в полной мере проявит себя в новой системе визуальности, оказавшейся возможной в результате вторжения в мир искусства технологий. В символизме впервые получило развитие то, что получит выражение в кинематографе.

Ставя перед собой эту задачу выявления иных, менее исследованных в литературе установок символизма, мы обязаны обратить внимание на связь символизма с примитивизмом или с неопримитивизмом, то есть реабилитацией самой настоящей архаики. Хотя этой темы разные исследователи постоянно касаются, дело, однако, дальше констатации обычно не идет. Смысл обращения символистов к архаике по-прежнему остается не до конца проясненной. Но дело не только в этом. Обращение символизма к архаике таит в себе разгадку взаимоотношений между традиционными и новыми техническими формами визуальной культуры.

Если следовать установке Г. Вельфлина, то кинематограф является наследником традиционной визуальной культуры, что получает выражение в оптической системе видения. Кинематограф ее подхватывает и продолжает. Вот почему его нередко называют ожившей живописью. С этим трудно спорить. Но все дело в том, о какой именно

живописи, точнее, о какой системе видения в живописи идет речь. Естественно, кинематограф многое в живописи заимствует. Но в том-то и дело, что новая визуальная культура с ее технологической основой явно не продолжает системы видения, возникшие в поздние эпохи истории живописи, например, ту систему видения, которая получает выражение в импрессионизме.

Оказавшись возможной на технологической основе, новая визуальная культура с самого начала устремляется к тем формам, которые впервые оказываются значимыми именно для символистов. Но эти формы от установок импрессионизма оказываются уже далекими. К тем формам, которые в эпоху символизма обозначали как примитивная живопись. «Мы стремимся к исканию новых путей нашему искусству, но не отвергаем вполне и старого и из прежних форм его, признаем превыше всех – примитив, волшебную сказку старого Востока... – писал А. Шевченко – Примитивы, иконы, лубки, подносы, вывески, ткани Востока и т. д., вот образцы подлинного достоинства и живописной красоты» [18]. Как обширную сферу художественной культуры, располагающуюся в эпоху «после Средневековья», между ученым искусством и крестьянским фольклором, определял примитив замечательный исследователь живописи Г. Поспелов [14].

Вообще, тяготение к примитивизму выходит далеко за пределы символизма, но в то же время и импрессионизма. Так, С. Маковский констатирует: все современные европейские школы живописи – в лихорадочных поисках примитивизма. Он считал, что вывести живопись из кризиса позволит лишь примитивизм. Но ведь что такое примитивизм как не возвращение к первоначальным изобразительным формам. «Возможен один ответ: – пишет С. Маковский – надо идти к началу, к основе того стиля, которым создалось величие русско – византийских церквей. К первичным примитивным формам древней красоты. Только в них может открыться забытая традиция, нужная современному творчеству. Только от них пути к будущему. Формы завершенные, определившиеся, знаменующие расцвет стиля – конец художественной эволюции. От этих форм некуда стремиться. Художники, мечтающие о новом примитивизме, должны их забыть. В далеком сумрачном лепете форм – возможность еще не сказанных слов красоты, еще неведомого языка. Даже если не суждено возродиться русской религиозной живописи из творческого примитивизма, попытки в этом направлении – единственное разрешение зада-

чи. Первично-византийское и первично-народное – отсюда все мосты на далекие берега. Искусство нашего XVII-го века не первично; в нем изысканность и определенность конца. Потому – не к этому искусству и не от него должны мы стремиться, мечтая о будущих храмах... Мудрый возврат к архаизму и глубокое проникновение в древнюю душу народа – вот первая задача нового церковного искусства. Исходная точка для нахождения той элементарности, тех зачаточных форм, которые могут развиваться в благоухающий примитивизм» [12].

С конца XIX века гипноз архаических форм распространяется по всему миру. Так, Х. Зедльмайр пишет, что новый идеал современной пластики связан с обращением назад, вглубь тысячелетий. Искусство примитивов решительно ставится выше искусства поздних эпох [8]. А вот еще более точное суждение авторитетного теоретика: «Время, равно как и искусство, пронизывает мощная тяга к бессознательному, к древнему и изначальному, к темному и глухому, к «низу» [6].

В этой же своей книге Х. Зедльмайр делает еще более глубокое суждение, позволяющее точнее представить суть переходности эпохи и новаций символизма. «И точно так же порыв к бессознательному, к доисторическому дает расцвет глубинной психологии, исследований первобытных народов, предистории и ранней истории человека, истории жизни и земли, что сопровождается односторонними, но великими открытиями. Как в искусстве, так и в науке человека тянет к обнаружению мира, лежащего ниже всего живого, ниже человека, а внутри человека – ниже его дневной жизни» [6].

Констатируя имеющие место в прошлом возвратные сдвиги в пластических искусствах, Х. Зедльмайр пишет: «В мировой истории уже неоднократно случалось, что после эпох, характеризующихся тем, что пластический элемент в них обладал особым статусом и более или менее определял все искусства, снова происходило его изгнание (переход от палеолита к неолиту, от микенского искусства к «геометрическому», от зрелой античности к поздней). То же самое касается и отказа от рациональной перспективной системы (все равно, какого она способа построения). Но никогда еще тектонический элемент в таком объеме не извергался из живописи и – как мы это вскоре увидим, – также из пластики. Во всяком случае, в нем никогда так глубоко не сомневались, как теперь, в начале XX столетия» [7].

Эта характерная для всего мирового искусства тенденция не прошла мимо русского искусства.

Так, в качестве иллюстрации этой тенденции можно было бы сослаться на таких художников, как Рерих, Богаевский и Бакст. Именно их выделил М. Волошин, когда попытался осмыслить тенденцию устремленности живописи к архаике. Несмотря на совершенно разные манеры названных художников, их объединяет, по мнению М. Волошина, одно: жажда архаики. «Мечта об архаическом – пишет М. Волошин – последняя и самая заветная мечта искусства нашего времени, которое с такою пытливостью вглядывалось во все исторические эпохи, ища в них редкого,пряного и с собою тайно схожего. Точно многогранное зеркало, художники и поэты поворачивали всемирную историю, чтобы в каждой грани ее увидеть фрагмент своего собственного лица. Любовь к архаическому была создана откровениями археологических раскопок конца XIX века» [4].

Устремленность символистов в предисторию искусства очевидна. Так, описывая открытия археологов, связанные с крито-микенской культурой, В. Брюсов восхищался сходством форм этой давно исчезнувшей культуры с символизмом. М. Волошин тоже утверждал, что в критской культуре обращает на себя внимание изысканность форм и сознание сладости бытия, что наводит на мысль о близости той далекой эпохи галлантному XVIII веку, искусство которого в эту эпоху вновь открывают [5].

В этом ничего удивительного нет. Ведь символисты убеждены в том, что символизм – это не одно из направлений, которых в первых десятилетиях XX века появится множество, а универсальное направление, точнее, новый универсальный стиль, что-то вроде готики или классицизма. Символизм приходит на смену угаснувшим в истории искусства великим стилям и утверждает себя как универсальный стиль. Поэтому символисты считали, что история искусства на всем ее протяжении – это история символизма («Всякое искусство по существу символично» [3]).

Так, конечно, не получилось. Символизм не стал универсальным стилем и не встал рядом с великими угаснувшими стилями и не сменил их. Очень скоро из него вышли многие направления и течения, которые сегодня называют авангардом. Оказалось, что в XX веке универсальный стиль вообще невозможен, что в доказательство распространяющегося в XX веке универсального кризиса искусства Х. Зедльмайр делает аргументом. Тем не менее, не став таким универсальным стилем, символизм, однако, продемонстрировал удивительный, но до сих пор необъясненный в искус-

ствознании феномен. Необходимость в осознании символизма требует уже не только искусствоведческого, но философского подхода. Того подхода к истории искусства, который еще в XVIII веке предложен Гегелем.

Хотя этот философский подход Гегеля, положенный им в основу эстетики, искусствоведами редко используется, он все же позитивен. Например, М. Дворжак этот подход удачно применял при изучении искусства Средних веков и Ренессанса. Так, Гегель предусмотрел, что на поздних этапах истории искусства в число лидирующих художественных форм выйдут музыка, живопись и поэзия. Но в прогноз Гегеля реабилитация архаики никак не вписывалась. Гегель не мог знать, что, врываясь в искусство, технологии нарушают логику становления и выражения Духа. Они, эти технологии, обязывают в истории искусства искать иную логику, чем та, что намечена сначала Гегелем, а потом Г. Вельфлиным. Не обнаружив этой иной логики, трудно иметь ключ к метаморфозам символизма.

Символизм как форма выражения романтической фазы по Гегелю

Удивительное дело, провоцируя обращение к Гегелю, символизм не то чтобы опровергает гегелевский подход, но позволяет на него взглянуть с несколько иной точки зрения. Как известно, история искусства у Гегеля предстает историей возникновения и становления Духа. В своем становлении Дух проходит три стадии: символическую, классическую и романтическую. На каждой из этих стадий Дух с помощью внешних форм выражения пытается выразить свойственные ему внутренние смыслы.

На первой, то есть символической фазе Дух пытается уяснить, что он такое есть и как передать открывшееся ему знание о себе и о мире с помощью внешней по отношению к нему предметно-чувственной реальности. На первой фазе гармонии не получается, поскольку сам о себе Дух еще не все знает. Процесс самосознания только начался. Адекватную форму выражения Дух найдет лишь на второй стадии, то есть на классической стадии. Но, познав гармонию и обнаружив во внешних явлениях адекватную себе форму выражения, Дух одновременно открывает, что его смыслы на самом деле до конца непередаваемы. Эта драма самопознания и познания развернется на третьей, то есть на романтической фазе.

Данная фаза для Гегеля совпадает с тем типом культуры, что возникает и проходит становление на Западе. Основой этой культуры является хри-

стианство. Что же касается предшествующей стадии, то Гегелем она отождествляется с античностью. То же, что предшествует античности и, прежде всего, восточные, как и вообще архаические культуры, Гегелем соотносятся с символической стадией в истории искусства. Так уж получается, что приходящие на рубеже XIX–XX веков на смену классическим формам формы выражения являются формами, названными Гегелем символическими. Это самые ранние в истории искусства формы. Но именно они и реабилитируются в символизме. Они явились следствием омертвления классических и романтических форм. Эта их неспособность выразить внутренние процессы Духа со всей остротой проявилась на рубеже веков.

Конечно, символизм, как и вообще романтическая традиция в целом, выражают драму самосознания фаустовского человека. На этой фазе виды искусства, доминировавшие на предшествующих стадиях, отступают перед поэзией, живописью, но в особенности перед музыкой. Дело доходит до того, что печать музыки начинает ощущаться во всех видах искусства. Так возникает понятие музыкальности, являющейся признаком не только музыки, но и всех остальных видов искусства. Так, в связи с «Симфониями» А. Белого один из критиков, констатируя выход музыки за пределы одного вида искусства, писал о сдвиге в эстетике следующее: «До недавнего времени искусство слова сознательно было в близких отношениях только с изобразительными искусствами, и эстетика, главным образом, имела в виду их взаимодействие; ныне все более и более центр тяжести перемещается в музыку; музыкальность (не только в смысле звучности и метрики) становится таким же качеством произведений словесного искусства, как живописность, рельефность, картинность; вдумчивые художники, независимо от своей специализации, ясно сознают, что необходим полный пересмотр эстетики» [19].

Тем не менее, у некоторых поэтов по отношению к наметившейся тенденции возникает сопротивление. Так, поддаваясь общему устремлению к музыкальности, поэты все же стремятся сохранить пластическую стихию даже в поэзии. Такая устремленность к пластике, например, характерна для В. Брюсова. Известно, что в ранний период творчества его привлекал заимствованный в восточной культуре прием намека, но со временем стиль поэта меняется. Как пишет Эллис, В. Брюсов как романтик-импрессионист превращается в поэта-пластика. Превращение объясняется тем, чтобы не утратить способность постигать

внутренний мир через внешний («То, что мучительно, болезненно, смутно и нестройно назревало и накоплялось в первый период – период предчувствий – страстно жаждет обрести форму и начать жить во втором периоде – периоде осуществления и воплощения» [20]).

Эту потребность в реализации форм, характерных для классической фазы, можно фиксировать и в творчестве других символистов. Тем не менее, давно канули в вечность эпохи, когда и скульптура, и музыка на ранних этапах истории подчинялись архитектуре как доминирующему виду искусства. Таким доминантным видом в эпоху символизма становится живопись, что соответствует логике гегелевской концепции. Так, А. Федоров-Давыдов констатирует, что живопись окончательно становится доминирующим видом пространственных искусств. Дело доходит даже до констатируемого исследователем вырождения скульптуры и архитектуры. Вырождение скульптуры связано с тем, что победа оптической формы, которая в эту эпоху достигает пика развития, означает закат скульптуры. Ведь оптическая парадигма – это антискульптурная парадигма.

Что касается архитектуры, то эпоха возвышения живописи стала обратной стороной угасания архитектуры, что началось, по утверждению А. Федорова-Давыдова, со второй четверти XIX века и продолжалось в последний период, несмотря на ее возрождение в возникшем к концу XIX века стиле «модерн». И вот вывод А. Федорова-Давыдова: «Подчинение художественной архитектуры методам живописи было следствием и показателем глубокого упадка и вырождения архитектуры как искусства» [15].

Так, проявлением внешне декоративной, отвлеченно-зрительной, «живописной» установки в архитектуре стал и так называемый пассеистический ретроспективизм, который не в меньшей мере проявился в архитектуре, нежели в живописи. Разновидностями этого ретроспективизма стали византийский стиль, петровское барокко, готика, ампи́р, итальянская классическая архитектура XVI века, античность, мусульманское искусство и т. д. [16].

Тем не менее, несмотря на трансформацию живописи и превращение живописности в универсальный стиль, что соответствует концепции Гегеля, лишь музыка позволяет Духу, ощутившему неполноту своего выражения в пластике и вообще во внешних формах, утвердить свою самоценность. Естественно, что все остальные художественные формы музыка начинает определять

уже в романтизме. Эта тенденция свойственна и символизму. Символизм подхватывает традицию романтизма и в этом смысле. «Музыка – пишет А. Белый – идеально выражает символ. Символ поэтому всегда музыкален. Перевал от критицизма к символизму неминуемо сопровождается пробуждением духа музыки» [3].

В качестве иллюстрации того, как музыка трансформируется в музыкальную стихию, пронизывающую все остальные виды искусства, сошлемся на опыт театра эпохи символизма, в частности, на метод театрального экспериментатора, находящегося под воздействием символизма В. Мейерхольда. Об этом свидетельствуют положения его статьи, опубликованной в 1908 году [13]. Обсуждая вопрос о двух эстетиках Художественного театра – натуралистической и импрессионистической, то есть чеховской, В. Мейерхольд явно не предстает сторонником натурализма, то есть реконструкции повседневности в ее мелочах, что напоминает ему фотографию. Свои предпочтения он отдает чеховскому направлению, имеющему возможность оформиться в новый театр. Сильная сторона этого театра связана с тем, что он пользуется приемом способного будить фантазию зрителя намека. Доказывая эту мысль, в качестве авторитета В. Мейерхольд ссылается на А. Шопенгауэра, которым зачитывались символисты.

Следующей сильной стороной импрессионистского театра для В. Мейерхольда является его музыкальность. Ведь что сильнее всего возбуждает столь ценимое символистами настроение? Конечно, музыка. Если символизм в качестве предпочитаемых видов опирается на поэзию и живопись, то на них уже лежит печать музыки. Романтическая стадия связана с угасанием пластики, определившей все эпохи классического искусства, будь то эпоха Перикла или эпоха Медичи и, соответственно, с утверждением духа музыки, что, собственно, в своей ранней работе и выразил Ф. Ницше, ставший для символистов кумиром. Так, известно, например, что «Симфонии» А. Белого навеяны поэмой Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

Символизм: магия театра. Реабилитация классической фазы в образе античной драмы

Улавливая в возникновении музыкальности и живописности признаки, общие на рубеже XIX–XX веков для всех видов искусства и, соответственно, подтверждение присутствия в опыте символистов установок, характерных для романтической фазы, мы в то же время не можем не констатировать и имеющиеся в опыте символи-

стов отклонения от этих установок. Такое отклонение связано с возвратом в эпоху символизма к классицизму. Такой возврат явно не соответствует логике, которую мы находим в эстетике Гегеля. Выражая настроения романтической стадии, символизм много делает для возрождения классики. Не случайно его иногда называют неоклассицизмом.

Так, Г. Лукомский вообще констатирует, что после попыток создать в 90-е годы XIX века новую архитектуру в виде модерна, мало что получилось. Более того, даже возникло отвращение к новшествам, и архитектура обратилась к воскрешению пластики Ренессанса. И вот констатация Г. Лукомского. «В то самое время, как живопись, искусство, в сущности, столь мало связанное с жизнью (у нас в современной России особенно!), – пишет Г. Лукомский – стремится к каким-то неведомым далям – архитектура, несмотря на многие новые материалы, несмотря на неожиданно получающиеся своеобразные формы построек, находит однако возможность уйти в глубь истории и черпает силы у давно минувших первоисточников. И такая архитектура от «пассеизма» пользуется признанием, более того – бесспорным успехом!» [10].

Но об этой реабилитации символизмом классического наследия многое говорит увлеченность идеями синтеза Р. Вагнера, для которого, как известно, классика ассоциировалась с античной драмой, способной демонстрировать единство всех видов искусства, то единство, которое когда-то позволяло создавать классические шедевры. Поэтому все символисты увлечены театром. Все стремятся воскресить античные формы театра, на котором, как известно, лежит печать скульптуры, античной пластики. Интерес к драме в ее античной форме означал интерес к классической фазе истории становления Духа. В театр приходят не только поэты, но и художники. Во многом новые формы театра определяются творчеством художников. Символисты осваивают театр и с ним связывают обновление культуры. Например, в этом преуспели художники, образовавшие группировку «Мир искусства».

Расцвет театрально-декорационного искусства театра этой эпохи во многом обязан В. Васнецову, М. Врубелю, К. Коровину, А. Головину, С. Малютину, Н. Рериху и другим [1]. Касаясь театральных эскизов М. Добужинского и А. Головина, А. Федоров-Давыдов пишет: «Надо, однако, помнить, что по своему выполнению мирискуснические театральные эскизы являются станковы-

ми картинами и что до 90–900-х гг. на театре художник, господствуя над режиссером и актером, видит в оформлении спектакля лишь случай дать грандиозную и оживленную живописную картину. Таким образом, театральность мирискуснического плана есть не простое воздействие театра, но специфическая изобразительная форма, специфический момент в освобождении от сюжетики» [17].

Гораздо более глубокое наблюдение над проникновением живописи в театр сделано С. Маковским. «Можно сказать, – пишет он – что знаменательно для наших 900-х годов расцвет театрального новаторства наполовину создан живописцами. До такой степени, что стало своевременным говорить о засилии театра живописью и *vice versa* – о порабощении живописи театром» [11].

Замечая, что разные направления внутри «Мира искусства» не всегда могли получить развитие и вызвать к себе интерес публики, С. Маковский говорит, что именно ретроспективизм в русской живописи с ее разноязычным историзмом и всевозможной фантастикой неожиданно нашел выход в театре и предстал весьма значимым явлением эпохи символизма. В этом выходе живописи за свои собственные пределы и, в частности, в театр весьма активную роль сыграли вкусы публики. «Толпа не понимала картин, но рукоплескала декорациям и костюмам – пишет С. Маковский, – И художники сделались страстными театрами, двинулись штурмом на храм Мельпомены, превратились в слуг ее ревностных, в бутафоров, гримеров и постановщиков. И драма, и опера, и балет были постепенно захвачены этой дерзкой, влюбленной в прошлое и открытой всем современным соблазнам живописью, изобретательной, народной, порой изысканной до извращения, порой варварски яркой, переходящей незаметно от манерности «стиля раковин» в экзотику мавританской «Тысяча и одной ночи», от петровской «Голландии» и ампирных веночков в балаганные Петрушки, от татарской роскоши Годуновских палат – в романтическую «Испанию» Теофиля Готье и Мериме, от сказочных туманностей северных саг – в узоры готических цветных стекол, от лубочной пестроты «Берендеевки» Островского-Васнецова – в лермонтовский маскарад Головина, от нежных сумерек судейкинской «Сестры Беатрисы» – в гаремное сладострастие его «Константинополя» из «Забавы дев» Кузмина, от драгоценных россыпей Врубеля в подводном замке Морского Царя – в языческую чару, далекую и жуткую, «Священной Весны» Рериха...» [12].

Однако в театр приходят не только художники, но и поэты. Среди обращающихся к театру символистов в первую очередь необходимо назвать Вяч. Иванова. Это его обращение к театру, с одной стороны, связано с увлеченностью идеями Р. Вагнера, а, с другой, идеями Ф. Ницше. Причем, для Вяч. Иванова театр – не самоцель, а средство приблизить появление новой органической культуры, что возможна в будущем. Конечно, идея драмы как именно той формы, в которой возможен синтез всех видов искусства, Вяч. Ивановым заимствована у Р. Вагнера, но у Вяч. Иванова она обрастает особыми нюансами. У него речь идет не о чисто художественных проблемах, а о смене культур вообще – отрицании существующей культуры и пророчестве о новой, более органической культуре.

Сближая символизм с романтизмом, Вяч. Иванов в то же время их разводит, ибо, как он утверждает, романтизм обращен в прошлое, а символизм связан с пророчеством о будущем, он обращен в будущее. По сути, суждения о театре Вяч. Иванова представляют проект создания принципиально нового театра, который бы позволил преодолеть негативные стороны существующей культуры, а именно, индивидуализм. Для него театра предстает соборной стихией, которая способна обновить и оздоровить не только театр. Она благотворна для всей культуры и, еще более конкретно, она позволяет избавиться от индивидуализма. Для Вяч. Иванова соборность – синоним всенародного искусства, коллективной стихии, способной превратить индивидуальное сознание в орган коллективного, даже вселенского единичества.

Чтобы этого достичь, необходимо исходить из реформы существующего театра. Каким он должен быть? Здесь Вяч. Иванов подхватывает идею Ф. Ницше о возрождении мифа. Для него драма, какой она должна быть, неотрывна от мифа. Ведь миф – это именно коллективная, соборная стихия. Лишь трансформируясь в миф, драма становится по-настоящему символической, поскольку символ по своей природе сверхиндивидуален. Но как осуществить проект реформы театра и превратить театр в средство распространения ценностных установок символизма, если на рубеже веков общество индивидуализировано и дифференцировано?

Установка на возрождение мифа, символа, соборности и, соответственно, драмы духу эпохи противоречит. Выясняется, что обращенность символизма в будущее – лишь одна его сторона. Другая же его сторона связана с возвращением в прошлое. Органическая эпоха, о которой пророче-

ствуют символисты, не только впереди, но она уже была. Вот почему для Вяч. Иванова, чтобы реабилитировать драму, необходим возврат в досократовскую эпоху. Индивидуализация культуры, как и столь обращающий на себя индивидуализм искусства, – это установка романтической фазы в истории духа. Эту установку следует преодолеть. Такое преодоление разворачивается с помощью выдвижения в центр системы искусства уже не архитектуры, как это имело место на предшествующих фазах, а музыки.

Собственно, называя музыку доминантным видом искусства, причем, в наступающую органическую эпоху, Вяч. Иванов, по сути дела, выражает суть современной ему романтической фазы в становлении Духа. Казалось бы, это противоречит его идее культивирования драмы, возвращающей из романтической фазы в классическую фазу. Но противоречие снимется, если проект Вяч. Иванова рассматривать с точки зрения не линейного, а циклического принципа. Золотой век или органическая эпоха – это не только будущее, но и прошлое. Способствуя приближению органической эпохи, Вяч. Иванов вынужден реабилитировать в истории культуры уже известные формы.

Разумеется, в данном случае Вяч. Иванов подпадает под влияние идеи Ф. Ницше о «вечном возвращении», о том, что всякая новая культура рождается из духа музыки. «Будущая органическая эпоха – пишет Вяч. Иванов, – не может не быть более одухотворенной, чем эпохи, ей предшествовавшие: фетишизм, этот вечно живой, глубоко живущий культурный фактор, не исчезнет, но, вероятно, предстанет в утонченнейшем своем аспекте, – быть может, как фетиш – мелодия или музыкальное внушение. Как бы то ни было, музыка, которая с поры Бетховена и Вагнера заняла в нашем эстетическом сознании подобающее ей место как зачинательница и руководительница всего будущего синтетического действия и искусства, является и в перспективе грядущей органической эпохи, равно предназначенною к владычеству и гегемонии во всей сфере художественного творчества» [9].

Кажется, что, выдвигая в центр системы видов искусства музыку и не противореча в этом смысле гегелевской концепции, Вяч. Иванов отвлекается от своего главного проекта, связанного с драмой. Но ведь, имея в виду драму будущего, под ней Вяч. Иванов подразумевает театр будущего, а не настоящего. Чтобы предлагаемый им проект осуществился, необходима радикальная реформа театра. В настоящем же своем виде театр неприемлем.

Библиографический список

1. Азизян, И. Указ. соч. [Текст] / И. Азизян. – С. 250.
2. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – М., 1994. – С. 338.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание [Текст] / А. Белый. – С. 246.
4. Волошин, М. Архаизм в русской живописи (Рерих, Богаевский и Бакст) [Текст] // Аполлон, 1909. – № 1. – С. 43.
5. Волошин, М. Указ. соч. [Текст] / М. Волошин. – С. 47.
6. Зедльмайр, Х. Указ. соч. [Текст] / Х. Зедльмайр. – С. 156.
7. Зедльмайр, Х. Указ. соч. [Текст] / Х. Зедльмайр. – С. 264.
8. Зедльмайр, Х. Утрата середины [Текст] / Х. Зедльмайр. – М., 2008. – С. 89.
9. Иванов, Вяч. Родное и вселенское [Текст] / Вяч. Иванов. – М., 1994. – С. 41.
10. Лукомский, Г. Неоклассицизм в архитектуре Петербурга [Текст] // Г. Лукомский. – Аполлон, 1914. – № 5. – С. 7.
11. Маковский, С. Силуэты русских художников [Текст] / С. Маковский. – М., 1999. – С. 80.
12. Маковский, С. Страницы художественной критики. Кн. 2. Современные русские художники [Текст] / С. Маковский. – СПб., 1906. – С. 89.
13. Мейерхольд, В. Театр (К истории и технике) [Текст] / В. Мейерхольд. – С. 123.
14. Пospelов, Г. Бубновый валет. Прimitив и городской фольклор в московской живописи 1910-х годов [Текст] / Г. Пospelов. – М., 1990.
15. Федоров-Давыдов, А. Указ. соч. [Текст] / А. Федоров-Давыдов. – С. 117.
16. Федоров-Давыдов, А. Указ. соч. [Текст] / А. Федоров-Давыдов. – С. 123.
17. Федоров-Давыдов, А. Указ. соч. [Текст] / А. Федоров-Давыдов. – С. 26; Федоров-Давыдов, А. Искусство промышленного капитализма [Текст] / А. Федоров-Давыдов. – М., 1929.
18. Шевченко, А. Нео-примитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения [Текст] / А. Шевченко. – М., 1913. – С. 9.
19. Эллис. Русские символисты [Текст] / Эллис. – Томск, 1996. – С. 212.
20. Эллис. Указ. соч. [Текст] / Эллис. – С. 133.

Bibliograficheskiy spisok

1. Azizjan, I. Ukaz. soch. [Tekst] / I. Azizjan. – S. 250.
2. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie [Tekst] / A. Belyj. – M., 1994. – S. 338.
3. Belyj, A. Simvolizm kak miroponimanie [Tekst] / A. Belyj. – S. 246.
4. Voloshin, M. Arhaizm v russkoj zhivopisi (Rerih, Bogaevskij i Bakst) [Tekst] // Apollon, 1909. – № 1. – S. 43.
5. Voloshin, M. Ukaz. soch. [Tekst] / M. Voloshin. – S. 47.
6. Zedl'majr, H. Ukaz. soch. [Tekst] / H. Zedl'majr. – S. 156.
7. Zedl'majr, H. Ukaz. soch. [Tekst] / H. Zedl'majr. – S. 264.
8. Zedl'majr, H. Utrata serediny [Tekst] / H. Zedl'majr. – M., 2008. – S. 89.
9. Ivanov, Vjach. Rodnoe i vselenskoe [Tekst] / Vjach. Ivanov. – M., 1994. – S. 41.
10. Lukomskij, G. Neoklassicism v arhitekture Peterburga [Tekst] // G. Lukomskij. – Apollon, 1914. – № 5. – S. 7.
11. Makovskij, S. Silujety russkih hudozhnikov [Tekst] / S. Makovskij. – M., 1999. – S. 80.
12. Makovskij, S. Stranicy hudozhestvennoj kritiki. Kn. 2. Sovremennye russkie hudozhniki [Tekst] / S. Makovskij. – SPb., 1906. – S. 89.
13. Mejerhol'd, V. Teatr (K istorii i tehnike) [Tekst] / V. Mejerhol'd. – S. 123.
14. Pospelov, G. Bubnovyj valet. Primitiv i gorodskoj fol'klor v moskovskoj zhivopisi 1910-h godov [Tekst] / G. Pospelov. – M., 1990.
15. Fedorov-Davydov, A. Ukaz. soch. [Tekst] / A. Fedorov-Davydov. – S. 117.
16. Fedorov-Davydov, A. Ukaz. soch. [Tekst] / A. Fedorov-Davydov. – S. 123.
17. Fedorov-Davydov, A. Ukaz. soch. [Tekst] / A. Fedorov-Davydov. – S. 26; Fedorov-Davydov, A. Iskusstvo promyshlennogo kapitalizma [Tekst] / A. Fedorov-Davydov. – M., 1929.
18. Shevchenko, A. Neo-primitivizm. Ego teorija. Ego vozmozhnosti. Ego dostizhenija [Tekst] / A. Shevchenko. – M., 1913. – S. 9.
19. Jellis. Russkie simvolisty [Tekst] / Jellis. – Tomsk, 1996. – S. 212.
20. Jellis. Ukaz. soch. [Tekst] / Jellis. – S. 133.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.02.2017
Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

В. А. Летин, Р. Е. Болтаев

Свет в художественном универсуме первой части трагедии Гете «Фауст»

В статье анализируется место света как основы бытия в художественном универсуме Первой части трагедии И.-В. Гете «Фауст». Определяется его природа (источники, интенсивность, продолжительность) в контексте религиозно-символической картины мира. Выявляются закономерности «световой» характеристики главных действующих лиц: Бога, Мефистофеля, Фауста, Маргариты.

Ключевые слова: свет, художественный универсум, символическое значение, символ, христианство, И.-В. Гете, «Фауст».

V. A. Letin, R. E. Boltayev

Light in the artistic universe of Goethe's tragedy Faust, Part One

The article analyses the place of light as the basis for existence in the artistic universe of Part One of J.-W. Goethe's tragedy Faust. The author determines its nature (sources, intensity, duration) in terms of religious and symbolic picture of the world and identifies some regularities of «light» characterising the main personages: God, Mephistopheles, Faust, Margaret.

Key words: light, artistic universe, symbolic meaning, symbol, Christianity, J.-W. Goethe, Faust.

Тема света как научная проблема в отечественном научном знании имеет богатую исследовательскую традицию. Она неоднократно была и предметом самостоятельных научных, в основном, религиозно-философских штудий [8], и входила в состав «комплексных» исследований [6], посвященных как анализу творчества отдельных авторов [2], так и целых художественных тенденций в искусстве [10]. В художественной культуре обращение к ней всегда связано с решением в произведении задач религиозно-философского характера [11]. В связи с этим, выбор гетевского «Фауста» для работы по данной теме кажется более чем закономерным.

Однако инерция восприятия литературы эпохи Просвещения как исключительно социально ориентированной оказывается настолько сильной, что даже в таком произведении, казалось бы непосредственно связанным с религиозной проблематикой, она ускользала от внимания исследователей. Это наиболее заметно в работах последних лет, посвященных как самому образу И.-В. Гете в культуре [7], так различным концептам его художественного универсума. В них, не смотря на близость сфере религиозного сознания [9] и, казалось бы, религиозного символизма [5], авторы остаются все-таки в сфере этой реальности [1], а предметом их интереса в первую очередь являются социально-психологические взаимоотношения персонажей [3].

Даже в исследовании И. Н. Лагутиной [4], посвященном проблемам «Символической реально-

сти Гете», эта тема практически не раскрывается. Тем не менее, отталкиваясь именно от этой работы, представляющей мир гетевских произведений в виде самостоятельного художественного универсума, мы и строим собственное исследование. Его цель – проанализировать роль света в пространстве первой части «Фауста». Первая часть трагедии имеет законченную сюжетную линию (история самоотверженной любви Гретхен) и в культурной традиции зачастую воспринимается как самостоятельное произведение. Так, создавая свою одноименную оперу (1859, либретто Ж. Барбье и М. Карпе), композитор Ш. Гуно ограничивается только событиями этой части гетевского произведения.

В задачи нашего исследования входит: выявить природу света, присутствующего в первой части гетевского «Фауста»; проанализировать его физические качества и символику. Мы полагаем, что это обогатит смысловую палитру произведения, позволит уточнить или оттенить особенности мотивации поступков героев этой истории.

На основе проведенного мотивного и образного анализов первой части гетевского «Фауста» мы пришли к выводу о том, что за каждым первостепенным действующим лицом трагедии не только закреплен свой тип света, но и каждый из них относится к свету исключительно индивидуально.

Бог: *Lux perpetua*. Тема света заявлена автором с самого начала произведения. И заявляется crescendo «Прологе на небе». Все пространство

над облаками залито солнечным светом. Однако самого «физического» солнца мы не видим. Носителем и источником света здесь оказывается Бог. Природа этого света – сияние. И в нем хор архангелов. «Солируют» трое из них: Рафаил, Гавриил и Михаил. Пафосное песнопение хора и реплики этих троих показывают единственность источника света, пребывание же в этом сиянии доставляет им высшее наслаждение. Однако этот ансамбль решается автором в ироническом ключе. Высокопарный слог исполняемых «хором» гимнов обнаруживает отсутствие личного отношения к свету каждого из них. Это делает их своеобразными «отражателями» Божественного света.

Иное дело Мефистофель. Характерно, что Гете выбирает своему inferнальному персонажу имя не связанное со светом (Люцифер).

Сарказм Мефистофеля противоположен по тональности архангельским песнопениям. Их гармонический строй противен Мефистофелю. Мефистофель, не имеющий души, существует вне света (о чем идет речь далее); он приходит только с одной жалобой на главное творение Бога – человека. Он пытается уверить Бога, что он зря одарил человека разумом – «отблеском божественного света». И приводит в пример судьбу Фауста. При этом, будучи человеком просвещенным, Фауст кажется начисто лишенным божественного дара, что делает его потенциально легкой добычей в глазах Мефистофеля. Однако, само то, что Фауст – человек, то есть существо, созданное по образу и подобию Бога, является неременным условием его присутствия. Гетевский Бог верит в человека и знает заранее, что любой разум, блуждающий во мраке, в конце концов, будет озарен лучом света. Об этом не знают ни Фауст, ни Мефистофель, но знает Бог. Так, актуализируя тему света, мы выявляем мотив пари Бога и Мефистофеля: пробуждение в Фаусте внутреннего света любви, ведь «любовь есть Бог».

С этого момента игра света и тени становится сложным и многоаспектным процессом в трагедии Гете.

Фауст: *de lumine*. Отношение Фауста к Свету в первой части трагедии носит «светобезный» характер. Его ощущения противоречивы: «Ах, две души живут в большой груди моей, Друг другу чуждые, и жаждут разделения!». Так автором намечается мучительно переживаемый им внутренний конфликт между интуитивной тягой к Свету и тем, что ошибочно принимается им за свет. Это противоречие пройдет через всю первую часть, чтобы разрешиться приобщением Фауста к Свету

горнему в финале второй части. Однако этот путь «блуждания во тьме», а точнее погружения во мрак inferнальной природы будет очень долгим. Инерция этого движения задается в самом начале первой части, когда мы впервые встречаем Фауста ранним утром в кабинете с высокими готическими окнами. Именно туда автор переносит нас из золотого сияния божественных высот Пролога.

Старик-ученый отчаялся постичь «всю мира внутреннюю связь». Он завидует Богу. И эта страсть ослепляет героя, делает его невосприимчивым к проявлениям божественного. А оно-то как раз и проявляется через свет. В первой же сцене автором вводится его антитеза: свет небесный и свет земной или огонь. Знаком первого выступают лучи луны и солнца, второго – лампы. При их свете мы позже увидим Вагнера и Гретхен. Небесный свет нисходит на Фауста в окно. Его нездешний характер, иная природа уточняются эффектом витражей, проникая сквозь которые он становится разноцветным.

Однако Фауст сидит в круге огненного света собственной лампы. И это свет тленный, дымный. При этом душа Фауста откликается на божественный зов. Вид месяца в окне радикально меняет желания Фауста: от «хочу все знать» до «хочу росой себя омыть». Однако это предчувствие окажется нереализованным. Он не вырвется из круга тленного света. Более того солнечный луч рассвета это послание Бога, будет использован им для того, чтобы прочесть магическую книгу и вызвать духа. Фауст буквально отворачивается от Света и автор дает резкую световую перемену: «Повсюду мрак и тишина / И лампа тихо угасает / кровавый луч один сверкает». Динамика красного станет нарастать по мере развития сюжета. И красные огненные отсветы будут сопровождать героя практически постоянно: от всполохов огня в сцене вызова Духа земли до адской бездны, разверзшейся у него под ногами в финале первой части. Кстати сказать, не замечаемой самим героем, но увиденной находившейся в пограничном состоянии безумной Гретхен. Однако динамика ухода от света для Фауста получает еще иронический акцент. В переломный момент общения с Духом земли появляется ученик Фауста Вагнер. Его «вторжение» в кабинет учителя Гете превращает в легкую пародию на появление Мефистофеля на небесах «Пролога». Он со своей лампой в руках, но в отличие от ровного света фаустовой, его пламя коптит и трепещет. Символическая деталь дает нам понять природу разума Вагнера. И она явно не такая ясная, как у его учителя. И при свете этих

двух «светильников» герои ведут длительный диалог о науках. Ирония Гете здесь заключается в том, что фоном для беседы становится рассвет: небесное светило поднимается и освещает весь кабинет Фауста. И, оставшись один в залитом солнечном свете пространстве, герой произносит важное для него резюме своей долгой жизни: «Блуждал во тьме, рассвета ожидая!». В свете предлагаемых обстоятельств ирония приобретает трагический оттенок, а читатель окончательно должен увидеть духовную слепоту Фауста не способного ощутить близость присутствия Божественного начала. Последним аккордом темы внутренней слепоты в этом эпизоде становится мысль о самоубийстве. Фауст видит сосуд с ядом. Только Фауст пытается убить себя и подносит к губам бокал, слышится звон колоколов и Хоровое пение. Фауст невольно обращает взгляд к окну и ...раскаивается в своем умысле. Но как только его покаяние превращается в нытье о своей земной жизни, Гете спасает читателя и самого Фауста, давая возможность вдохнуть теплого весеннего, прогретого солнцем воздуха.

Вера гетевского Бога в человека настолько сильна, что даже в такой, казалось бы безнадежной и «обидной» ситуации не покидает героя. Фаусту посылается источник божественного света – Гретхен.

Маргарита: *ad lux*. Наивная провинциалка наделяется автором мощным духовным потенциалом. Ее образ вполне вписывается в излюбленный гетевский типаж героини девушки-подростка и завершает ее: Лотты («Страдания юного Вертера», 1774; «Тайное сродство», 1809) и Миньон («Годы учения Вильгельма Мейстера», 1795). Особенностью этих героинь является ангельская природа их душ. Но в отличие от своих предшественниц, автор уготовил Гретхен судьбу трагической героини. Она не «предает» любовь во имя исполнения слова данного матери, как это делает возлюбленная Вертера, и в отличие от двух других, она гибнет, духовно повзрослев, став героической личностью, способной сделать собственный выбор.

Ее появление в жизни Фауста по сюжету пьесы подстроено Мефистофелем. Фауст видит ее на улице через окно кабака. Так Гете разграничивает миры ее (улица, дневной свет) и его (уже сумрачный и порочный интерьер). Но из этого притона она кажется Фаусту еще чище, еще светлее. Фауст тянется к ней, как к свету, но его желания уже отравлены Мефистофелем, и влечение приобретает исключительно физические характеристики. Далее практически каждое появление Гретхен бу-

дет связано с упоминанием о свете. Источник света, который озаряет ее в темное время суток, тоже лампа. Но в руках героини огонь лампы горит ровно и бездымно, словно в лампаде. При этом автором акцентируется не столько источник света, сколько освещенность образа героини. От этого создается впечатление светоносности самой героини.

Гретхен светла, и мир, окружающий ее, изначально светел. Но под влиянием чувства к Фаусту она все более уходит в тень. При этом ее взаимоотношения со Светом, в отличие от Фауста, «светостремительны». Но ее устремленность к свету парадоксальна, поскольку автор в связи с ней постоянно заставляет ее выбирать между внешним светом (мнением социума, стереотипами поведения) и ее желанием, опровергающим представления о добродетели, но основанном на искренней вере возлюбленному. Если изначально она появляется в дневное время при свете солнца, то постепенно солнечный свет меркнет. Буквально небо затягивают тучи, и лучам уже не пробиться сквозь них. Затем начинают сгущаться сумерки, и тень проникает в спальню героини. «О милый сумрак», – говорит Фауст об этой маленькой опрятной комнате. Но света здесь оказывается еще достаточно, чтобы противостоять нечестивым притязаниям Фауста. Ему едва ли не физически больно видеть Гретхен в этой чистой непорочной атмосфере, что и заставляет его в итоге бежать вместе с Мефистофелем из ее комнаты.

Фауст, ведомый Мефистофелем, увлекает Гретхен в пространство ночи. Свидание Гретхен и Фауста в беседке. Беседка как место свидания – это знак разрыва героини с пространством дома. Беседка – символ того, что Гретхен оказалась буквально «под колпаком». А ее отказ от мира природы происходит после убийства ребенка: мир для нее замкнулся стенами темницы, которые оказываются непроницаемы для солнечного света. Переворот в сознании и буквально мировоззрении Гретхен происходит в Соборе, где при свете церковных свечей она слышит голос злого духа и осознает весь ужас проникшей тьмы. Она попадает в тюрьму.

Тем не менее, именно здесь тема света применительно к Гретхен (и не только) достигает кульминации. Безумная героиня оказывается способной видеть трансцендентный мир, который раскрывается по духовной вертикали. Сначала ее ужасает бездна с адским пламенем, разверзшаяся под ногами Фауста и не замечаемая им, а потом душа героини возносится ангелами к райскому свету,

преодолевшему толщу каменных стен. К тому же она видит Мефистофеля в его истинном облике, она слышит хохот и скрежет подземного мира. Сама же героиня словно оказывается в центре этого разверзшегося мистического мироздания. Она делает трагический выбор, жертвуя последним, что осталось, – собственной душой – во имя любви к Фаусту. При этом она не видит Фауста, но слышит его и разговаривает с ним. Она словно его больше не чувствует, ведь его привела сюда не любовь, а страх быть арестованным, если она назовет в суде его имя.

И в этих, видимых в полном объеме только Гретхен и Мефистофелю обстоятельствах, в полную силу вспыхивает внутренний свет героини. Ибо любовь есть Бог. И продолжая евангельскую аксиому в логике Гете, скажем, что Бог есть Свет. Именно поэтому – спасена.

Душа Гретхен, сияя, устремляется в небеса, в Божественный свет, из которого до последней секунды слышится имя Любимого ею человека.

В этой сцене Мефистофель впервые испытывает страх. Он боится этого всемогущего Света. Эта сила заставляет их покинуть героиню и бежать именно в момент, когда ее внутреннее сияние достигает пика.

Мефистофель: *sine luce*. Его образ – антитеза Богу и, соответственно, Свету. Мефистофель – воплощение тьмы. И эту тьму оттеняет огонь. В отличие от бесплотного света, огонь обладает физическими характеристиками. Он обжигающ, дымен и, как следствие, зловонен. Он не столько освещает, сколько игрой теней и бликов-сплохов искажает облик людей и пространства. К тому же используется он при нечестивых обрядах и в практиках чернокнижия.

Он «озаряет» вызов духов и Мефистофеля Фаустом. Он горит в пещере Ведьмы, где в волшебном зеркале Мефистофель соблазняет Фауста видением Елены, это и костры Вальпургиевой ночи, наконец, он появляется в аду в финальном видении безумной Героини. При этом от сцены к сцене меняется его природа. Все менее становится огня-горения, все более – infernalного пламени. Мефистофель заставляет Фауста действовать в ночной темноте.

При этом он может и преградить Свету путь к Фаусту. Так, в сцене в лесу, в пещере при свете луны в одиночестве Фауст обращается к свету. Он осознает свою вину перед Гретхен. В его душе начинает формироваться раскаяние, но именно в этот момент появившийся Мефистофель заслоняет собой свет. И Фауст вместо того, чтобы спасти

душу Маргариты принимает решение погубить ее вместе с собой. Сама же Гретхен находилась в это время у себя в комнате за прялкой. Ее речь, ее жизнь, символически отражает образ нити-судьбы. Но при этом говорит она о свете очей Фауста. И мы понимаем, что он для нее источник света. По мере пробуждения чувства ее свет Веры становится сильнее. И это является главной проблемой для беса. Чем ближе развязка, тем чаще Мефистофель рядом с Фаустом, он не отходит от него ни на минуту.

Пасмурный день. Поле. Единственное место, где Фауст по настоящему жалеет о сделке с Мефистофелем. Но лучи солнца не достаточно сильны, чтобы пробиться через черную пелену неба. Мефистофель не замечает этого проявления. Он слышит только вопли Фауста.

Естественно, что рядом с отвернувшимся и отстранившимся от Света Фаустом появляется Мефистофель. Сначала в образе черного пуделя, приближающегося к герою «спиральными кругами». За этим пуделем летят искры. Позже в беседе с Мефистофелем Фауст увидит свет в Откровении. И Мефистофель в страхе проиграть Богу будет вынужден предстать перед Фаустом. Но Фауст, забыв о всяком душевном смирении, применяет силу Света не для изгнания, но для подчинения Мефистофеля. Чем в очередной раз отдаляется от Веры.

На самом деле этот свет не устрашает Мефистофеля: он убежден, что первой была тьма. И значит он сильнее и главнее этого света. Когда Фауст полностью и разумом и душой отвергает проявление света, Мефистофель также делает ошибку. Он предлагает Фаусту покинуть кабинет, тем самым давая шанс на право выбора.

Итак, проанализировав тему света первой части гетевского «Фауста» мы можем сделать следующие выводы.

Присутствие света, его динамика, закреплённость за отдельными персонажами его разных проявлений, различные качественные характеристики – все это оказывается важной составляющей художественного Универсума трагедии. Свет оказывается важным компонентом гетевской вселенной не только в качестве физического явления, но и в своей религиозной тональности еще и важным фактором мотивации действий персонажей, становясь либо индикатором, либо катализатором их чувств, прозрений и, увы, гибелей.

Библиографический список

1. Акидинова, Т. А. Образ природы в творчестве И.-В. Гете и его значение для экологической

эстетики [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 58–63.

2. Ермаковская, Т. А. Лексико-семантическое цвето-световое поле в прозе Б. К. Зайцева [Текст]: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. / Т. А. Ермаковская. – Москва, 2011. – 159 с.

3. Иванова, И. К. Поэтика романа И. В. Гете «Избирательное сродство» [Текст]: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / Иванова Ирина Константиновна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. – Санкт-Петербург, 2007. – 153 с.

4. Лагутина, И. Н. Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы [Текст] / И. Н. Лагутина. – Москва: Наследие, 2000.

5. Лапинская, С. В. Философия природы Гете [Текст]: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.03 / С. В. Лапинская. – Санкт-Петербург, 1996. – 180 с.

6. Лидов, А. М. Огонь и свет в сакральном пространстве [Текст] // Материалы международного симпозиума. – М.: Индрик, 2011. – С. 11–17.

7. Логинова, Н. Е. Культурологическая концепция И. В. Гете и русско-немецкие культурные и научные связи первой половины XIX века [Текст]: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Н. Е. Логинова. – М., 2001. – 157 с.

8. Свешников, А. В. Свет в изобразительном искусстве Средних веков и Возрождения [Текст] // Вестник славянских культур. – 2009. – Т. XI. – № 1. – С. 96–103.

9. Соболева, Е. И. Социальная и религиозно-философская обусловленность языка И. В. Гете в трагедии «Фауст» и ее переводах [Текст]: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Е. И. Соболева. – Краснодар, 2002. – 203 с.

10. Франческа дель Аква Стекло и естественный свет в формировании сакральных пространств Латинского Запада и Византийского Востока [Текст] // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. Сборник под редакцией А. М. Лидова. – М., «Прогресс-традиция», 2006. – С. 318–320.

11. Юшкина, Е. А. Поэтика цвета и света в прозе М. А. Булгакова [Текст]: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. / Е. А. Юшкина. – Волгоград, 2008. – 223 с.

universiteta. Serija 17. Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie. – 2013. – № 3. – С. 58–63.

2. Ermakovskaja, T. A. Leksiko-semanticheskoe cveto-svetovoe pole v proze B. K. Zajceva [Tekst]: dis-sertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.01. / T. A. Ermakovskaja. – Moskva, 2011. – 159 s.

3. Ivanova, I. K. Pojetika romana I. V. Gete «Iz-biratel'noe srodstvo» [Tekst]: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 / Ivanova Irina Kon-stantinovna; [Mesto zashhity: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena]. – Sankt-Peterburg, 2007. – 153 s.

4. Lagutina, I. N. Simvolicheskaja real'nost' Gete. Pojetika hudozhestvennoj prozy [Tekst] / I. N. Lagutina. – Moskva: Nasledie, 2000.

5. Lapinskaja, S. V. Filosofija prirody Gete [Tekst]: dissertacija ... kandidata filosofskih nauk: 09.00.03 / S. V. Lapinskaja. – Sankt-Peterburg, 1996. – 180 s.

6. Lidov, A. M. Ogon' i svet v sakral'nom prostranstve [Tekst] // Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. – M.: «Indrik», 2011. – С. 11–17.

7. Loginova, N. E. Kul'turologicheskaja koncepcija I. V. Gete i russko-nemeckie kul'turnye i nauchnye svyazi pervoj poloviny XIX veka [Tekst]: dis-serta-cija ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.03 / N. E. Loginova. – M., 2001. – 157 s.

8. Sveshnikov, A. V. Svet v izobrazitel'nom iskusstve Srednih vekov i Vozrozhdenija [Tekst] // Vestnik slavjanskikh kul'tur. – 2009. – Т. XI. – № 1. – С. 96–103.

9. Soboleva, E. I. Social'naja i religiozno-filosofskaja obuslovlennost' jazyka I. V. Gete v tragedii «Faust» i ee perevodah [Tekst]: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.19 / E. I. Soboleva. – Krasnodar, 2002. – 203 s.

10. Francheska del' Akva Steklo i estestvennyj svet v formirovanii sakral'nyh prostranstv Latin-skogo Zapada i Vizantijskogo Vostoka [Tekst] // Ie-rotopija. Sozdanie sakral'nyh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi. Sbornik pod redakciej A. M. Lidova. – M., «Progress-tradicija», 2006. – С. 318–320.

11. Jushkina, E. A. Pojetika cveta i sveta v proze M. A. Bulgakova [Tekst]: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. / E. A. Jushkina. – Volgograd, 2008. – 223 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Bibliograficheskij spisok

1. Akidinova, T. A. Obraz prirody v tvorchestve I.-V. Gete i ego znachenie dlja jekologicheskoy jestetiki [Tekst] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo

С. А. Добрецова

Михаил Соколов: грани бытия творческой личности

(выполнено по гранту РГНФ 15-03-00655 Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры)

В статье рассматриваются грани бытия творческой личности ярославского художника М. К. Соколова как результата отражения жизненных обстоятельств в творчестве, а именно склонность к экспериментам, творческий поиск (как в искусстве, так и в педагогике), критические условия житнетворчества, одиночество художника и его отражение в цикле рыбинских работ. Выявлена зависимость творчества М. К. Соколова от жизненных условий, в которых существовал художник.

Ключевые слова: творческая личность, грань, житнетворчество, бытие, М. К. Соколов, провинция, нусодинамика.

S. A. Dobretsova

Mikhail Sokolov: aspects of creative personality

The article deals with certain aspects of the Yaroslavl artist M. K. Sokolov's creative work as a reflection of his life circumstances in his art, namely, his inclination to experiment, creative search (both in art and in education), dramatic conditions of his life and creative work, loneliness of the artist and its reflection in his Rybinsk cycle. The author shows the connection between M. K. Sokolov's work and the artist's living conditions.

Key words: creative personality, aspect, life and creativity, existence, M. K. Sokolov, province, spiritual dynamics.

«Да, жизнь жестокая, но замечательная штука и как она чертовски разнообразно капризна, и у каждого свои пути», – М. К. Соколов. Эти слова были нами обнаружены в богатом эпистолярном наследии ярославского художника. Они и определили ракурс выбранной проблематики. Прежде всего, необходимо отметить, в каком значении нами будут употребляться слова «грани бытия», поскольку это понятие многозначно и многогранно, на наш взгляд. Так, например, по мнениям современных исследователей символизма (Т. И. Ерохина) [2] существовало несколько граней восприятия личности символиста. Федор Сологуб, будучи на протяжении длительного времени провинциальным учителем, воспринимал себя как великого декадента и наследника символизма, то есть Т. И. Ерохина предполагает, что существовало две грани восприятия личности символиста Ф. Сологуба – с одной стороны, внешняя грань – личность провинциального учителя, с другой стороны – внутренняя грань как личность великого символиста.

В статье мы рассмотрим грани бытия творческой личности как результат отражения тех или иных жизненных обстоятельств в творчестве художника. Иными словами, проявления творчества в зависимости от тех условий, в которых существует творец.

Творчество Михаила Соколова является предметом изучения многих исследователей. Наличие

большого количества литературы, посвященной его творчеству, объясняется, прежде всего, тем, что художник представляет собой творца, так называемого первого ряда, родиной которого является Ярославль. Мы рассмотрим ключевые события жизни художника, отразившиеся в его творчестве.

Начальное художественное образование М. Соколов получил в городских классах рисования под руководством П. Романовского и после их окончания уехал в Москву. Однако связей с родным городом он не терял и в 1918 году на выставке Ярославского художественного общества, где ему был выделен отдельный зал, он представил свои работы последних шести лет [1]. По свидетельствам искусствоведа Н. М. Тарабукина, экспозиция давала возможность проследить эволюцию художника. Среди выставленных произведений были ранние импрессионистические рисунки, в которых концентрировалась красота линий; формалистические работы, где мастер шел к упрощению формы через ее деформацию; живописные полотна с уходом от зрительных впечатлений о предмете; а также живописные рельефы, впитавшие в себя веяния современного искусства и новые поиски. Особо интересной становится деталь – публикации в местной прессе были полны глубокого непонимания, проявленного ярославским обществом к работам художника, и были

даже просьбы о пояснении художественных намерений М. Соколова [6]. Н. Тарабукин объясняет это глубоким провинциализмом, поскольку работы не являлись чем-то исключительным в контексте современных течений в живописи [6].

Необходимо отметить, что в этот период М. Соколов преподает в Ярославских свободных художественных мастерских. Его мастерская считалась футуристической. Как сам художник вспоминает об этом времени: «Мы были крайние левые – футурилы, делали живописные рельефы и прочая по положению того времени. Все это было превеликой глупостью, но все же как это было хорошо! Сколько веры было в истину всяких измов!» [5, с. 8]. Следовательно, мы можем предположить, что подобное воодушевленное настроение, а также педагогическая деятельность располагали к ряду творческих экспериментов, результатом которых и стали данные произведения. Таким образом, первая грань бытия личности – это склонность к экспериментам, творческий поиск (как в искусстве, так и в педагогике), характеризующий М. Соколова, как оригинальную творческую личность.

В середине 1920-х гг. художник уничтожил все, что создал до 1923 года. Как считают, исследователи (Н. П. Голенкевич) с уничтожением работ накопленный опыт не исчез, и эта акция помогла художнику яснее увидеть новые цели, одна из которых была подняться над реальностью, ибо М. Соколов всегда себя мыслил в контексте «надвременной культуры» (что может составлять еще одну грань личности художника).

Следующим исключительным, на наш взгляд, жизненным событием, которое мы определяем как еще одну грань бытования творческой личности – арест в 1938 году и дальнейшая ссылка в Сибирь на станцию «Тайга» (1938–1943). Необходимо отметить весьма интересный факт: условия жизни творчества художника были, по свидетельствам искусствоведа Н. М. Тарбукина, близкого друга М. К. Соколова, крайне тяжелыми. Физически он был близок к смерти, духовно – к одиночеству, непониманию, изоляции. Парадокс заключается в том, что именно в этот самый момент художник не оставлял творчества, находя новые формы и материалы. Он делал небольшие миниатюры на маленьких листочках бумаги, конфетных обертках, используя перо, карандаш. Предметом изображения были тайга, снег, сосны, животные, туманная мгла. Как пишет Н. М. Тарабукин об этом периоде творчества, «в маленьком пейзаже было запечат-

лено извечное молчание природы, сосредоточенное величие и монументальность» [6, с. 355].

Мы в этом процессе художественного творчества обнаруживаем проявление механизма нусодинамики, который заключается в том, что критические условия жизнедеятельности являются стимулом для бурной творческой жизни. Эту дефиницию рассматривала в своих работах Т. С. Злотникова, говоря о том, что русская культура «создавалась значительно чаще “вопреки”, чем “благодаря” как внешним обстоятельствам жизни их творцов, так и внутренним установкам и настрою» [3, с. 253]. Подтверждением этого становится эпистолярное наследие художника, который из ссылки описывал свое эмоциональное и творческое состояние: «... я не только не потерял своих живописных навыков (не работал 2,5 года), но в несколько раз усовершенствовал, пишется легко, как поется песня у соловья, никакого напряжения, но в то же время синтез и живописи и образа» [4, с. 15]. Об эмоциональном и творческом подъеме свидетельствуют также друзья художника: «Силы постепенно возвращаются к нему, он обретает прежнее жизнелюбие, жажду делиться впечатлениями, мыслями, взглядами на искусство» [4, с. 16]. Таким образом, вторая грань бытия личности художника М. К. Соколова раскрывается в критических условиях жизнестворчества, нашедших отражение в его работах.

На наш взгляд, этот «лагерный» аспект жизни можно обнаружить у М. К. Соколова и после возвращения из Сибири в Рыбинск. Он пишет своим друзьям: «Иногда мне хочется кричать от боли, видя как люди не понимают истинно прекрасного и восторгаются чепухой, всякими “красивыми бирюльками”; здешние художники – большинство самоучки, а два-три из них когда-то немного учились у кого-нибудь из художников. Общего языка у меня с ними, конечно, нет. Творчески никто не работает. Работают по заданию, пользуясь фото или репродукцией с картин, как-нибудь...» [5, с. 116]. В этот период М. К. Соколов создает серию картин маслом под названием «Птицы». В письмах художника мы обнаруживаем воспоминание о галчонке: «За это время трагически погиб мой галченок (загрызли крысы) – единая живая душа, близкая мне, – и та птичья» (письмо к Н. Розановой). «Да вы, оказывается, не знаете как погиб мой Галченок. Погиб трагически и бесславно, его в одну из ночей загрызли крысы. Не будет ли и моя участь, как у Галчонка? Тоже от крыс, только от двуногих?» (письмо к А. Софроновой) [5, с. 126]. Отметим, что в пись-

ме, адресованном А. Софроновой, М. К. Соколов пишет о галчонке с большой буквы, следовательно, мы предполагаем, что это существо было для художника очень важным, значимым и действительно близким в условиях провинциального общества, его не понимающего. Искусствовед Н. М. Тарабукин, характеризуя данную работу, отмечает особые черты этого изображения: «страшная “гойевская” вещь», «не создал “мертвую натуру”, а написал самое смерть», «самый страшный по безнадёжности “реквием”, «сплелись в зловещую гамму, словно выстрадавшую в жестоких муках» [5, с. 62].

В Рыбинске возникают циклы натюрмортов с цветами, рыбами, птицами, они несут отпечаток огромного жизненного опыта. Драма красоты, живущая рядом со смертью. «И разве нельзя многое простить жизни и даже ее ужасы, если существует красоты; и можно и должно» [5]. Таким образом, третья грань бытия творческой личности – это одиночество художника и его отражение в цикле рыбинских работ.

Мы выявили три грани бытия художника М. К. Соколова: первая грань – это склонность к экспериментам, творческий поиск (как в искусстве, так и в педагогике), характеризующий М. Соколова, как оригинальную творческую личность; вторая грань бытия личности художника М. Соколова раскрывается в критических условиях жизнестроительства, нашедших отражение в его работах; третья грань бытия творческой личности – это одиночество художника и его отражение в цикле рыбинских работ.

Библиографический список

1. Голенкевич, Н. П. Художественная жизнь Ярославля конца XIX – первой трети XX столетия. Творческие объединения. Выставки. Художники [Текст] / Н. П. Голенкевич. – М., 2002. – 110 с.
2. Ерохина, Т. И. Человек и текст: грани бытия русского символизма (1913) [Текст] / Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Том I. – № 4. – С. 178–185.

3. Злотникова, Т. С. Живой творец для власти ненавистен [Текст] / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Том I. – № 1. – С. 253–258.

4. Михаил Ксенофонович Соколов: к 120-летию со дня рождения [Текст] / сост. Н. П. Голенкевич, Т. А. Лебедева, И. А. Лейтес, Г. А. Цедрик. – М.: Русский Авангард, 2005. – 239 с.

5. Михаил Соколов в переписке и воспоминаниях современников [Текст] / сост., авт. предисл. и коммент. Н. П. Голенкевич. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 299 с.

6. Тарабукин, Н. М. Материалы для биографии художника Михаила Соколова [Текст] / Н. М. Тарабукин // Ярославский архив: Историко-краеведч. сборник. – М.; СПб, 1996. – С. 350–383.

Bibliograficheskiy spisok

1. Golenkevich, N. P. Hudozhestvennaja zhizn' Jaroslavlja konca XIX – pervoj treti XX stoletija. Tvorcheskie obedinenija. Vystavki. Hudozhniki [Tekst] / N. P. Golenkevich. – M., 2002. – 110 s.
2. Erohina, T. I. Chelovek i tekst: grani bytija russkogo simvolizma (1913) [Tekst] / T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – Tom I. – № 4. – S. 178–185.
3. Zlotnikova, T. S. Zhivoj tvorec dlja vlasti nenavisten [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – Tom I. – № 1. – S. 253–258.
4. Mihail Ksenofontovich Sokolov: k 120-letiju so dnja rozhdenija [Tekst] / sost. N. P. Golenkevich, T. A. Lebedeva, I. A. Lejtes, G. A. Cedrik. – M.: Russkij Avangard, 2005. – 239 s.
5. Mihail Sokolov v perepiske i vospominanijah sovremennikov [Tekst] / sost., avt. predisl. i komment. N. P. Golenkevich. – M.: Mol.gvardija, 2003. – 299 s.
6. Tarabukin, N. M. Materialy dlja biografii hudozhnika Mihaila Sokolova [Tekst] / N. M. Tarabukin // Jaroslavskij arhiv: Ist.-kraevedch. sbornik. – M.; SPb, 1996. – S. 350–383.

Дата поступления статьи в редакцию: 07.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Д. Н. Хмара

**Родовое самосознание – регулятивное основание конституирующей деятельности дворянина
(на примере дворянского рода Митковых)**

Автор статьи на основе анализа архивных источников определяет гербовую атрибутику, родословие, историю родового имени и деятельность семьи Митковых как взаимосвязанные элементы мироощущения дворянской семьи. Определено, что родовое самосознание выступает как основа генерации ментальных состояний, необходимых для конституирующей деятельности дворянина.

Ключевые слова: усадьба, Митковы, дворянский герб, родовое самосознание.

D. N. Khmara

**Ancestral identity as the regulating basis for institutionalizing activity of a nobleman
(based on the example of the Mitkovs family)**

The author of the article analyses archive materials and defines the coat-of-arms attributes, genealogy, the history of the ancestral estate and the Mitkovs' activity as interrelated elements of a noble family worldview. Ancestral identity is definitely the basis for generating special conditions necessary for institutionalizing activity of a nobleman.

Key words: estate, the Mitkovs, aristocracy coat-of-arms, ancestral identity.

Русская усадьба представляла собой сложное и неоднородное явление, ее «нынешнее идилическое восприятие не соответствует действительности» [10, с. 7]. 80 % усадеб принадлежало небогатым владельцам. Не все дворяне подавали прошение о выдаче им поколенной росписи и оформлении герба, так как это требовало больших хлопот и денег. Имели место подлоги и подделки документов при доказательстве дворянства [20]. Однако исследование мотивационных связей конституирования культурного пространства – идеального образования – возможно лишь при наличии соответствующих культурных образцов.

Источником формирования этого духовного продукта выступают не только культурные и социально-экономические повседневные практики индивида, но и воздействие родового самосознания как исходного момента, как основы мотивационных связей, позволяющих выделить в смысловом поле русской провинциальной усадьбы символическое пространство ментальной соотнесенности ценностных приоритетов родовой памяти с аспектами репрезентации личности дворянина, осознающего свою величайшую ответственность перед предками и перед всем человечеством.

В каждый период времени общественным сознанием востребованы определенные образы, вписанные в образ жизни социума и соответству-

ющие его системе ценностей. Собственно дворянство получило свое название как наименование привилегированного сословия в XVIII веке. Стремясь усилить его политические и нравственные позиции в рамках концепции просвещенного абсолютизма, Екатерина II жаловала привилегии как «права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» [5], предварительно обозначив, какие «суть ... роды» к таковому благородному сословию относились. Тщательно разработанные правовые документы [5, 13] позиционируются в информационной среде Нового времени как философские труды – носители эволюционного знания.

Ценностная ориентация, задаваемая в контексте документов, определяет социальную значимость дворянского рода Митковых в истории государства, в культурном пространстве.

Как «древние благородные роды, ...коих доказательства дворянского достоинства за сто лет и выше восходят», род Митковых был внесен в 6-ю часть Родословной книги: «Фотий Михайлов сын Митков с родом своим на основании Жалованной грамоты 82-й статьи внесен в дворянскую Владимирской губернии Родословную книгу в 6-ю часть» [19, л. 6]. А в соответствии с «Жалованной же грамоты 90-ю статьею» сын его, Платон Фотиевич Митков, подавал прошение о внесении его рода «в Дворянскую Московской губернии Родо-

словную книгу и в Дворянскую Родословную книгу С-Петербургской губернии»; был «с женою и детьми утвержден в дворянстве указом Правительствующего Сената Герольдии» [19, л. 8]. Как «всякий благородный род», род Митковых «представить имел доказательства своего достоинства»: поколенную роспись, жалованный высочайшей властью герб, «верстанье по дворянской службе поместьями» [5]. «Неопровергаемые доказательства благородства – ...поколенные и наследственные, восходящие сыну от отца, деда, прадеда и так выше», изложены в Родословной Митковых, составленной на основе старинных генеалогических разысканий, тщательных и документальных. Летописная регистрация важнейших событий прошлого помогает произвести их ментальную репрезентацию, выводит род из исторического небытия.

Целесообразно ознакомиться с «прошением» П. Ф. Миткова в собрание Московского дворянства; в нем представлены существенные данные для понимания значения и следствия документов, подтверждающих принадлежность к дворянскому сословию: г. Митков «...предоставил о службах предков своих справку Государственной Военной коллегии, две копии Герба, внесенного в Общий Гербовник родов 5-й части 1 отделения, о роде своем поколенную роспись, выданную из Герольдии родителю его, ... равно Грамоту Владимирского Дворянского собрания, послужной список, Список о имении по форме» [19, с. 8–11] (то есть соответственно «Жалованной грамоте» заполнена «Форма списка дворянского рода») – прим. Хмара. Далее следует подробное изложение того, что «из документов видно», и важная ссылка: «Все сие доказывается справками Архива Коллегии Иностранных Дел, Разрядного архива, Вотчинного департамента и Родословною Митковых».

Правительство обращало особое внимание на организацию и деятельность геральдмейстерских учреждений, и подтверждение дворянского статуса государственными документами повышало родовое самосознание.

С исторической реальностью связан символический образ-представление – дворянский герб. Герб рода Митковых внесен в часть 5-ю Общего Гербовника [2, 23]. Как официальный символ, он демонстрировал фамильную исключительность, имел ситуативное значение: подтверждение дворянства необходимо для внесения новых членов семьи в родословную книгу для поступления в привилегированное учебное заведение [19, с. 9] ... В то же время смысл знака как единицы визуаль-

ного контента, содержащего «ярко выраженную родословную информацию» [11, 20], абстрагирован от частной ситуации.

Описание герба дает ретроспекцию исторических событий с участием предков, которые достойно «Российскому Престолу служили дворянскую службу в разных чинах». Каждый элемент герба, созданного в духе лучших геральдических построений того времени, имел для владельца особый, зачастую сакральный смысл. Раскрытие семантики герба способствовало процессу мифологизации фамильного пространства в сознании потомков рода Митковых. «В голубом поле – серебряная звезда и под оною серебряная шпага... Щит увенчан дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями. Намет голубой, подложенный золотом» [2]. В гербовой традиции щит изображается как бы смотрящим на наблюдателя, «так что правая сторона будет левой для него» [11], что определяется как обозначение ментального смысла – субъективного пространства отражения. Символы красоты и величия (голубая финифть), чистоты и невинности (серебро), богатства и справедливости (золото), доблести (шпага), знатного происхождения и гражданской славы (шестиугольная звезда) – явились средством поэтической реконструкции фамильного времени. Отражен сюжет, получивший в геральдике название «погоня»: «в золотом поле – ездок, скачущий на вороной лошади, держащий в руке вверх поднятую палицу». Источником такой изобразительной составляющей герба рода Митковых послужили указания на реалии и предания: «Фамилии Митковых Степан ... в 1509 году послан был с Коломны до Рязани для препровождения Нагайского царевича и его посланцев» [2, 12].

Дополнительное свидетельство документально подтвержденного благородства – экслибрис, неременная принадлежность библиотеки знатного рода. Экслибрис «Из библиотеки М. П. Миткова» воспроизводит изображение герба владельца с указанием года первого упоминания фамилии предков в документах – 1509. В официальной копии герба рода Митковых дата отсутствует. Временной аспект ориентации сюжета относительно фамильной памяти показывает, что экслибрис является чем-то большим, чем охранным знаком, – средством передачи родовой ценности, сконцентрированной в одном образе. Многие годы книги из библиотеки Митковых хранят эту информацию [17]. Наряду с экслибрисом, на книгах хорошо различимы отиски фамильных

печатаей с явно выраженными гербовидными чертами.

Традиция употребления печатаей очень древняя. У частных лиц «долго не было гербов в настоящем значении этого слова, а место их до конца XVII века занимали печати... У некоторых лиц были печати со всеми признаками герба, но это не более как исключения, сделанные в пользу лиц знатных и образованных» [11]. Часть печатаей на книгах Митковых не имеет традиционных для герба щита и шлема, но деление пространства на два поля и гербовые фигуры присутствуют: в картуше под дворянской короной – шестиугольная звезда, шпага, всадник. Нижние завитки картуша огибает лента с латинскими литерами Mitkoff. Встречается и другая печать – идентичная геральдическому знаку. Значит ли это, что печать предваряет герб Митковых? Несомненно, – придавалось большое значение гербовому сознанию. Сохранились золотые часы с гравировкой: изображение герба, фамилия и имя Михаил Митков по циферблату [17].

Герб – один из атрибутов дворянского статуса – выполняет и мемориальную функцию. В «Московском некрополе» дано описание герба на надгробии М. П. Миткова, «под гербом год: 1509» [12].

Мемориальная функция в диалектической взаимосвязи с коммуникативной осуществляет способность служить «внешней памятью» человека и рода в целом, знаком «осознания историчности условий человеческого существования» [24].

Фамильные эмблемы визуально моделируют память нескольких поколений рода Митковых. Осмысленное «употребление гербового мотива» [20] соответствует «духовной генеалогии, связанной с передачей родового самосознания» [3].

Но признак благородства дворянина – не только происхождение из «благого» рода, отмеченного за военные заслуги. Через законодательные акты Екатерины II подход к пониманию дворянской системы ценностей как новых мировоззренческих ориентиров формируется по законам Нового времени. «На степень дворянства» возводят людей «добродетель с заслугою и честь» – правила, предписывающие любовь к отечеству, «ревность к службе, верность государю». Эти правила, «беспрестанно внушающие не делать никогда без честного дела» (орфография сохранена), «составляют существо дворянского звания», на них «преимущества дворянские должны все основаны быть» [13]. Аспектом ценностной ориентации – основы мировоззрения дворянина – становятся моральные стандарты. Для достижения обще-

ственного признания требуется неукоснительное соблюдение дворянской этики. Внешние атрибуты дворянского достоинства (мундир и шпага, обращение «ваше благородие»...) выражают ориентацию на статус, власть. Как психологические феномены, они формируют ментальные уровни – некий умозрительный идеал, новое понимание человека как деятельностного существа, призванного преобразовывать мир.

Стремлению доказать адекватность предназначения божественному замыслу, возможности привести в действие то, что имелось потенциально, соответствовали и интенциональные основания выбора имени. При наречении мальчиков в роду неоднократно выбирали небесным покровителем Архангела Михаила, «обладающего беспримерною духовною силою». Ему молятся о покровительстве трона и государства, о спасении и сохранении России. «Тем, кто украшается именем первого из Архангелов, то есть именем Михаил, приличнее всего отличаться ревностью к славе Божией, верностью царю небесному и царям земным, всегдашнюю войною против порока и нечестия...» [22]. В таком контексте вера в детерминированную судьбу формирует навык выражать свое Я в соответствии с философией имени как уникальное субъективное начало, сочетающее и реальные свойства, и приписываемые.

Общественное мнение относилось небезразлично к заветной 6-й части. К середине XIX в. в массе «породистого» русского дворянства (604 тыс. чел.) «фамилий, существующих прежде 1600 года», оставалось всего 738, «из которых многие уже угасли» [8].

Потомственное дворянство всегда считалось дворянством по преимуществу. Генеалогия несла в себе идею замкнутости, избранности. Это стремление к обособлению привело к созданию аристократических образовательных учреждений.

Род Митковых не обеднел, как другие, не стался со своей родовой поземельной собственностью, «исторически слившись с которой только и может держаться аристократия» [7, 9]; воспользовался прерогативой высшего класса – правом получения доступа к резерву знаний привилегированных учебных заведений. М. П. Митков заканчивает Императорский Александровский лицей [26, с. 108].

Целеполагание в соответствии со стандартами культурной и образовательной системы Лицея создает мотивацию на разработку стратегии поведения дворянина, ориентированного на реализацию себя в деятельности «для общей пользы».

Рассмотрим сущность феноменов в более широком контексте реальности. В середине 19 века Митковы приобретают в Ковровском уезде старинную усадьбу Чернцы-Воротынских. В писцовых книгах «письма и меры» 1583 г. описаны «пашни (земля худа)»; сенокосные угодья, участки леса. В селе – «церковь Архистратига Михаила, ...да под селом же мельница». Территориальная идентичность обозначенного в древнем документе «села Чернцы на реке на Ухтоме» приобретенным владением Митковых придавала объем всей истории локуса; здесь «гений места» локализован как «общий предок». Обозначены контуры границ имения, не подверглись трансформации названия: «Деревни Ломы, Пестрецово, Заболотное, Филиппово, Сосновка...Межа селу Чернцам от реки от Ухтомы вверх, ... да поперек Черного озера и до сосны, а на ней грань, да дорогою Рубскою по граням и по ямам через речки ...до Ухтомы, ...с какого места межа начата писать... При царе Василии Шуйском село Чернцы было пожаловано в поместье князю Ивану Федоровичу Волконскому, а в 1619 году имение было дано в вотчину тому же Волконскому» [16, с. 574–578, 589–593].

Ментальные смыслы влияют на восприятие времени, места, личностей бывших владельцев усадьбы (титулованное дворянство всегда пользовалось уважением дворянства родового). Древность документа идентична древности рода Волконских, древности рода Митковых... Живое переживание жизни предков и сопричастность чужой ушедшей жизни, способность тонко чувствовать в ткани усадебного пространства эффект присутствия трепетного бытия и ауры прошедшего времени усиливает ощущение сакральности места – места исторической памяти, освященного памятью рода. История старинного села, многовековое родословие прежних владельцев усадьбы, *Genius loci* явились средством понимания дворянской традиции особым образом организовывать усадебное пространство; несомненна совместимость интуитивного и рационального, и даже первоочередность ментального момента в механизме его организации. Возможность осознать себя частью исторической общности есть мотивация выстраивать модель поведения соответственно скрытым переживаниям, детерминированным этой традицией. Герб на воротах в усадьбу Чернцы-Воротынских – свидетельство символически обозначенной визуальной репрезентации рода Митковых – воспринимается как определенный исторический идентификатор и как компонент фамильной культурной традиции – основы соб-

ственной идентичности дворянина, пример «утверждения в усадебном пространстве символических обозначений духовных ценностей рода» [3].

Смена владельцев усадьбы Чернцы-Воротынских не умаляет семантической насыщенности культурного пространства. Его семантику определяет и наполняет ментальными смыслами родовое самосознание, реконструируя минувшее и заполняя лакуны в невымышленном историческом прошлом.

Интенциональность целостного мироощущения касается ментальных состояний и тех глубин сущности, которые эти состояния генерируют. Гербовая атрибутика, родословие, гений места, история места воспринимаются не как иллюзорная модель реальности; они играют конституирующую роль в усадебном пространстве, непосредственно образуя и саму личность. Творение самого себя происходит в самоидентификации со своим родом, на фундаментальном уровне конституирования, связанном с внутренним сознанием времени.

Система смысловых и структурных категорий правовых документов [5] явилась концептуальной схемой, которая не только обеспечивала место дворянства (и, в частности, рода Митковых) в социо-культурном пространстве России, но и мотивировала на актуализацию родового самосознания – регулятивного основания конституирующей деятельности дворянина.

Рассматривая «дворянское название как следствие добродетели» предков, «потомству нарицание благородное», дворянин воспринимает артефакты времени социальной реализации рода в качестве символов, которые органично входят в картину мира, выполняют мировоззренческие функции, обосновывая сложившуюся иерархию социальных статусов, учрежденную государством и божественным промыслом. Осознание дворянином практической связи с первоисточником – непреходящим образцом духовной истины, заложенным родословием, – явилось скрытым механизмом мотивации на создание идеальной формы культуры – «пространства реализации виртуальности» [14].

Происходит мысленное кодирование пространства как формирование среды, раскрывающей креативный потенциал дворянина; становится возможным «актуализировать богатство своих задатков» [1], мобилизовать индивидуальный опыт предков, знания, полученные в Лицее, для «осуществления социальных программ, распро-

странения идей и взглядов, языка и традиций...» [14]. Включение элементов родового самосознания в систему действий дворянина позволяет не только декларировать принципы, но и воплощать в жизнь идеи Просвещения, служа Отечеству на высоком посту чиновника в столице, гласным земского собрания в Шуйском уезде, основателем крестьянской школы в усадьбе Чернцы-Воротынских [16, 17, 26].

Образ усадьбы Чернцы-Воротынских, обогащенный локальной историей и «живыми преданиями» родословия Митковых, приобретает «генетически и исторически множественность значений, идеализируется и мифологизируется» [3].

Подлинная культура требует «благородной игры» [15, 25], «без некоторой степени согласия с «условностями» невозможна элементарная коммуникация». Противостояние «предметному анализу культурной действительности мифологичности, даже некоторой мистичности» [4] как частного проявления культурного пространства соответствует этому концепту и теме данного исследования.

«Личностная мотивация ... духовна, идеальна» [6, с. 160]. Коллективные универсальные паттерны явились проявлением родового самосознания – основы ценностной ориентации в культурном пространстве как системе регулятивных оснований человеческой деятельности и ее знаково-символического содержания.

Библиографический список

1. Быстрова, А. Н. Модель культурного пространства: граница и безграничность [Электронный ресурс] / А. Н. Быстрова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-kulturnogo-prostranstva-granitsa-i-bezgranichnost#ixzz4Xu2zx2X9>
2. Герб рода Митковых [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gerbroda.ru/arms/645.html>
3. Городнова, Л. Е. Смысловой континуум понятия «усадьба» [Электронный ресурс] / М. Г. Ваняшова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/smyslovoy-kontinuum-ponyatiya-usadba>
4. Городнова, Л. Е. Феномен провинциальной дворянской усадьбы в культурном пространстве России [Электронный ресурс] / Л. Е. Гордонова. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/458637.html>
5. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21 апреля 1785 г. [Электронный ресурс] – Режим

доступа:

<http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2400/>

6. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль. – СПб.: Алетейя, 2004.

7. Дворянство // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10150/#page/215/mode/1up>

8. Долгоруков, П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым [Электронный ресурс] / П. В. Долгоруков. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/nodes/4753>

9. Евангулова, О.Е. Художественная «вселенная» русской усадьбы [Электронный ресурс] / О. Е. Евангулова. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_05.htm#0_1

10. Каждан, Т. П. Художественный мир русской усадьбы [Текст] / Т. П. Каждан. – М.: Традиция, 1997.

11. Лакиер, А.Б. Русская геральдика [Электронный ресурс] / А. Б. Лакиер. – Режим доступа: <http://www.heraldrybooks.ru/book.php?id=1>

12. Московский некрополь [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://arc.familyspace.ru/archive/Moskovskiy_nekropol_t_2_1907_g_265/p-1

13. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/lib/book4370/53123/>

14. Орлова, Е. В. Культурное пространство: определение, специфика, структура [Электронный ресурс] / Е. В. Орлова. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura#ixzz4Xu5fskvg>

15. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/348229-vosstanie-mass-sbornik.html>

16. Полуярова, Д. Н. Архитектурно-парковый комплекс провинциальной усадьбы XIX – XX вв. как феномен культуры [Электронный ресурс] / Д.Н. Полуярова. – Режим доступа: https://www.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2011/t02n02/humscience_2011_t02n02.pdf

17. Полуярова, Д. Н. «Человеку предназначено творцом жить...»: особенности культуры провинциального имения Черницы-Воротынских [Электронный ресурс] / Д.Н. Полуярова. – Режим доступа: https://tkn.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2010/t01n02/humscience_2010_t01n02_108.pdf

18. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5973.

19. РГАДА. Ф. 154. Оп. 3. Д. 518.

20. Родовые предания в русской геральдике [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sovet.geraldika.ru/page/11049>

21. Российское дворянство. Список дворянских родов, внесенных в Родословные книги Дворянских Депутатских собраний губерний, наместничеств и областей Российской империи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://goldarms.narod.ru/russian-adel.htm>

22. Святой Архангел Михаил [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azbyka.ru/arxangely-nashi-pokroviteli>

23. Список дворянских родов, внесенных в Общий Гербовник Российской Империи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.runivers.ru/bookreader/book45096/#page/657/mode/1up>

24. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/intro.php

25. Хейзинга, Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры [Электронный ресурс] / Й. Хейзинга. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heiz/01.php

26. Хмара, Д. Н. Земская деятельность в контексте конституирования культурного пространства провинции // Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. № 3 [Текст] / Д. Н. Хмара. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016.

Bibliograficheskij spisok

1. Bystrova, A. N. Model' kul'turnogo prostranstva: granica i bezgranichnost' [Elektronnyj resurs] / A. N. Bystrova. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/model-kulturnogo-prostranstva-granitsa-i-bezgranichnost#ixzz4Xu2zx2X9>

2. Gerb roda Mitkovykh [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://gerbroda.ru/arms/645.html>

3. Gorodnova, L. E. Smyslovoj kontinuum ponjatija «usad'ba» [Elektronnyj resurs] /

M. G. Vanjashova. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/smyslovoy-kontinuum-ponyatiya-usadba>

4. Gorodnova, L. E. Fenomen provincial'noj dvorjanskoj usad'by v kul'turnom prostranstve Rossii [Elektronnyj resurs] / L. E. Gordonova. – Rezhim dostupa: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/458637.html>

5. Gramota na prava, vol'nosti i preimushhestva blagorodnogo rossijskogo dvorjanstva. 21 aprelja 1785 g. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2400/>

6. Gusserl', Je. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naja fenomenologija. Vvedenie v fenomenologicheskiju filosofiju [Tekst] / Je. Gusserl'. – SPb.: Aledeja, 2004.

7. Dvorjanstvo // Jenciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10150/page/215/mode/1up>

8. Dolgorukov, P. V. Rossijskaja rodoslovnaja kniga, izdavaemaja knjazem Petrom Dolgorukovym [Elektronnyj resurs] / P. V. Dolgorukov. – Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/nodes/4753>

9. Evangulova, O. E. Hudozhestvennaja «vselennaja» russkoj usad'by [Elektronnyj resurs] / O. E. Evangulova. – Rezhim dostupa: http://www.booksite.ru/usadba_new/world/16_0_05.htm#0_1

10. Kazhdan, T. P. Hudozhestvennyj mir russkoj usad'by [Tekst] / T. P. Kazhdan. – M.: Tradicija, 1997.

11. Lakier, A. B. Russkaja geral'dika [Elektronnyj resurs] / A. B. Lakier. – Rezhim dostupa: <http://www.heraldrybooks.ru/book.php?id=1>

12. Moskovskij nekropol' [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://arc.familyspace.ru/archive/Moskovskiy_nekropol_t_2_1907_g_265/p-1

13. Nakaz imperatricy Ekateriny II, dannyj Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozhenija [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.runivers.ru/lib/book4370/53123/>

14. Orlova, E. V. Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, specifika, struktura [Elektronnyj resurs] / E. V. Orlova. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura#ixzz4Xu5fskvg>

15. Ortega-i-Gasset, H. Vosstanie mass [Elektronnyj resurs] / H. Ortega-i-Gasset. – Rezhim

dostupa: <http://e-libra.ru/read/348229-vosstanie-mass-sbornik.html>

16. Polujarova, D. N. Arhitekturno-parkovyj kompleks provincial'noj usad'by XIX – XX vv. kak fenomen kul'tury [Jelektronnyj resurs] / D. N. Polujarova. – Rezhim dostupa: https://www.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2011/t02n02/humscience_2011_t02n02.pdf

17. Polujarova, D. N. «Cheloveku prednaznachenno tvorcom zhit'...»: osobennosti kul'tury provincial'nogo imenija Cherncy-Vorotynskih [Jelektronnyj resurs] / D. N. Polujarova. – Rezhim dostupa: https://tkn.isuct.ru/e-publ/gum/sites/ru.e-publ.gum/files/2010/t01n02/humscience_2010_t01n02_108.pdf

18. RGADA. F. 1209. Op. 4. D. 5973.

19. RGADA. F. 154. Op. 3. D. 518.

20. Rodovye predanija v russkoj geral'dike [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://sovet.geraldika.ru/page/11049>

21. Rossijskoe dvorjanstvo. Spisok dvorjanskih rodov, vnesennyh v Rodoslovnye knigi Dvorjanskih Deputatskih sobranij gubernij, namestnichestv i oblastej Rossijskoj imperii [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://goldarms.narod.ru/russian-adel.htm>

22. Svjatoj Arhangel Mihail [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/arxangely-nashi-pokroviteli>

23. Spisok dvorjanskih rodov, vnesennyh v Obshhij Gerbovnik Rossijskoj Imperii [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.runivers.ru/bookreader/book45096/#page/657/mode/1up>

24. Hatton, P. H. Istorija kak iskusstvo pamjati [Jelektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/hatt/intr-o.php

25. Hjojzinga, J. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury [Jelektronnyj resurs] / J. Hjojzinga. – Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heiz/01.php

26. Hmara, D. N. Zemskaja dejatel'nost' v kontekste konstituirovaniya kul'turnogo prostranstva provincii // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verhnevolzhski Philological Bulletin : nauchnyj zhurnal. № 3 [Tekst] / D. N. Hmara. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

Н. Т. Тарумова

Научно-образовательные практики НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова в системе работы российских культурологических сайтов

В статье анализируются культурологические сайты, разработка которых была в разные годы поддержана Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и осуществлена в НИВЦ МГУ. Такая эмпирическая база исследования обусловлена тем, что в Internet существует большое количество информационных ресурсов, посвященных отечественному культурному наследию, отличающихся функциональной ограниченностью структуры, не соответствующей современным гуманитарным задачам. Мы считаем, что объединение усилий специалистов в области информационных технологий и гуманитарного знания (культурологии, истории, лингвистики, журналистики, библиотечного и музейного дела), позволило создать продукт, наиболее адекватно и полноценно отражающий отечественное культурное наследие в Internet.

Ключевые слова: культура, историческая память, информационные технологии, Internet, сайт, аутентичная публикация, Московский университет.

N. T. Tarumova

Scientific and educational practices of Research Computing Centre (RCC) of Moscow State University in the framework of Russian websites for Cultural Studies

The article analyses websites devoted to Cultural Studies, the development of which has been supported by Russian Humanitarian Scientific Foundation (RHSF) and implemented in the Research Computing Centre (RCC) of Moscow State University. This empirical base of the research is due to the fact that in the Internet there is a large number of information resources devoted to Russian cultural heritage, with different functional limitations of the structure that does not correspond to modern humanitarian problems. We believe that combined efforts of specialists in the field of information technology and of the Humanities (cultural studies, history, linguistics, journalism, library and museum work) allowed us to create a product that will most adequately and fully reflect national cultural heritage in the Internet.

Keywords: culture, historical memory, information technologies, Internet, website, authentic publication, Moscow University.

В связи с тем, что культурология как академическая наука сложилась позже других гуманитарных дисциплин, ее задача – обобщение всего предшествующего культурного опыта в самых разнообразных областях творческой деятельности: литературе, поэзии, философии, искусстве и естествознании. Рассматривая культуру как феномен и как континуум, культурология позволяет изучать один и тот же предмет с разных точек зрения. Говоря о литературе, И. В. Кондаков отмечает, что «...современная история литературы может быть успешно выстроена только в широком контексте культуры (в связи с критикой и публицистикой, другими видами искусства, философскими и религиозно-нравственными, социальными и конкретно-научными идеями, теориями, концепциями, эстетическими и политическими идеалами, в связи с обыденной культурой, включая сюда образ жизни, тип поведения и общения, быт и т. п.). В этом отношении традиционно филологический, литературоведческий подход должен быть дополнен культурологическим» [2, с. 49–58].

То же самое можно сказать и о других феноменах российской культуры, о других видах творческой активности, которые, будучи представленными на сайтах в Internet, в свою очередь становятся объектами пристального внимания современной культурологической науки.

Особого внимания в силу разнообразия своей тематики и все возрастающего количества заслуживают культурологические сайты, под которыми в контексте статьи мы будем понимать сайты, контент которых направлен на комплексную концептуализацию тех или иных явлений, событий, существенных с точки зрения истории и развития культуры. В свою очередь термин «концептуализация» рассматривается автором, как система взглядов на процессы связанные с актуализацией личного и коллективного творческого опыта, выбор путей решения данной задачи средствами современных информационных технологий.

В данной статье на примере архивных, музейных, библиотечных материалов, собранных и представленных на Internet-сайтах: «Мемориаль-

ная квартира А. Белого на Арбате» (URL: <http://kvartira-belogo.guru.ru/>), «Московский университет на рубеже XIX–XX вв.: литературная среда, семейные традиции», (URL: http://newserv.srcc.msu.ru/MIU_XIX/), «Музей российской печати» (URL: <http://mediamuseum.guru.ru/>), «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...» (URL: <http://poesis.ru>) анализируется возможность не только актуализировать исторические и научные реалии, но и реконструировать на их основе картину культурной жизни в Московском университете в период с середины XVIII в. до начала XX в.

Сегодня Internet стал необходимым атрибутом обыденных практик и исследовательской деятельности как в плане презентации и распространения научных знаний, так и в плане коммуникации с разнородной аудиторией пользователей Internet-ресурсов. Начало XXI века, с точки зрения получения новых знаний, характерно тем, что большинство людей, интересующихся прошлым России, прежде всего, стремятся получить сведения об истории отечественной культуры, прибегая к услугам Internet. Но чем более широко распространяется возможность доступа к ресурсам Internet, тем более острой становится проблема наполнения российских ресурсов сети достоверной научной информацией и ее популяризация в соответствии с различными научными дискурсами, в частности — культурологическим. Значимость культурного просвещения, основанного на результатах исследовательских работ, консолидированных и представленных с использованием современных информационных технологий приобретает все большую актуальность. Тезис Ю. А. Лотмана о том, что «... новые тексты создаются не только в настоящем срезе культуры, но и в ее прошлом» [5, с. 200–202] подтверждает возродившийся в последнее время интерес к работам русских философов начала XX века. Но их тексты, как и тексты авторов XVIII–XIX веков, зачастую просто непонятны современному читателю вне конкретного исторического контекста, вне описания культурной среды, внутри которой они были созданы. Современная парадигма восприятия культурно значимых событий российского прошлого сильно отличается от представлений 70–80-х годов XX в., в первую очередь, вследствие развития средств массовых коммуникаций и глобальной информационной сети Internet. По этой же причине открытие практически неограниченного доступа к хаотически размещенной информации оборачивается потерей современным российским

обществом объединяющих его культурных кодов. Существовавшая во времена СССР идеологическая направленность любых научных работ, связанных с изучением истории и истории культуры в частности, ставит перед современной культурологией задачи по исследованию и восстановлению культурных традиций, существовавших в России, реконструкции ее культурного пространства, и актуализации его с использованием современных информационных технологий. Совокупность актуальных методов презентаций в коммуникационном пространстве Internet позволяет пользователю сети быть одновременно и читателем, и зрителем, и слушателем собранных в рамках одного ресурса информационных материалов.

Рассматриваемые в статье варианты формирования структуры Internet-ресурсов, созданных в рамках завершенных проектов: «Мемориальная квартира А. Белого на Арбате», «Московский университет на рубеже XIX–XX вв.: литературная среда, семейные традиции», «Музей российской печати», «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...», на технической базе НИВЦ МГУ, основываются на изучении системы актуализации памяти о культурных традициях и творческом опыте профессоров и студентов, выпускников Московского университета, который и сегодня является крупнейшим образовательным центром России. Предметом культурологического анализа стала презентация культурфилософских и историографических концепций, позволяющих в междисциплинарной научной парадигме показать значение сообщества выпускников и преподавателей Московского университета в целом, семейно-дружеских сообществ, сообщества поэтов, отдельно взятой личности.

Разнородность составляющих элементов цифровых коллекций диктует особые требования к их презентации, к их целостному восприятию для широкой аудитории Internet. Организация свободного доступа к ранее неизвестным материалам: текстам, биографическим данным, фотодокументам и др. — является важным фактором при реализации Internet-проектов. Богатый и нигде ранее не представленный материал стал доступным для пользователей.

Объединяет сайты общий системный подход к формированию контента и его презентации (своего рода Internet-идеология), общие принципы построения, методика представления материалов, общие технологии исполнения. В рамках проектов создан инструментарий, позволяющий пользователям удобно и эффективно проводить научную

работу с культурным наследием и обеспечивающий качественный доступ ко всем материалам, как для исследователя, так и для рядового пользователя.

Длительное время значительные по объему музейные коллекции, содержащие, в том числе, и образчики поэтического творчества, какими, например, обладал Музей-квартира Андрея Белого на Арбате, не имели своего отражения (представительства) в Internet. Богатейшие архивные материалы, хранящиеся в фондах Научной библиотеки МГУ: письма, фотодокументы, тексты статей, периодические издания – прямые свидетельства культурно-исторического развития России, оставались вне поля зрения, как рядовых читателей, так и ученых-исследователей.

При моделировании представленных в Internet сайтов: «Мемориальная квартира А. Белого на Арбате», «Московский университет на рубеже XIX–XX вв.: литературная среда, семейные традиции», «Музей российской печати», «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...», учитывалось их целевое назначение, различные аспекты контента и особенности аудитории. Анализ процесса разработки сайтов и их современного состояния позволяет считать, что общий смысл формирования структуры и оформления состоял в том, чтобы сделать сайты целостными, и внешне и внутренне отвечающими своему функционально-целевому назначению, а также определенному типу пользовательского / читательского восприятия, характеру информации и условиям использования.

Для изучения каждого отдельного Internet-ресурса составлялась детальная схема презентации, причем основное внимание уделялось необходимым для конкретного проекта сторонам представляемого культурологического материала.

Анализ сайтов позволяет обнаружить, что при разработке макета учитывались многие факторы: логичность иллюстративного материала, его художественная, документальная и фактическая ценность, качество предложенных графических моделей. Принимались во внимание также особенность формирования интерфейса, специфики визуального восприятия вербального и иконографического текстов в Internet, всего оформления сайтов. При этом обращалось внимание на основные функции иллюстративного материала – информационная и эстетическая. После того как была сформирована концепция и структурная модель сайтов приступали к разработке макета: каждой его странице, отдельных значимых элементов,

оформлением разделов и подразделов, формами организации материалов на странице. Далее работа была направлена на оформление макета: цвет фона, шрифта, рамок и графических элементов в целом, расположение панелей информации, навигации, текстовых полей, тематических особенностей иллюстрирования. Из выше сказанного следует, что каждый сайт должен быть единой, закономерно построенной структурой, обеспечивать целостность и наилучшее восприятие представленного материала, что является основной задачей, визитной карточкой сайта и работы творческого коллектива.

Сегодня очевидно, что в процессе последовательной работы над проектами создавалась общая архитектурная Internet-платформа для формирования сайтов, в которую входят: структура (разделы, подразделы, рубрики, подрубрики и страницы), дизайн, стиль, экскурсии, система навигации, карта сайта. Архитектурное построение сайтов представляет распределение материалов по разделам с учетом информационной, логической и визуальной взаимосвязи между разделами, а также предполагают «ширину» и «глубину», то есть разработан макет линейной и углубленной системы навигации. Размещение материала на сайтах не только линейно (раздел и подраздел), но каждый раздел имеет определенную степень углубления для размещения научного исследования. Линейная часть представленной информации предполагает общее знакомство посетителей с разделами, а подразделы, рубрики, подрубрики и страницы дают возможность углубления для исследовательской работы.

Особое внимание уделялось общему дизайну каждого сайта и в частности главной, титульной странице, являющейся их визитной карточкой. При оформлении сайтов использовался ретро-стиль, но в подборе материала строго учитывалась индивидуальность персоналий и период исследуемой эпохи. Например, на титульной странице сайта «Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате» были использованы фотографии засушенных листьев из гербария, который любил собирать поэт, цветовую гамму (лазурно-голубой) и фотодокументы из архива научного отдела музея. Для подраздела Летопись жизни использовалась фотография оригинала парадной лестницы в доме писателя, ведущей на третий этаж его квартиры.

Титульная страница сайта «Московский университет на рубеже XIX–XX вв.: литературная среда, семейные традиции» отражает традиции семейных литературных альбомов к. XIX – н. XX

веков. Как правило, альбомы заполнялись рисунками, фотографиями, дружескими записями знакомых, стихами и небольшими литературными произведениями. Определяя принципы представления материалов на сайте, было решено следовать содержанию подобных альбомов, воссоздавая элементы культурной среды и семейных традиций Московского университета того времени.

На всех сайтах в разделе Библиография не просто перечислены работы персон, которым посвящены сайты, а представлены полные библиографические данные произведений персон и исследовательские работы о них. Размещены прижизненные издания, показанные как в виде текста с возможностью поиска и копирования, так и в виде оцифрованных изображений страниц, что дает возможность работать одновременно и с распечатанным текстом, и с оригиналом документов с полными выходными данными произведения в виде сканированного изображения. Структура библиографических списков создана таким образом, что посетитель сайта самостоятельно может производить отбор материалов по типологии произведений (проза, поэзия), по названию, автору и году. Такая презентация материала предоставляет возможность исследователю находить нужные места в текстах большого количества изданий, исследовать язык авторов (в частности, употребление слов и словосочетаний), а также увидеть исходное форматирование текста автором или редактором – целостное авторское видение того или иного документа, изданного при жизни автора.

Востребованность сайтов очень важный вопрос. Статистика посещаемости – необходимый инструмент для понимания эффективности работы сайтов и анализа аудитории, а это – два основополагающих фактора успешного Internet-ресурса. Число посещений сайта – свидетельство его популярности, а главный критерий в оценке выполнения им просветительских функций – регистрация повторных посещений.

В реальной структуре описанных сайтов присутствует обратная связь, имеются почтовые ящики, установлены счетчики посещаемости.

Сайт музея «Мемориальная квартира Андрея Белого на Арбате» создавался в НИВЦ МГУ совместно со специалистами-музейщиками на базе реального музея [7]. Концептуальным основанием проекта явилась интеграция в Internet историко-культурного знания о личности и деятельности поэта, одного из ведущих деятелей русского символизма, с помощью современных информационных технологий. Результатом реализации такой

концепции стало создание единого информационного ресурса, содержащего основные сведения о музейных предметах и музейных коллекциях фондов реально существующего музея, обеспечение механизмов свободного и эффективного доступа к информации о культурном наследии, предоставление информационных услуг. В данном ресурсе используется способ презентации материалов (прижизненных изданий писателя) в виде электронных копий в формате jpg-файлов. А. Белый питал особое пристрастие к визуальным эффектам. Для него фигурное оформление текста – дополнительное средство подчеркивания смысла. Этим и обусловлено «двойное» представление текста: пользователь одновременно видит изображение страницы и ее текстовую копию. Тематически сайт разделен на три главных блока: Биография, Музей, Библиография. В блоке Музей регулярно публикуются результаты научной деятельности сотрудников музея, анонсируется проведение семинаров, лекций и презентаций книг в рамках музейной программы.

Сайт «Музей российской печати» отличается от вышеописанного ресурса, в первую очередь тем, что реального прототипа у этого музея не существует [9]. Документальной базой для наполнения контента сайта послужили раритетные периодические издания из отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, выходившие в свет в России, начиная со второй половины XVIII в. Электронные копии их страниц, размещенные на сайте в открытом доступе, сопровождаются историческими справками по каждому изданию. В разделе Медиаперсоны размещены биографии редакторов, издателей и основателей презентованных журналов и газет, указы, статьи М.В. Ломоносова о журналистике.

Представление периодических изданий в полном объеме, ссылки на их наличие в местах хранения, публикация материалов в хронологическом порядке позволили представить достаточно полную картину истории книгопечатания и журналистики не только Московского университета, но и России в целом.

В работе над проектом «Московский университет на рубеже XIX–XX вв.: литературная среда, семейные традиции» следует отметить контент, который скомпонован таким образом, чтобы максимально достоверно воспроизвести персональные портреты профессоров Московского университета, как в личном, так и семейном статусе. Структура ресурса ориентирована на логичное представление их творческих и литературных кон-

тактов, дружеских отношений и традиций и, в конечном счете, на реконструкции тех человеческих отношений, которые формировали и формируют культурное пространство Московского университета.

Презентация творческого опыта преподавателей и выпускников Московского университета в аспекте архивных материалов, презентуемых на сайте «Поэзия Московского университета от Ломоносова и до...» принципиально отличается от рассмотренных предыдущих сайтов: его контент носит монографический характер по своей проблематике и посвящен исключительно поэтическому творчеству преподавателей и студентов университета. Но если рассматривать его в культурологическом ракурсе, как коллективный творческий феномен, необходимо отметить его очевидную многоаспектность [8].

Отсутствие в научной литературе полной и систематически разработанной истории поэтического творчества преподавателей, студентов и выпускников Московского университета, начиная с его образования и до наших дней, делало такую работу необходимой. Представленные на сайте материалы о поэтах Московского университета позволили вернуть в культурный оборот многие давно забытые имена и события. Очевидно, что найти материалы о поэтических фигурах первого ряда было значительно проще, чем выполнить полноценный поиск информации о тех авторах, кто лишь промелькнул на поэтическом небосклоне. Поэтому новизна данной работы состояла в том, что впервые был создан стремящийся к полноте перечень поэтов Московского университета, включающий примеры их творчества, и исследованы связи их университетского «багажа» и поэтической практики.

Ценность и значение разработанного сайта была связана с известной и важнейшей чертой отечественной культуры – ее литературоцентричностью, которая выявлена и проанализирована ведущими отечественными культурологами недавнего прошлого и современными исследователями (И. А. Едошина, Т. С. Злотникова, Н. Н. Летина, Д. С. Лихачев, И. В. Кондаков, Г. Ю. Стернин, Н. А. Хренов) [1, 4, 11]. Подобная установка, имплицитно присутствовавшая в концепции сайта, дала возможность рассматривать поэтическую личность как культурный рубеж, то есть «исследовательский ракурс, позволяющий соотнести российский культурный опыт XVIII–XX вв. со специфической культурной парадигмой» [5, с. 233]. При этом, рассматривая рубеж как «время,

место и состояние встречи различных интенций, явлений, процессов в культуре, а значит, и в человеке, результатом которой является опыт обновления, развития или гибели» [5, с. 238]. Культурологический подход к творчеству поэтов, связанных с Московским университетом с XVIII в. и по настоящее время означает, что поэтическое творчество разных авторов можно и нужно было рассматривать и как единый текст [3, с. 3–44], описывающий эволюцию Московского университета в ее культурно-историческом контексте.

Что дают такие ресурсы конкретным категориям потребителей информации и как они могут быть использованы в научных, образовательных и просветительских целях? Просветительская направленность ресурсов ориентирована на широкую аудиторию: школьников, студентов, аспирантов. Цифровые реплики изданий, справочные, исторические, биографические и библиографические материалы, сведения об архитектуре сайта и специфики навигации – все это в совокупности составляет научно-обоснованный, выверенный образец презентации объекта культурного наследия для использования в образовательном процессе. Свободный доступ к историческим текстам, система управления контентом, оптимизированная схема внутренних гиперссылок между разделами представляет интерес для специалистов в разных областях гуманитарного знания. Дизайн сайтов, визуальные и цветовые решения интерфейса ресурсов ориентированы на новые отношения между информационным наполнением и аудиторией, на поддержание высокого уровня коммуникации при сохранении традиционного читательского статуса пользователя [10].

Библиографический список

1. Злотникова, Т. С. Симптомы конца века (Типологический подход к русской культуре конца XIX и конца XX вв.) [Текст] / Т. С. Злотникова // Ярославский педагогический вестник. – 1996. – № 2. – С. 58–63.
2. Кондаков, И. В. От истории литературы – к поэтике культуры [Текст] / И. В. Кондаков // «Вопросы литературы». – М., 1997. – № 2. – С. 49–58.
3. Кондаков, И. В. Где ангелы реют [Текст] / И. В. Кондаков // Русская литература XX века как единый текст. – М.: «Вопросы литературы», 2000. – № 5. – С. 3–44.
4. Кондаков, И. В. По ту сторону слова [Текст] / И. В. Кондаков // Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков. – «Вопросы литературы». – М., 2008. – № 5. – С. 5–49.

5. Летина, Н. Н. Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культурфилософского концепта [Текст] / Н. Н. Летина // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 233–238.

6. Лотман, Ю. М. Живое лицо [Текст] / Ю. М. Лотман // Новый Мир. – 1985. – № 2. – С. 228–236.

7. Тарумова, Н. Т. Актуализация личного и коллективного творческого опыта средствами информационных технологий на материале русской культуры XIX–XX веков [Текст] / Н. Т. Тарумова // Ярославский педагогический вестник – 2013 – Т.1, № 3. – С. 236–242.

8. Тарумова, Н. Т. Презентация творческого опыта университетских поэтов в сети Internet [Текст] / Н. Т. Тарумова // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Материалы XVIII Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS-2015. – Санкт-Петербург : ИТМО, 2015. – С. 234–245.

9. Тарумова, Н. Т. Цифровая коллекция текстов российской периодической печати [Текст] / Н. Т. Тарумова // «МедиаАльманах». 2016. – № 5. – С. 124–132.

10. Тарумова, Н. Т. Цифровая музеефикация [Электронный ресурс] / Н. Т. Тарумова // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре: сборник научных статей. Материалы XIX Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS-2016. – Санкт-Петербург : ИТМО, 2016. – С. 00–00. URL: <http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/issue/archive>.

11. Хренов, Н. А. Избранные работы по теории и истории культуры [Текст] / Н. А. Хренов. – М. : Согласие, 2014. – 527 с.

Библиографический список

1. Zlotnikova, T. S. Simptomy konca veka (Tipologicheskij podhod k russkoj kul'ture konca XIX i konca XX vv.) [Текст] / T. S. Zlotnikova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 1996. – № 2. – С. 58–63.

2. Kondakov, I. V. Ot istorii literatury – k poetike kul'tury [Текст] / I. V. Kondakov // «Voprosy literatury». – М., 1997. – № 2. – С. 49–58.

3. Kondakov, I. V. Gde angely rejut [Текст] / I. V. Kondakov // Russkaja literatura HH veka kak edinyj tekst. – М. : «Voprosy literatury», 2000. – № 5. – С. 3–44.

4. Kondakov, I. V. Po tu storonu slova [Текст] / I. V. Kondakov // Krizis literaturocentrizma v Rossii XX–XXI vekov. – «Voprosy literatury». – М., 2008. – № 5. – С. 5–49.

5. Letina, N. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija izuchenija problemy «rubezhnosti» kak kul'turfilosofskogo koncepta [Текст] / N. N. Letina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – Т. 1. – № 3. – С. 233–238.

6. Lotman, Ju. M. Zhivoe lico [Текст] / Ju. M. Lotman // Novyj Mir. – 1985. – № 2. – С. 228–236.

7. Tarumova, N. T. Aktualizacija lichnogo i kollektivnogo tvorcheskogo opyta sredstvami informacionnyh tehnologij na materiale russkoj kul'tury XIX–XX vekov [Текст] / N. T. Tarumova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik – 2013 – Т.1, № 3. – С. 236–242.

8. Tarumova, N. T. Presentacija tvorcheskogo opyta universitetskix pojetov v seti Internet [Текст] / N. T. Tarumova // Tehnologii informacionnogo obshhestva v nauke, obrazovanii i kul'ture: sbornik nauchnyh statej. Materialy XVIII Vserossijskoj ob#edinennoj konferencii «Internet i sovremennoe obshhestvo» IMS-2015. – Sankt-Peterburg : ITMO, 2015. – С. 234–245.

9. Tarumova, N. T. Cifrovaja kollekcija tekstov rossijskoj periodicheskoj pečati [Текст] / N. T. Tarumova // «MediaAl'manah». 2016. – № 5. – С. 124–132.

10. Tarumova, N. T. Cifrovaja muzeefikacija [Elektronnyj resurs] / N. T. Tarumova // Tehnologii informacionnogo obshhestva v nauke, obrazovanii i kul'ture: sbornik nauchnyh statej. Materialy XIX Vserossijskoj ob#edinennoj konferencii «Inter-net i sovremennoe obshhestvo» IMS-2016. – Sankt-Peterburg : ITMO, 2016. – С. 00–00. URL: <http://ojs.ifmo.ru/index.php/IMS/issue/archive>.

11. Hrenov, N. A. Izbrannye raboty po teorii i istorii kul'tury [Текст] / N. A. Hrenov. – М. : Soglasie, 2014. – 527 с.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 81'373.2

Р. В. Разумов

XV Международная конференция «Ономастика Поволжья»

Статья посвящена XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», которая прошла в Арзамасском филиале Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского в сентябре 2016 г. В статье рассматриваются основные вопросы, ставшие предметом научной дискуссии на пленарном и секционных заседаниях конференции.

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, топонимика, городское онимическое пространство, прагматонимы, литературная ономастика.

SCIENTIFIC LIFE

R. V. Razumov

XV International Conference «Onomastics of the Volga Region»

The article is devoted to the XV International Conference «Onomastics of the Volga Region», which took place in Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod - National Research University in September 2016. The article considers the main issues that were the subject of scientific discussion at plenary and other sessions of the conference.

Key words: onomastics, anthroponymy, toponymy, city onymic space, pragmatonyms, literary onomastics.

В сентябре 1967 г. В. А. Никоновым впервые была организована конференция «Ономастика Поволжья», участниками которой стали ученые-ономатологи из разных регионов СССР. В отличие от многих научных форумов, прекративших свое существование в начале 1990-х гг., поволжская ономастическая конференция продолжает свое существование. С 13 по 16 сентября 2016 г. в Арзамасском филиале Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского была организована XV Международная конференция «Ономастика Поволжья». Ее соорганизаторами также выступили Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-04-14010).

В оргкомитет конференции поступило около 127 заявок ученых из 41 города России (Анапы, Арзамаса, Астрахани, Белгорода, Борисоглебска,

Великого Новгорода, Волгограда, Вологды, Воронежа, Грозного, Екатеринбурга, Иванова, Йошкар-Олы, Казани, Костромы, Махачкалы, Москвы, Набережных Челнов, Нижнего Новгорода, Новозыбкова, Орла, Пензы, Перми, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, Саранска, Симферополя, Смоленска, Сургута, Сыктывкара, Тамбова, Твери, Тольятти, Улан-Удэ, Ульяновска, Уфы, Ханты-Мансийска, Шуи, Элисты, Якутска, Ярославля), а также 22 заявки от зарубежных участников из Азербайджана, Белоруссии, Индонезии, Казахстана, Польши, Украины. Помимо уже состоявшихся ученых, в работе конференции принимали участие учителя, краеведы, любители родного языка из небольших городов и сел страны (Боровичи Новгородской области, Заборье Смоленской области, Княгинино Нижегородской области, Новые Параты Республики Марий Эл, Сухой Лог Свердловской области). Отличительной чертой арзамасской конференции стало участие в ней начинающих ученых из различных вузов России, а также 10 студентов и магистрантов из Китая, Вьетнама, Туркменистана и Франции, обучающихся в Улья-

новском государственном педагогическом университете им. И. Н. Ульянова.

Торжественное открытие, на котором присутствовало около 100 участников и гостей конференции, состоялось 13 сентября. С приветственными словами к участникам конференции обратились проректор ННГУ Т. Н. Беспалова, директор Арзамасского филиала ННГУ, доктор филологических наук, профессор С. Н. Пяткин; председатель постоянно действующего организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья», доктор филологических наук, профессор Волгоградского социально-педагогического университета В. И. Супрун; сопредседатель организационного комитета конференции «Ономастика Поволжья» в Арзамасе доктор филологических наук, профессор Л. А. Климова, доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им. П. М. Машерова Республики Беларусь А. М. Мезенко. На открытии конференции были зачитаны приветствия, поступившие от участника первой конференции «Ономастика Поволжья», доктора филологических наук, почетного профессора Пензенского государственного педагогического университета, заслуженного деятеля науки РФ В. Д. Бондалетова и доктора филологических наук, профессора Российского университета дружбы народов, председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам М. В. Горбаневского.

После церемонии открытия состоялось первое пленарное заседание конференции, на котором было представлено 4 доклада. Н. В. Васильева (Москва) в докладе «Ономастическая норма: два аспекта» рассмотрела два аспекта нормы в сфере собственных имен, обусловленные (1) грамматикой и (2) прагматикой онимов. Автор отметила, что внимание к первому аспекту исследования было характерно для ономастики 1970–1980 гг., интерес же к прагматическим параметрам ономастической нормы, наблюдаемый в настоящее время, связан как с антропоцентризмом современной лингвистики, так и с глобализационными процессами в современном обществе. В качестве одного из критериев дискурсивной стратификации прагматической ономастической нормы Н. В. Васильева предложила использовать понятие ономастических импликаций (этнических, гендерных, хронологических и др.). В докладе В. И. Супруна (Волгоград) и А. В. Данилова (Санкт-Петербург) «Двусоставные имена как важный этап формирования индоевропейской антро-

понимии» были рассмотрены двусоставные имена, встречающиеся в различных индоевропейских языках, определены типичные модели их образования, описано воздействие композитных имен на формирование славянской гипокористики. А. М. Мезенко (Витебск) в докладе «Классическая цветовая триада в зеркале урбанонимии» представила исследование особенностей репрезентации классической цветовой триады белый – красный – черный в системе названий внутригородских объектов. Завершило первое пленарное заседание сообщение Л. А. Климовой (Арзамас) о «Славянской языковой миграции в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье». Докладчик отметила, что на лексическом и структурно-словообразовательном уровнях микротопонимического пространства указанного региона могут быть выявлены свидетельства истоков этнических перемещений, обусловивших особенности языкового компонента историко-культурной зоны.

После небольшого перерыва состоялось второе пленарное заседание конференции. Его открыл доклад Т. Б. Радбиля (Нижний Новгород) «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры». Исследователь рассмотрел возможности использования личных имен в качестве знаков и символов культуры. По мнению Т. Б. Радбиля, одним из путей культурной апроприации собственного имени является его использование в качестве «прецедентного феномена», когда оно приобретает несвойственные ему в стандартном употреблении номинативные и экспрессивные свойства. Г. Ф. Ковалев (Воронеж) в докладе «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную...» на материале анализа урбанонимов Воронежской области показал, что названия улиц часто отражают административно-социальные характеристики, не присущие природным реалиям. Доклад В. Л. Васильева (Великий Новгород) «Об исторической основе региональных топонимических словарей» был посвящен обоснованию важности использования исторической документации при составлении ономастических словарей, в которых трактуются названия населенных пунктов. В своем сообщении автор опирался на личный опыт анализа новгородской топонимии. А. А. Кузнецов (Нижний Новгород) в докладе «Советский топонимический субстрат в топонимии современной России» рассмотрел феномен сохранения советской топонимии в постсоветской России. Ученый попытался выявить особенности и закономерности сохранения советской топонимии. Завершил

второе пленарное заседание доклад С. А. Мызникова (Санкт-Петербург) «Прозвища на страницах «Словаря русских народных говоров». Исследователь представил первичный анализ прозвищ, зафиксированных в русских диалектах и в «Словаре русских народных говоров», отметил, что много прозвищ функционируют в зоне этноязыковых контактов.

14 сентября состоялись 8 секционных заседаний конференции. В центре внимания участников «Ономастики Поволжья» находились проблемы теории и методологии ономастических исследований, антропонимики, топонимики и городского онимического пространства, литературной, фольклорной и переводческой ономастики, вопросы изучения ономастической периферии и ономастического пограничья, педагогические аспекты ономастики, а также другие направления ономастических исследований.

Заседание секции «Теория и методология ономастических исследований» открыл доклад О. В. Врублевской (Волгоград) «Имена собственные и языковая мода». Исследователь провела анализ различных типов собственных имен с точки зрения выявления модного объекта и его признаков, обозначила тенденции модного выбора и модного изобретения имени собственного. А. К. Шапошников (Москва) в докладе, посвященном анализу происхождения топонимов Булгар и Сувар в Среднем Поволжье, отметил, что данные топонимы не являлись эндемиками и не имели тюркского или вообще алтайского происхождения. По мнению ученого, реальное существование этих названий в Поволжье было очень кратковременным: они были отвлечены от древних этнонимов, этимология которых восходит к балто-славянским языкам и приводит к этническим общностям Северного Причерноморья. А. Г. Шайхулов (Уфа) в докладе «Аспекты изучения структуры тюркского корня и характеристики типов односложных корневых основ (к проблеме общей теории корневых основ алтайского сообщества)» проанализировал основные аспекты изучения тюркского корня и характеристики типов односложных корневых основ. С. А. Журавлев (Йошкар-Ола) в докладе «Метаязыковой статус субстандартных единиц в ономастике» обратился к рассмотрению собственных имен в субстандартном аспекте. Он предложил ввести термины субантропонимы и субтопонимы.

Заседание секции «Проблемы антропонимики» открыл доклад Л. П. Батыревой (Шуя) «Антропонимы в письмах провинциалов (на материале

частной переписки середины XX в. жителей Ивановской области)», в котором был проанализирован состав антропонимов в эпистолярных текстах середины XX в., отмечена вариативность онимов, указаны ее причины. В совместном докладе Э. Н. Акимовой и Т. И. Мочаловой (Саранск) «Особенности функционирования онимов в русских говорах Мордовии» выявлены изменения, происходящие в смысловой структуре онимов в частной диалектной системе, охарактеризованы фразеологические единицы с компонентами-антропонимами. А. В. Гузнова (Княгинино Нижегородской области) в докладе «Прозвища в арзамасских говорах: лексикографическая разработка» остановилась на проблемах составления словаря прозвищ, функционирующих в арзамасских говорах, провела параллель между словарной статьей будущего словаря и микроантропонимическим комплексом. В. В. Шаповал (Москва) в докладе «Оценка разночтений в череповецких прозвищах М. К. Герасимова» рассмотрел 118 крестьянских прозвищ, собранных М. К. Герасимовым в районе Череповца и опубликованных в 1898 и 1910 гг., которые показывают ряд текстологических разночтений, оценка и верификация которых необходима для выбора правильного варианта. А. А. Кузнецов (Нижний Новгород) в сообщении «Отономастическая деэтимологизация имени Георгий в Лаврентьевской летописи» проанализировал упоминание в этом документе имени владимирского князя (1188–1238) Георгия, которое переводится как «мужественный». Исследователем рассмотрены исторический, текстологический и ономастический аспекты этой этимологии личного имени. И. М. Ганжина (Тверь) в докладе «Антропонимическое пространство средневекового города (на материале «Дозорной книги города Твери 1616 года)» рассмотрела именованья представителей разных слоев населения г. Твери и посада в начале XVII в. Были проанализированы структура основных формул идентификации лица в целом, а также формальная и содержательная сторона отдельных компонентов именованья; выявлены ведущие антропонимические тенденции исследуемого периода.

Секцию «Проблемы топонимики» открыл доклад Е. Ф. Галушко (Ульяновск) «Топонимы Ульяновского региона: проблемы изучения». Исследователь считает, что необходимо уточнение реестра географических названий по Ульяновскому региону, проведение хронологического анализа фонетических и грамматических вариантов, введение в научный оборот неофициальных вариантов и

установление степени их частотности. Н. В. Беленов (Самара) в докладе «Архаичная индоевропейская гидронимия в Среднем Поволжье» обратился к изучению архаичной индоевропейской гидронимии в Среднем Поволжье, проанализировал время ее формирования, структуру и этноязыковую принадлежность. Исследователем был сделан вывод о принадлежности гидронимов, содержащих форманты к наиболее архаичному индоевропейскому пласту в Среднем Поволжье. Т. Е. Баженова (Самара) в докладе «Диалектные номинации в составе географических наименований на территории Самарского края» рассмотрела вопрос о региональных особенностях лексико-семантических и топонимических систем, номинирующих природные реалии самарского Поволжья. Т. В. Горлова (Кострома) в сообщении «Официальная топонимия в языковом пространстве современного провинциального города центра России: г. Нерехта» отметила некоторые общие закономерности формирования официальной урбанонимии этого города. В совместном докладе Б. А. Борзых и М. Н. Сербул (Шуя) «Топонимический «детектив» (еще раз к вопросу о названии города Шуя)» была предпринята попытка расшифровки гидронима Шуя на основе анализа географических карт Северной Евразии и словарей языков населяющих ее народов с использованием метода аналогий. А. С. Щербак (Тамбов) в исследовании «Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области» обратилась к изучению названий водных объектов. Было доказано, что на Тамбовщине финно-угорские субстратные топонимы связаны именно с мордовским языком. Завершил заседание секции доклад Ю. В. Смирновой (Москва) «Изменения в топонимической системе как фактор ее изучения (по данным отказных книг Ростовского и Арзамасского уездов)». Рукописи Ростовского и Арзамасского уездов XVII в. были рассмотрены как источник данных о топонимии финно-волжского происхождения.

Заседание секции «Вопросы микротопонимики и урбанонимики» открыл доклад Е. В. Цветковой (Кострома) «Глагольные» конструкции в костромской микротопонимии». Исследователь отметила, что названия на основе глагольных конструкций в костромской топонимии встречаются редко, что характерно для славянской ономастики в целом, однако они ценны, поскольку могут рассматриваться на всех языковых уровнях, представляя особую императивную модель имен собственных. В совместном докладе А. М. Ибрагимовой,

В. В. Боковой и Н. А. Кичиковой (Элиста) «Микротопонимия Яшкульского района Республики Калмыкия» были выявлены топонимические номинации по принципам, характерным для данного региона. М. Л. Дорофеев (Витебск) в сообщении «Виконимное семантическое поле «локализация»: особенности структуры» исследовала структуру виконимного семантического поля «локализация», сформированного при помощи названий, отражающих специфику расположения внутри-сельского объекта. В докладе были представлены конститuentы анализируемого семантического поля, определены основные семантические модели и антонимические пары, его формирующие. Р. В. Разумов (Ярославль) в сообщении «Посвящения писателям, поэтам и литературным критикам в урбанонимии Российской Федерации» обратился к изучению специфики урбанонимов-посвящений писателям, поэтам и литературным критикам в урбанонимии Центрального федерального округа. Докладчик проанализировал частотность подобных урбанонимов, проследил историю данного типа собственных имен, особенности создания названий в больших и малых городах. Л. Ю. Кодынева (г. Боровичи Новгородской области) в сообщении «Термины городской топонимии» выделила городские термины, обозначающие нелинейное пространство, в Новгородской области. Т. П. Соколова (Москва) в докладе «Прецедентность в номинации жилых комплексов» рассмотрела феномен прецедентности в городском нейминге, выявила продуктивные модели прецедентной номинации и показала, что успешность такого нейминга зависит от учета закономерностей прецедентности. С. В. Рябушкина (Ульяновск) в докладе «Заметки о денумеральных онимах» проанализировала некоторые особенности денумеральных собственных имен, используемых в качестве официальной и неофициальной номинации в городском пространстве.

Секцию «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье» открыл доклад Т. П. Романовой (Самара) «Прагматоним как носитель ценностей современного адресата», в котором на материале наименований конфетно-шоколадной продукции была рассмотрена проблема отражения ценностных ориентиров современного потребителя в российской прагматонимии. Автором установлено, что современный адресат выбирает в основном отечественные конфеты и шоколад, о чем свидетельствует многообразие торговых марок, отражающих реалии русской национальной культуры. В докладе

Н. Е. Петровой и А. О. Семочкиной (Нижний Новгород) «Культурный контекст эргонимов Нижнего Новгорода (на примере названий кафе)» проанализированы названия, содержащие прецедентные имена сферы «литература и искусство», выявлены их прагматические функции, обусловленные актуализацией семантических признаков. Е. В. Захарова (Ульяновск) и Н. А. Митрофанова (Уральск, Казахстан) в сообщении «Особенности номинации пунктов общественного питания города Ульяновска» рассмотрели закономерности, лежащие в основе номинации пунктов общественного питания: применение манипулятивных технологий (обращение к значимым понятиям и образам), использование элементов языковой игры и креолизации в оформлении вывесок. М. В. Ахметова (Москва) в докладе «Эффекты вариантности» в употреблении названий жителей населенных пунктов» обратились к изучению проблем вариативности катаяконимов, определения условий выбора одного из существующих онимов в речи горожан. Доклад Л. А. Феоктистовой и С. О. Горяева (Екатеринбург) «Об «Иванах» в наименованиях алкогольных напитков» был посвящен ономастиологическим особенностям употребления личного имени Иван. Исследователи отметили, что с этим именем соотносится несколько апеллативов в русских диалектах, обозначающих алкогольный напиток, часто низкого качества (ивашко – ‘плохое, жидкое пиво’), а также ряд трансонимизаций-прагматонимов (водка Иван Сусанин, пиво IVAN KOZHEDUB). В обоих случаях при номинировании алкогольной продукции оказываются задействованными характерные черты языкового образа типичного носителя имени Иван и коннотативный фон антропонима. Завершил работу секции доклад Е. Ю. Любовой (Арзамас) «Мифонимы в говорах Нижегородской области», в котором был рассмотрен состав мифонимов, особенности их происхождения и функции.

Работу секции «Литературная и фольклорная ономастика» открыл доклад Е. С. Медведковой (Тольятти) «Антропонимикон романов В. И. Костылева через призму хронотопа». Автор акцентировал внимание на сопоставлении использованных В. И. Костылевым антропонимов и ономастикона переписной книг XVII века по Нижнему Новгороду. Е. С. Медведкова проанализировала работу писателя с данным историческим документом, который послужил источником для создания достоверной онимической картины произведения. Т. В. Демидович (Волгоград) в докладе

«Отантропонимические образования в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне» рассмотрела отантропонимические жаргонные образования, уделив особое внимание отантропонимическим образованиям, входящим в состав фразеологических единиц. Т. В. Чумакова (Арзамас) в докладе «Барский сад: историко-литературный и региональный аспекты» проанализировала языковые средства экспликации концепта «Дворянская усадьба», рассмотрела функционирование бинарной номинации микрополя «Сад» в историко-литературном (барский сад) и региональном (Барский сад) аспектах. Г. А. Безкоровайная (Москва) в сообщении «Антропонимы в пространстве художественного текста: на материале произведений русских и английских писателей XIX в.» выявила различия в принятых в английской и русской лингвокультурах формах номинации именами собственными знатных особ.

Заседание секции «Педагогические аспекты ономастики» открыл доклад И. В. Крюковой (Волгоград) «Имена собственные в практике преподавания социолингвистики». Исследователь обосновала возможность использования собственных имен в качестве материала для лингвистического анализа при изучении основных разделов социолингвистики, а также предложила систему возможных заданий и упражнений. Л. В. Филиппова (Арзамас) в сообщении «Ономастическая лексика как средство формирования культуроведческой компетенции младших школьников» проанализировала на материале «Русской азбуки» дидактические и воспитательные возможности ономастической лексики, необходимые для формирования коммуникативных умений и универсальных учебных действий младших школьников.

Впервые в истории конференции была организована работа секции «Ономастика в восприятии начинающих исследователей», на заседаниях которой были представлены доклады иностранных студентов из Китая, Туркменистана и Франции, обучающихся в Ульяновском государственном педагогическом университете имени И. Н. Ульянова. В докладе М. К. Ж. Монтан (Безансон, Франция) говорилось о символике имени собственного, обусловленной его включенностью в ту или иную национальную культуру. Различным аспектам описания туркменских личных имен были посвящены доклады М. М. Аллабердиевой (Туркменабат, Туркменистан) и А. Я. Овезовой (Дашогуз, Туркменистан).

Ряд проблем адаптации туркменских онимов (антропонимов и топонимов) в русском тексте обозначили в своих сообщениях С. А. Аннаева и Е. А. Панова (Туркменабат, Туркменистан). Национальный колорит столичных и провинциальных туркменских урбанонимов продемонстрировали Г. Б. Розымурадова (Туркменабат, Туркменистан) и Г. Н. Якшимурадова (Лебап, Туркменистан). Особенности китайского антропонимикона и топонимикона рассмотрели Гао Дженъян, Лу Юаньюань и Чжу Минцзи (Чаньчунь, КНР). Культурные коннотации китайских личных имен были показаны в докладе Чжу Юминь (Хайнань, КНР).

15 сентября работу конференции открыл круглый стол «Арзамасский край в истории и культуре народов России», модератором которого выступила доктор филологических наук, профессор Арзамасского филиала ННГУ Л. А. Климкова. В обсуждении приняли участие доктор исторических наук, профессор Арзамасского филиала ННГУ Е. П. Титков, кандидат педагогических наук, доцент Арзамасского филиала ННГУ М. С. Любов, доктор исторических наук, профессор ННГУ им. Н. И. Лобачевского А. А. Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент ННГУ им. Н. И. Лобачевского В. Н. Беляева, кандидат исторических наук, доцент Арзамасского филиала ННГУ А. С. Кудряшова, кандидат филологических наук, доцент, декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ Ю. А. Курдин, доктор филологических наук, заведующий Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН С. А. Мызников. В дискуссии по теме круглого стола и его обсуждении приняли участие и другие ученые.

На заключительном заседании конференции, которое состоялось после окончания круглого стола, были подведены итоги конференции, намечены перспективы дальнейших исследований в изучении ономастики Поволжья. Как положительное явление, было отмечено участие в работе

конференции молодых исследователей-ономатологов и учителей школ. Председатель постоянного действующего оргкомитета конференции «Ономастики Поволжья» В. И. Супрун вручил сертификаты участникам студентам, принимавшим участие в работе секции «Ономастика в восприятии начинающих исследователей». На закрытии конференции со своими отчетами выступили руководители секций, члены оргкомитета конференции, была принята резолюция XV Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». На заключительном заседании было объявлено, что XVI конференция по ономастике Поволжья состоится 20–23 сентября 2017 г. в г. Ульяновске. Она будет посвящена 50-летию со дня первой встречи поволжских ономатологов, организованной в этом городе. Представитель ульяновского оргкомитета С. В. Рябушкина провела красочную презентацию, в которой познакомила участников с предполагаемой программой юбилейной конференции.

Материалы докладов конференции опубликованы в сборнике «Ономастика Поволжья» [1], содержащем 127 статей (общий объем 30,7 п. л.).

Библиографический список

1. Ономастика Поволжья [Текст]: материалы XV междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас. – Саров : Интерконтакт, 2016. – 529 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Onomastika Povolzh'ja [Tekst]: materialy XV mezhhdunar. nauch. konf. (Arzamas, 13–16 sentjabrja 2016 g.) / pod red. L. A. Klimkovej, V. I. Suprun; Arzamasskij filial NNGU. – Arzamas. – Sarov : Interkontakt, 2016. – 529 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.02.2017

Дата принятия статьи к печати: 16.02.2017

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаян Владимир Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 150001 г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28.

E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Байкова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и перевода ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет». 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

Боднарук Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой немецкой и французской филологии ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова». 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17.

E-mail: bodnaruk@rambler.ru

Бокарев Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: asbokarev@mail.ru

Болтаев Роман Евгеньевич – студент III курса отделения «Актер театра кукол» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43.

E-mail: roman.boltaeff@yandex.ru

Буровцева Наталия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент факультета русского языка и литературы Тамканского университета (Тайвань). Taiwan, New Taipei City, 251 Tamsui, 151 Ying-chuan Road, Tamkang University, Russian Department (FL 209).

E-mail: kung.n129@msa.hinet.net

Волкова Василиса Николаевна – магистрант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: vasilisa_volkova@list.ru

Гусева Любовь Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: lagusevamk@mail.ru

Добрецова Светлана Александровна – ассистент кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: svetik-dobrecova@rambler.ru

Дубровина Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия». 213407, Республика Беларусь, Могилевская обл., г. Горки, ул. Мичурина, д. 5.

E-mail: rsn.09@mail.ru

Жельвис Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных литератур и языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: Claus758@yandex.ru

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: kulmn@mail.ru

Летин Вячеслав Александрович – кандидат культурологии, доцент кафедры общих гуманитарных наук и театроведения ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43.

E-mail: liotin@yandex.ru

Метелкина Софья Станиславовна – студентка IV курса факультета русской филологии и культуры ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Михайлова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романогерманской филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: emikhailova@yandex.ru

Никкарева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: m.novikov@yspu.org.

Обухова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет». 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

Перфилова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: m.novikov@yspu.org

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: rvrazumov@list.ru

Тарумова Наталья Тимофеевна – ведущий программист НИВЦ ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1; аспирант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: n-tarumova@yandex.ru

Титов Олег Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: olegtitov2009@yandex.ru

Удод Дмитрий Александрович – аспирант кафедры лингвистики и лингводидактики ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.

E-mail: dmitrii_udod@mail.ru

Ушакова Алина Павловна – аспирант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: ushakowalina@yandex.ru

Хмара Дина Николаевна – старший преподаватель кафедры истории и культурологии Гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет». 150000, г. Иваново, просп. Шереметьевский, д. 7;

аспирант кафедры культурологии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: dnpoluyarova@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств Сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., 5.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Федотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: gry_anna@mail.ru

Шаркова Татьяна Вячеславовна – магистрант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

E-mail: tatyana.sharkovasad@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babayan Vladimir Nikolayevich – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of foreign languages and the Russian language, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense. 150001, Yaroslavl, Moskovski pr., 28.

E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Baikova Olga Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Linguistics and Translation, «Vyatka State University». 610000, Kirov, Moskovskaya st., 36.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

Bodnaruk Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of German and French Philology, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University. 163002, Arhangelsk, Severnaya Dvina emb., 17.

E-mail: bodnaruk@rambler.ru

Bokarev Alexei Sergeevich – Candidate of Philology, Senior lecturer, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: asbokarev@mail.ru

Boltayev Roman Evgenievich – 3rd year student, department «Puppet Theatre Actor», Yaroslavl State Theatre Institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43.

E-mail: roman.boltaeff@yandex.ru

Burovtseva Natalia Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor, Faculty of the Russian Language and Literature, Tamkang University, (Taiwan). Taiwan, New Taipei City, 251 Tamsui, 151 Ying-chuan Road, Tamkang University, Russian Department (FL 209).

E-mail: kung.n129@msa.hinet.net

Volkova Vasilisa Nikolaevna – graduate student, master's course, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: vasilisa_volkova@list.ru

Guseva Lubov Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: lagusevamk@mail.ru

Dobretsova Svetlana Aleksandrovna – lecturer, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: svetik-dobrecova@rambler.ru

Dubrovina Svetlana Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of the German Language, Belarusian State Agricultural Academy. 213407, Republic of Belarus, Mogilev region, Gorky, Michurin st., 5.

E-mail: rsn.09@mail.ru

Zhelvis Vladimir Ilyich – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Literatures and Languages, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Ivanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Subjects, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: Claus758@yandex.ru

Kulakovskiy Mikhail Nikolaevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: kulmn@mail.ru

Letin Vyacheslav Aleksandrovich – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Humanities and Theatre Studies, Yaroslavl State Theatre Institute. 150000, Yaroslavl, Deputatskaya st., 15/43

E-mail: liotin@yandex.ru

Metelkina Sofia Stanislavovna – 4th year student, Faculty of Russian Philology and Culture, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: v.zhelvis@gmail.com

Mikhailova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor, Department of Romance and Germanic Philology and Cross-cultural Communication, The National Research University "Belgorod State University". 308015, Belgorod, Pobeda st., 85.

E-mail: emikhailova@yandex.ru

Nikkareva Elena Viktorovna – senior lecturer, Journalism and Publishing Department, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: enikkareva@mail.ru

Novikov Mikhail Vasilevich – Doctor of History, Professor, Honoured Scientist of RF, Head of Department of Theory and Methods of Professional Education, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: m.novikov@yspu.org

Obukhova Olga Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, «Vyatka State University». 610000, Kirov, Moskovskaya st., 36.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

Perfilova Tatyana Borisovna – Doctor of History, Professor, Department of General History, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: m.novikov@yspu.org

Razumov Roman Viktorovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: rvrazumov@list.ru

Tarumova Natalia Timofeevna – Leading programmer, Computer Centre of M. V. Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskiye Gory st., 1; post-graduate student, Department of Cultural Studies, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: n-tarumova@yandex.ru

Titov Oleg Anatolevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: olegtitov2009@yandex.ru

Udod Dmitry Aleksandrovich – post-graduate student, Department of Linguistics and Linguodidactics, North Caucasian Federal University. 355009, Stavropol, Pushkin st., 1.

E-mail: dmitrii_udod@mail.ru

Ushakova Alina Pavlovna – post-graduate student, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: ushakowalina@yandex.ru

Khmara Dina Nikolayevna – Senior Lecturer, Department of History and Cultural Studies, Faculty of Humanities, Ivanovo State University of Chemistry and Technology. 150000, Ivanovo, Sheremetievsky pr., 7;

post-graduate student Department of Cultural Science, K. D. Ushinsky State Pedagogical University. 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: dnpoluyarova@mail.ru

Khrenov Nikolai Andreevich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Officer, Department of Mass Media and Arts, Section of Entertaining Culture, Federal Research Institution «State Institute of Art Studies». 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5.

E-mail: nihrenov@mail.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Senior lecturer, Department of Russian Literature, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: gry_anna@mail.ru

Sharkova Tatyana Vyacheslavovna – graduate student, master's course, Department of the Russian Language, K. D. Ushinsky State Pedagogical University, 1500000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1.

E-mail: tatyana.sharkovasid@mail.ru

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре.

2. Требования к оформлению:

– 1 страница текста формата А4 должна содержать не более 1 900 знаков с учетом пробелов;

– поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0 см;

– гарнитура Times New Roman; кегль 14; междустрочный интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением.doc.

4. Требования к рукописи:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– Ф. И. О. автора;

– почтовый адрес с индексом;

– контактный телефон;

– e-mail;

– ученая степень и звание;

– должность;

– место работы (указать юридический адрес и индекс).

4.4. Название статьи, аннотация, ключевые слова на русском и английском языках.

4.5. Аннотация статьи – не менее 150 слов.

4.6. Ключевые слова – 12 единиц.

4.7. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники и примечания указываются в тексте статьи в квадратных скобках (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27–48]). Библиографический список и примечания оформляются по ГОСТу 7.1–2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» (пример оформления см. на сайте <http://vv.yspu.org/>).

6. Таблицы, схемы, диаграммы должны быть черно-белыми, без цветной заливки, допускается штриховка.

Оформление таблиц и рисунков:

– каждый рисунок должен быть пронумерован и подписан. Подписи не должны быть частью рисунков;

– рисунки обязательно должны быть сгруппированы (то есть не должны «разваливаться» при перемещении и форматировании);

– следует избегать использования рисунков и таблиц, размер которых требует альбомной ориентации страницы;

– надписи и другие обозначения на графиках и рисунках должны быть четкими и легко читаемыми;

– в тексте статьи обязательно должны содержать ссылки на таблицы, рисунки, графики.

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Рисунки, таблицы, схемы должны иметь порядковый номер название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

7. К рукописи, предназначенной для публикации, необходимо приложить следующие материалы:

– Заполненное и подписанное Лицензионное соглашение в двух экземплярах.

– Почтовый конверт с марками для возвращения одного экземпляра лицензионного соглашения автору статьи.

8. Объем статьи не должен превышать 10 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

9. Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

10. Присланная статья проходит рецензирование, получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии «Верхневолжского филологического вестника», после чего передается редактору для включения в номер, содержание которого утверждается на редколлегии.

Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

CONDITIONS FOR PUBLISHING ARTICLES IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN» AND REQUIREMENTS FOR TYPOGRAPHY OF MANUSCRIPTS

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

- 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;
- margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;
- font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1–2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and

white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

- each picture must be numbered and have a caption.

Captions must not be part of the picture;

- pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

- pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

- captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

- the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

- 2 copies of completed and signed author's contract.

- An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Verhnevolzhski Philological Bulletin» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 19 п. л., 14,6 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 40. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.03.2017

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852) 32–98–69